

Ф. 14 УКА
ИСКУССТВО
ЛИТЕРАТУРА

АКАД. Э. ФАГЗ

ЧТЕНИЕ

хорошихъ

старыхъ

КНИ

№ 17

83.3/0) ^{режим} 669546
8И | _____
Ф14 | Фага Э.
Чтение хороших ста.
ных книг.

7.50

669546

OK

м/ф

Р.ф.

МОСКВА.

Тип. Т-го Дома „М. В. Балдинъ и К^о“, Арбатъ, 7.

НАУКА
ИСКУССТВО
ЛИТЕРАТУРА

№ 17

Библиотека

„Наука искусство литература“

- № 1. Акад. Э. ФАГЭ. **Какъ читать.** *Изд. 4-е, исправленное и дополненное.* Ц. 50 к.
- № 2. Проф. О. БЮРКЛЕНЪ. **Собраніе задачъ по аналитической геометріи на плоскости.** Съ 32 черт. Ц. 50 к.
- № 3. Проф. С. Е. БЕРЕЗОВСКІЙ. **Общая хирургія (хирургическая патологія и терапия).** *Часть первая.* Съ 32 рис.
- № 4. Гр. Л. РОСТОПЧИНА. **Семейная хромика.** Съ иллюстр. Ц. 1 р.
- № 5. Проф. С. Е. БЕРЕЗОВСКІЙ. **Общая хирургія (хирургическая патологія и терапия).** *Часть вторая.* Съ 53 рис. Ц. за обѣ части 3 р.
- № 6. АНТОНЪ СОРОКИНЪ. **Золото.** *Монодрама.* Вступительная статья автора: „МОНО ДРАМА И ДРАМА-СХЕМА ИЛИ ПОЛИДРАМА“ Съ 10 рис. худ. П. В. Абрамова. *Изд. 2-е* Ц. 50 к.
- № 7. Проф. ФЕЛИКСЪ ЛЕ ДАНТЕКЪ. **Хаосъ и міровая гармонія.** Ц. 50 к.
- № 8. Г. РУПНЕЛЬ. **Жоко.** Романъ.
- № 9. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. **ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ.** Т. I.
- № 10. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. **ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ.** Т. II.
- № 11. Л. ТЕСТЮ и О. ЖАКОБЪ. **ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ.** Т. III. **Шея.**
- № 17. Акад. Э. ФАГЭ. **Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ.**

Акад. Э. ФАГЭ

83.3(0)
Ф 14

ЧТЕНІЕ
ХОРОШИХЪ СТАРЫХЪ
КНИГЪ

Подъ редакціей

А. Ф. ГРЕТМАНЪ

Ф 14 V

ОТД. ХРАНЕНИЯ
ФОНДОВ

662546

ЧТЕНІЕ ХОРОШИХЪ СТАРЫХЪ КНИГЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этихъ «мысляхъ, во время чтенія»—мнѣ кажется такъ надо назвать мои очерки—де слѣдуетъ ждать собственно ни послѣдовательности, ни системы.

Очерки эти папоминаютъ замѣтки на поляхъ, которыя перечитываются впослѣдствіи,—замѣтки, писавшіяся день за днемъ и касающіяся то Корнеля, то Расина, то Бюффона, то Гюго, смотря по тому, какого изъ этихъ писателей мнѣ приходила фантазія открыть, съ кѣмъ вздумалось возобновить знакомство. И въ зависимости отъ своего расположенія духа въ данный день я набрасывалъ то размышленія о сущности текста, о мысляхъ и чувствахъ, вызываемыхъ имъ, то замѣтки объ искусствѣ и манерѣ писать, свойственной данному писателю, о его стилѣ и, такъ сказать, его приемахъ. Такимъ образомъ получился скорѣе рядъ литературныхъ разговоровъ, чѣмъ критическихъ статей.

Тѣмъ не менѣе я считаю свою книжку полезной и заполняющей нѣкоторый пробѣлъ. Общія мысли о литературной эпохѣ или объ авторѣ служатъ, такъ сказать, введеніемъ въ чтеніе. Они указываютъ чита-

телю точка зрѣнія, на которыя онъ можетъ стать, на которыя ему, быть можетъ, полезно стать, читая великое произведеніе, и слѣдствіемъ того будетъ такое же чтеніе извѣстнаго отрывка изъ великаго творенія, какимъ было мое чтеніе. Слѣдовательно, трудно найти занятіе болѣе субъективное, лично интересующее человѣка, и часто мой читатель станетъ противопоставлять свое впечатлѣніе моему и замѣтить, что чтеніе данной страницы привело его въ совершенно иное настроеніе и возбудило иныя мысли, чѣмъ во мнѣ. Но я считаю это въ дѣлахъ литературныхъ весьма полезнымъ. Вы вообще съ удовольствіемъ прочли «Общественный договоръ» Руссо или «Войну и миръ», но затѣмъ начинаете раздумывать, и васъ тянетъ перечесть то или иное мѣсто великихъ писателей. Размышленія приглашаютъ васъ перечитать эти мѣста столь же медленно и вдумчиво, вникая, такъ сказать, во всѣ мелочи, какъ дѣлалъ при этомъ я. Вы взвѣсите, можетъ быть, станете даже оспаривать мои толкованія, и это еще нѣсколько задержитъ васъ. Я считаю подобное чтеніе весьма полезнымъ. Всѣ мы вообще читаемъ слишкомъ быстро, увлекаясь желаніемъ — впрочемъ похвальнымъ — прочесть все, или, по крайней мѣрѣ, все насъ интересующее, что уже составляетъ значительное количество книгъ. Мы читаемъ слишкомъ быстро и, благодаря этому стиль, даже самый языкъ, для насъ совершенно пропадаетъ, потому что мы спѣшимъ схватить на лету мысль, не заботясь о томъ, какъ она выражена. Такимъ способомъ мы лишаемъ сами себя большого удовольствія и, кромѣ того, идемъ противъ своего памѣренія и обманыва-

емъ самихъ себя потому, что при такомъ чтеніи собственно даже не схватываемъ настоящимъ образомъ идеи, такъ какъ она заключается въ отгѣнкахъ, а языкъ и слогъ не только вѣдшее украшеніе, но анализъ идеи.

Итакъ, читать медленно не значитъ останавливаться на грамматическихъ или стилистическихъ замѣчаніяхъ, но вникать въ смыслъ, вникать глубоко, вполне усвоивать себѣ идею таковою, какъ она есть, а не создавать себѣ изъ нея неяснаго образа, какъ бы смотрящаго на насъ издалека. По нѣкоторымъ преданіямъ Елены вовсе не было въ Троѣ, и въ городѣ Дарданусѣ виталъ только ея призракъ. Сколько же читателей проработали не десять, а тридцать, сорокъ лѣтъ, чтобы овладѣть этимъ призракомъ Елены.

Книжка, выпускаемая мною,—я не преувеличиваю ея значенія—укажетъ ея читателямъ на необходимость пріобрѣсти хорошую привычку читать медленно и перечитывать, а можетъ быть, даже побудить ихъ къ тому. Я всегда бываю очень радъ, когда кто-нибудь изъ моихъ читателей указываетъ мнѣ ошибку во французскомъ языкѣ, сдѣланную мною, а въ особенности—не могу не признаться,—если при томъ оказывается, что ошибку-то онъ дѣлаетъ самъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мнѣ это указываетъ, что меня читали внимательно, что въ видимой враждебности скрывается вниманіе, а это всегда лестно. Также мнѣ было бы пріятно, если бы какой-нибудь читатель,—а лучше, если бы ихъ нашлось нѣсколько или много,—вступилъ со мною въ споръ по поводу того, какъ я понимаю или чувствую такую-то стра-

ницу Расина и Вольтера. «Вотъ и отлично», — сказали бы я при этомъ — «онъ перечитывалъ и перечитывалъ, медленно. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ, уразумѣлъ все, что могъ; можетъ быть, понялъ даже лучше меня; во всякомъ случаѣ онъ понялъ *больше*, чѣмъ прежде, и получилъ пользу для своего ума, благодаримъ. Я оказалъ небольшую услугу».

Два друга ежедневно гуляли вмѣстѣ и бесѣдовали. И одинъ, не любившій скучать, говорилъ часто другому при разставаніи: «Погуляемъ еще немного и попытаемся въ чемъ-нибудь несогласиться». Онъ былъ очевидно философъ-перипатетикъ¹⁾. Я люблю до известной степени и въ довольно широкихъ размѣрахъ, чтобы мой читатель примѣнять ко мнѣ такую философію. Вы сами знаете, что основателемъ евристической²⁾ школы былъ самъ Сократъ.

Э. Фазз.

іюнь 1911 г.

¹⁾ Перипатетики — послѣдователи философіи Аристотеля, занимавшіеся, преимущественно, истолкованіемъ ученія основателя школы, которая существовала до 3-го вѣка по Р. Х. Прозваны такъ вслѣдствіе обычнаго новенія Аристотеля преподавать свою философію во время прогулки по Лицею.

²⁾ Евристическій (евристическій) методъ или сократическій обучаетъ посредствомъ вопросовъ.

ГОМЕРЪ

Прощаіе Гектора съ Андромахой въ Иліадѣ.

Греки осаждаютъ Трою. Гекторъ, сынъ царя троянцевъ Іріама, идетъ въ бой, гдѣ, можетъ быть, суждено ему погибнуть. На валу ожидаетъ его жена, Андромаха, съ маленькимъ сыномъ Астіанаксомъ на рукахъ. Такъ говоритъ Андромаха Гектору:

«Храбрость твоя, дорогой мой, погубитъ тебя. И не
жалко

Малого сына тебѣ, ни меня горемычной, кто скоро
Станетъ вдовою твоею, ибо скоро ахейскіе мужи
Всѣ нападутъ и убьютъ. А тебя потерявши,
Лучше мнѣ въ землю сойти. Не будетъ мнѣ радостей
больше,

Если ты смерти навстрѣчу пойдешь. Впереди ожи-
даетъ

Горе лишь. Нѣтъ ни отца у меня, ни матери милой.
Первымъ отца умертвилъ Ахиллесъ богоравный.

Въ день, когда взялъ въ Клякии високовратыя
Озвы...

Семеро братьевъ родныхъ оставалось со мною въ чер-
тогѣ;

Вмѣстѣ они въ одинъ день отошли всѣ въ обитель
Аяда,

Всѣхъ умертвилъ ихъ герой Ахиллесъ Пелидь бого-
равный —

Пасшихъ стада криворогихъ быковъ и овецъ бѣло-
рунныхъ.

Мать же мою Артемида стрѣлой поразила...

Сжался надъ нами сегодня, останься на башнѣ вы-
сокой,
Чтобы его сиротѣй, а меня не покинуть вдовою,
Войско межъ тѣмъ размѣсти невдали отъ смоковницы
дыкой,
Тамъ, гдѣ доступнѣе городъ, гдѣ легче взобраться
Трижды на приступъ уже покушались храбрѣйшіе
мужи» 1).

Андромаха, молодая женщина, любитъ своего мужа и сына и боится остаться вдовою, это не требуетъ объясненій. Она рассказываетъ мужу исторію несчастья своей семьи, и это можетъ показаться лишнимъ, такъ какъ эта исторія Гектору хорошо извѣстна; но вполне понятно, что Андромаха вновь переживаетъ ее въ своей памяти, размышляя о пережитомъ несчастьи и будущемъ, и также понятно, что она напоминаетъ о томъ мужу, заканчивая словами: «Нѣтъ ни отца у меня, ни матери милой. Семеро братьевъ оставалось со мною въ чертогѣ. Вмѣстѣ въ одинъ день отошли, всѣ въ обитель Аида. Гекторъ, теперь для меня ты отецъ, ты мать дорогая, ты мой единственный братъ, и ты же супругъ мой цвѣтуцій». Однако она жена воина, она знаетъ обязанности гражданина, когда отечество въ опасности, и ей не приходится въ голову отговаривать его отъ участія въ битвѣ. Она только проситъ его защищать городъ, не подвергая себя слишкомъ большой опасности на стѣнахъ, но *близъ нея*. Ее больше всего страшитъ опасность, грозящая вдали. Гекторъ отвѣчаетъ:

1) „И л і а д а“—пѣснь I,—въ переводѣ Н. Н. Миньскаго.

«Самъ я, жена, этимъ озабоченъ. Но было-бы стыдно
Мнѣ передъ каждымъ троянцемъ и длинноодежной тро-
янкой,

Если-бы здѣсь въ далекѣ я, какъ трусь, уклонялся
отъ битвы.

Да и противится сердце мое, оттого, что приученъ
Доблестнымъ быть я всегда и сражаться средь пер-
выхъ троянцевъ,

Громкую славу отца, также славу свою соблюдая.
Знаю въ душѣ хорошо я предчувствую самъ это серд-
цемъ :

Будетъ когда-либо день, и погибнетъ священная Троя,
Вмѣстѣ погибнетъ Пріямъ и народъ копьеносца Прі-
яма,

Но не страшать меня столько страданія прочихъ
троянцевъ,

Даже Гекубы самой и отца скиptronосца Пріяма,
Вѣдѣтвія братьевъ родныхъ, что большою толпой и
отважной

Все-же полягутъ во прахъ подъ руками мужей су-
постатовъ;

Сколько твои, Андромаха. Въ тотъ день мѣднбронный
Ахеецъ,

Льющую слезы тебя уведеть и повергнуть въ не-
волю,

Будешь ты въ Аргосѣ ткать, подъ надзоромъ жены
чужеземной.

Будешь тамъ воду носить изъ Мессеппа или Гиперии,
Нехотя сильно; но все-же нужда роковая заставитьъ.

Скажетъ тогда кто-нибудь, увидавъ тебя, льющую
слезы :

Гектора это жена, кто изъ храбрыхъ наѣздниковъ

Трои

Первымъ въ сраженьяхъ бывалъ, когда бились во-
кругъ стѣнъ Илиада,

Скажетъ онъ такъ. Для тебя же то будетъ страда-
ніемъ новымъ,

Вспомнить о мужѣ, кто могъ-бы тебя отъ неволи из-
бавить.

Пусть же я раньше умру и могильной покроюся
землею,

Чѣмъ я услышу твой плачь и твое похищенье
увиджу».

Гекторъ не старается утѣшить Андромуху. Онъ на-
ивно высказываетъ угнетающія его мрачныя предчув-
ствія. Покорность року нераздѣльная съ мужествомъ,
необходима въ такую ужасную минуту. Андромуха—
жена война; она должна быть готовой къ смерти
мужа и ко всемъ возможнымъ послѣдствіямъ пора-
женія: изгнанію, одиночеству, неволѣ. Неужели она
предпочла бы имѣть мужемъ труса, не вставшаго на
защиту своей родины, что, впрочемъ, еще скорѣе
привело бы къ изгнанію и рабству. «Исполнимъ свой
долгъ и отдадимся на волю боговъ»,—говоритъ онъ.
Андромухѣ понятны такія рѣчи, и она не ожидала
иныхъ. Она не возражаетъ. Покоряется. Но Гекторъ
хочетъ обнять сына, котораго быть можетъ больше
не увидитъ.

«Молвивъ, блистательный Гекторъ къ ребенку простеръ
свои руки,

Съ крикомъ дитя отвернулось къ кормилицѣ пышно
одѣтой,

Изъ сердцу прижалось испуганно видомъ отца дорогого,
Мѣди оно утрашилось и гребня съ гривой косматой,
Что развѣвалась грозно повыше блестящаго плема.
И улыгнулась почтенная мать и родитель.

Шлемъ съ головы своей снялъ блистательный Гек-
торъ великій,
Ярко сверкавшую мѣдь положилъ онъ на землю по-
спѣшно,

Милое обнялъ дитя, на рукахъ покачалъ»...

Милая, почти веселая семейная картинка, дѣтскій испугъ, вызывающій улыбку, слѣдуетъ за мрачнымъ описаніемъ предчувствуемаго пораженія и бѣдствій. На минуту тяжелое впечатлѣніе забывается, сглаживается. Такъ создана жизнь изъ переживаемыхъ радостей и горестей, чередующихся между собою, какъ въ дни устойчивой погоды, то облака затмѣваютъ солнце, то яркій свѣтъ разсѣиваетъ сумракъ. Гекторъ, лаская сына, молить боговъ:

«Зевсъ и вы, прочіе боги. О дайте, чтобъ сынъ мой
любезный

Сдѣлался мужемъ, какъ я: наилучшимъ среди вой-
ска троянцевъ.

Дайте, чтобъ силой былъ славень и силой царилъ
въ Иліадѣ.

Пусть говорятъ про него, когда будетъ съ войны воз-
вращаться:

«Многимъ онъ лучше отца». Пусть доспѣхи, залитые
кровью,

Снимаетъ съ врага и приноситъ и радуется матери
сердце».

Надежда всегда живетъ въ сердцѣ челоуѣка. Гек-

торъ только что не думалъ ни о чемъ, кромѣ возможнаго, почти безспорнаго пораженія, своей смерти, и неволи жены; но, увидавъ сына, почувствовалъ приливъ отцовской гордости. Приласкавъ его подъ великими чистыми небесами, гдѣ царять боги, онъ исполняется довѣрія; онъ видитъ родину могущественной и славной, сына, даже въ случаѣ своей смерти, великимъ, сильнымъ, храбрымъ, правящимъ Троей побѣдоносно, защищающимъ ее отъ враговъ; а свою жену, окруженную почетомъ въ счастливомъ городѣ, гордую славой сына, какъ наполнила бы ее гордостью слава мужа. Андромаха наполовину успокаивается. Ея душа излѣивается чудесной мечтой, очаровавшей душу ея супруга-героя. Она не плачетъ, но уже смѣется.

Обратившись съ молитвой къ богамъ, Гекторъ передаетъ сына нѣжно любимой супругѣ. Та прижимаетъ ребенка къ груди и улыбается сквозь слезы. Расстроганный Гекторъ ласкаетъ ее. Эта картина, сотая разъ воспроизведенная кистью, набросана немногими штрихами, какъ создаются всѣ великія произведенія. Гекторъ глубоко взволнованъ, но твердъ и не боится, — обратите на это вниманіе, — что нѣжность можетъ поколебать его мужество, его душевную стойкость; ребенокъ забылъ свой дѣтскій испугъ, но еще чувствуетъ его смутные отзвуки и крѣпко прижимается къ груди матери, нѣжно привлекающей его къ себѣ; Андромаха еще встревожена, но ее утѣшаетъ мечта о материнской славѣ, нарисованной ей супругомъ, и еще болѣе геройскія отеческія чувства, выраженные мужемъ. Она счастливая мать, потому что мужъ ея

любить сына больше самого себя и желаетъ ему славы больше, чѣмъ себѣ: счастливая мать, она чувствуетъ себя счастливой, по крайней мѣрѣ нѣсколько минутъ, несмотря на угрозы судьбы, передъ лицомъ неизмѣримыхъ бѣдствій. Въ этой картинѣ воплотилась величайшая духовная красота человѣчества: любовь супружеская, любовь отеческая, любовь материнская, любовь къ роднямъ. И какъ необыкновенно просто это великолѣпное описаніе человѣческихъ добродѣтелей.

Гекторъ, лаская Андромаху, говоритъ:

«Милая, въ сердцѣ своемъ обо мнѣ не печалься такъ
много:

Противъ судьбы человѣкъ не пошлетъ меня въ область Аида,

А отъ судьбы, полагаю, никто изъ людей не спасется,
Ни боязливый, ни храбрый, коль скоро на свѣтъ онъ
родился.

Лучше вернувшись домой, ты займись тамъ собственнымъ дѣломъ,

Прялкой и ткацкимъ станкомъ—и блюда, чтобъ служанки свершали

Точно работы свои. О войнѣ-жъ позаботятся мужи,
Всѣ, кто живетъ въ Илионѣ, а я—наиболѣе прочихъ».

Гекторъ, отдавши дань супружеской и отеческой пѣжлости, снова становится воиномъ и вождемъ, и мы хорошо чувствуемъ, что именно этотъ образъ онъ желаетъ запечатлѣть въ памяти возлюбленной супруги. Онъ фаталистъ, это необходимое условіе для всѣхъ, подвергающихъ себя опасностямъ. Онъ говоритъ: «Нашъ часъ предопредѣленъ, ничто не можетъ его ни

ускорить, ни отсрочить, а мы не знаемъ, когда онъ пробьеть. Что же намъ остается? Совершить въ этотъ срокъ долгій или короткій, предназначенный для шащей жизни, какъ можно больше прекрасныхъ дѣяній, удовлетворившихъ бы нашу совѣсть и нашу гордость. Только великія и добрыя дѣла имѣють цѣну, и такъ какъ наше сильнѣйшее желаніе долго пользоваться жизнью, слѣдовательно единственный возможный для насъ способъ ее продлить,—это наполнить ее тѣмъ, что имѣеть цѣну; мы не можемъ ее ни продлить, ни укоротить, такъ заполнимъ ее. Это мораль война. Я долженъ прибавить, что это мораль каждаго честнаго и разумнаго человѣка.

Съ другой стороны Гекторъ въ своихъ послѣднихъ словахъ выказываетъ себя воиномъ, вождемъ и главою семьи, отдавая послѣднія *приказанія* женѣ. Она ожидала мужа у воротъ города, чтобъ съ нимъ проститься; хорошо, но пусть она больше не медлитъ. Не подобаетъ женщинѣ и въ особенности супругѣ царскаго сына показываться на улицѣ. Пусть она вернется къ обязанностямъ своего пола и сана; пусть удалится во дворецъ и займется женскимъ рукодѣліемъ. Вѣдь она, подобно ему, должна также служить примѣромъ. Для мужчинъ—война съ ея опасностями, для женщинъ—домашнія заботы, не столь главныя, но столь-же почетныя, потому что у трудолюбиваго очага образуется здоровая, сильная семья, правильно воспитываются дѣти, и такимъ образомъ подготавливается будущая слава родины.

«Такъ произнеси. блистательный Гекторъ свой шлемъ,
густогривый

Подняль съ земли, а жена дорогая направилась къ
дому,

Все озираясь назадъ, проливая обильныя слезы,
Вскорѣ вернулась въ чертогъ, зпамятый богатымъ
убранствомъ

Гектора мужеубійца, гдѣ встрѣтила много служанокъ».

Андромаха разстается съ Гекторомъ, какъ жена моряка съ своимъ мужемъ, не смѣя надѣяться, что имъ снова придется свидѣться; когда онъ уходитъ, она глядитъ ему вслѣдъ, и не сдерживаемыя болѣе слезы струятся изъ глазъ. Она возвращается во дворецъ. Упомянаніе о великолѣпныхъ дверяхъ дворца не кажется неумѣстнымъ; быть можетъ, Андромаха, всецѣло поглощенная горемъ, не удѣляла имъ никакого вниманія, но, можетъ бытьъ также, что она взглянула на нихъ и подумала: «Врагъ вскорѣ вломится въ эти гордыя двери—слишкомъ гордыя и сложить изъ нихъ дымный костеръ». Угнетенная печальными мыслями, она переступаетъ порогъ, проходитъ во внутреннія покои и съ разстроеннымъ лицомъ появляется передъ своими служанками.

«И подпяла Андромаха межъ ними, межъ всѣми рыданье.

Такъ еще заживо Гекторъ въ своемъ былъ оплаканъ чертогъ,

Ибо не ждали онѣ, что домой онъ вернется обратно Съ поля сраженья, избѣгнувъ отваги и силы Ахеянъ».

Такимъ образомъ Гектора заживо оплакивають, какъ будто злой рокъ уже постигъ его; вѣдь безпокойство и отчаяніе свойственны женщинамъ и вполне понятны при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ. Какъ

будто спускается громадная надгробная пелена и разстиляется надъ Троей, обреченной гибели.

Но Гомеръ не желалъ закончить VI нѣспю Иліады такой картиной мрачнаго горя. Пусть женщины плачутъ,—это ихъ удѣлъ, но воинъ, идущій въ бой, не долженъ изгонять бодрости духа, не долженъ изгонять изъ сердца надежды. Пока Андромаха съ своими служанками рыдаетъ во дворцѣ, Гекторъ спускается въ равнину. Вскорѣ его нагоняетъ Парисъ, вызвавшій своимъ неблагоразуміемъ эту роковую войну. Парисъ не лишень храбрости, но онъ легкомысленъ и не обдумашъ.

Первый къ нему обратился тогда Александръ: «Милый, тебя задержалъ я, межъ тѣмъ, какъ торопишься сильно.

Медля, не въ пору пришелъ я урочную, какъ повелѣлъ ты».

И отвѣчая ему, такъ сказалъ племевѣющій Гекторъ:

«Братъ мой, ничтожнымъ тебя никто изъ людей справедливыхъ

Въ дѣлѣ войны не сочтетъ, оттого, что ты сердцемъ отваженъ,

Но добровольно ты медляшь, трудиться не хочешь. Во мнѣ-же

Сердце болитъ, если слышу тебѣ отъ троянцевъ укоры. Ибо усталости они много за тебя претерпѣли.

Только теперь поспѣшимъ. Это все разглядимъ мы и послѣ,

Если Зевсъ намъ дозволить, на память о днѣ избавленья,

Чашу поставятъ въ чертогахъ богамъ небожителямъ
вѣчнымъ,
Если отъ Трои прогонимъ Ахеянъ въ прекрасныхъ
доспѣхахъ». —

Гекторъ окончательно превратился въ воина и боевого вождя. Онъ распекаетъ подчиненнаго, хотя бы то былъ его братъ, смягчая суровость признаніемъ дѣйствительныхъ достоинствъ, поддерживаетъ въ немъ бодрость, внушаетъ надежду, рисуется сладкую радость послѣ побѣды, въ особенности надѣется самъ. Надежда-добродѣтель, потому что отчаяніе трусость. — «Надѣяться вопреки всякой надеждѣ» — это долгъ, потому что надеждой поддерживается въ насъ сознаніе, что мы приложимъ все усилія для того, чтобы справиться съ своей задачей, а при такихъ словахъ не можетъ быть, чтобы не оставалось никакого вѣроятія на успѣхъ. Этимъ заканчивается прощаніе Гектора съ Андромахой, Андромаха плачетъ, а Гекторъ твердо и бодро стремится въ бой, Андромаха проливаетъ слезы, но работаетъ со своими женщинами, Гекторъ ищетъ встрѣчи съ врагомъ, желая и надѣясь его побѣдить. Между ними лежитъ городъ, громадный и мрачный, осажденный врагами, Андромаха его уже оплакиваетъ, а Гекторъ идетъ сражаться за него и видитъ его въ героической мечтѣ свободнымъ и гордымъ.

Этимъ прекраснымъ рассказомъ вдохновился Ра-сидъ, когда написалъ свою замѣчательную трагедію «Андромаху». Гекторъ убитъ Ахилломъ, грознымъ греческимъ вождемъ, Андромаха взята въ плѣнъ Пирромъ, сыномъ Ахилла, и юный Астіанаксъ оставленъ при матери. Пирръ, очарованный прелестями и добродѣтеля-

ми Андромахи, хочеть на ней жениться. Андромаха чтить память Гектора и не может согласиться на бракъ съ сыномъ убійцы своего мужа; Пирръ грозитъ, что въ случаѣ ея отказа опъ убьетъ, или, что равноспльно, прикажетъ умертвить ея сына. Это въ его власти, и ему даже трудно поступить иначе, по- потому что греки требуютъ выдачи сына Гектора, опасаясь, что опъ возстановитъ Трою и Троянское царство. Такимъ образомъ Пирръ, обрекая Астіанакса на смерть, поступалъ бы лишь какъ вѣрній сыгъ своей родины, исполняя рѣшеніи Греціи. Опъ представляетъ Андромахѣ выборъ: выйти за него замужъ и получить надежду, что можетъ быть со временемъ опъ вернетъ Астіанаксу троянскій престолъ, или отвѣтить отказомъ, зная, что въ такомъ случаѣ сыгъ ея будетъ выданъ грекамъ, и его ожидаетъ вѣрпалъ смерть. Положеніе Андромахи ужасное. Посмотримъ, почему она сама дѣлаетъ это положеніе еще болѣе ужаснымъ. Если бы она любила только сына—она глубоко его любить, но повторяю, если бы она любила только сына—ея положеніе было бы шаткимъ, ненадежнымъ, но не трагическимъ. Она вышла бы замужъ за Пирра. Греки объявили бы Пирру войну; можетъ быть Пирръ оказался бы побѣжденнымъ, но, только въ этомъ случаѣ, осуществлялась бы угроза, нависшая надъ Андромахой, именно смерть сына. Но Пирръ могъ выйти побѣдителемъ, и въ этомъ случаѣ Астіанаксъ былъ бы царемъ и Троянское царство возстановлено. Итакъ, если бы Андромаха любила только сына, она не стала бы колебаться, она вышла бы замужъ за Пирра, чтобы во всякомъ случаѣ от-

далить смерть сына, а при счастливомъ исходѣ вой- ны спасти навсегда ему жизнь и возвести его на престолъ. Слѣдовательно, если бы она любила только Астіанакса, она вышла бы замужъ за Пирра.

Но она не можетъ на это рѣшиться, потому что любить не только Астіанакса, она любитъ Гектора. Она любитъ его, какъ будто онъ еще живъ, любитъ его, какъ будто бракъ съ другимъ былъ бы невѣр- ностью и измѣной ему, любитъ его благоговѣнно. Ду- маетъ только о немъ, призываетъ только его имя.

Сотни разъ имя Гектора срывалось съ ея устъ.

Вдова Гектора не можетъ выйти замужъ за сына убійцы своего мужа, хотя бы для спасенія сына. Однако, упорствуя въ своемъ рѣшеніи, она обрека- етъ на смерть Астіанакса. Что ей дѣлать?

Послѣ тщетныхъ попытокъ убѣдить Пирра отка- заться отъ своего намѣренія, она придумываетъ ис- ходъ *весьма рискованный*—средство очень нена- дежное, но единственное, совмѣщающее материнскую любовь съ любовью супружеской, долгъ относитель- но сына съ долгомъ относительно мужа, нѣжность матери съ нѣжностью и цѣломудріемъ женщины. Она выйдетъ замужъ за Пирра, но не будетъ его женой. Она сочетается съ нимъ бракомъ торжественно, пе- редъ алтаремъ заставивъ его поклясться въ признаніи Астіанакса навсегда своимъ сыномъ, и сейчасъ же послѣ обряда она лишить себя жизни, чтобы не сдѣ- латься дѣйствительно женой Пирра. Она надѣется, что Пирръ, жестокій, но честный, сдержитъ свою клятву и приметъ подъ свою защиту Астіанакса, да- же лишившись Андромахи; но больше всего она, по-

видимому, разсчитываетъ — и, пожалуй, справедливо, — что растроганный и потрясенный величіемъ ея жертвы, Пирръ пожелаетъ отказаться достойнымъ ея и никогда не унижится до недостойной мести, умертвивъ сына такой матери и женщины, получившей его имя.

Непредвидѣнное обстоятельство обезпечило ей успѣхъ, какого она не ожидала. Греки, возмущенные отказомъ Пирра выдать имъ Астіанакса и намѣреніемъ усыновить его, женившись на Андромахѣ, съ негодованіемъ убѣдившись въ его открытомъ неповиновеніи требованіямъ Греціи, убиваютъ его на ступеняхъ алтаря, гдѣ совершалась брачная церемонія, и народъ Пирра провозглашаетъ царицей Андромаху, а царемъ Астіанакса. Вѣроятно Греція объявятъ войну Андромахѣ, но она вдова Гектора, и ея окружаютъ друзья и воины Ахилла.

Но эта развязка, а я хотѣлъ только обрисовать характеръ Андромахи. Это характеръ гомеровскій; при созданіи его Расинъ вдохновлялся исключительно *прощаніемъ Гектора съ Андромахой*.

Въ трагедіи Расина Андромаха обладаетъ характеромъ гомеровской Андромахи и гомеровскаго Гектора, какъ бы заимствованнымъ и унаслѣдованнымъ отъ него, что вполне понятно у любящей женщины. У нея характеръ гомеровской Андромахи: она кроткая, нѣжна, страстно любящая мать, благоговѣнно чтитъ семейный очагъ, *любитъ жить среди мертвыхъ*. У Гомера она говоритъ: «Я потеряла отца, мать, семерыхъ братьевъ. Они покоятся въ могилѣ, обсаженной зелеными вязами благочестивыми нимфами-Орестіадами, дочерьми Юпитера. У меня не осталось ни-

кого кромѣ тебя, ты мой отецъ, моя мать, мой братъ и мой супругъ». У Расина она говоритъ ему: «У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя, ты мой Гекторъ, составлявшій для меня все».

«Это Гектора, его я цѣлую».

И она живетъ воспоминаніемъ о Гекторѣ, противъ котораго смерть бессильна, потому что онъ живъ въ ея сердцѣ. Она говоритъ стихами Расина то, что выразила языкомъ Гомера на укрѣпленіяхъ Троя:

«Лучше бы мнѣ не родиться».

Именно къ такому твердому рѣшенію она приходитъ. Любовь къ мертвымъ, любовь къ мужу, любовь къ сыну,—такова Андромаха Гомера, и такова Андромаха Расина.

В И Р Г И Л І Й

Два друга: Низусъ и Эвріалъ въ Энеидѣ

Троянцы, оставшіеся въ живыхъ послѣ разрушенія Трои, достигли подъ предводительствомъ Энея Италіи, чтобы основать тамъ городъ. Они сражались съ землевладѣльцами, которые отказались ихъ принять, но случилось такъ, что, будучи запертой въ сильной крѣпости, отрѣзанная отъ своего предводителя Энея, осажденная часть троянцевъ искала средство увѣдомить Энея о своемъ критическомъ положеніи и позвать его къ себѣ на помощь. Двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ уже привыкъ къ войнѣ, а другой почти ребенокъ, связанные нѣжной дружбой предложили себя въ посланные. Рискаюя всеѣмъ, они хотѣли пробраться черезъ осаждающихъ и найти Энея. То были Низусъ и Эвриальъ.

«Одинъ входъ подъ стражей былъ сына Гиртака¹⁾,

По имени Низа, который былъ полонъ

Войнственнымъ жаромъ. Лѣса покидая

Всеѣмъ милой имъ Иды, обильные дичью,

Некусный въ метаньи стрѣлы быстрокрылой,

Пошелъ по стопамъ онъ героя Энея.

Съ нимъ былъ неразлученъ Эвриальъ. Красивѣй

Всеѣхъ въ войскѣ, казался онъ просто дитятей,

¹⁾ „Энеида“ въ переводѣ Соснецкаго.

На щекахъ румяныхъ чуть-чуть пробывался
Пухъ юности первый. Сближенные нѣжной
И искренней дружбой, они и на битвы
Ходили все вмѣстѣ. И въ эту минуту
Обоимъ охрана ввѣрялася входа».

Послѣ того, какъ Виргилій такъ подробно описалъ
своихъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы обратить внима-
ніе на всю ихъ важность въ его разказахъ и на то,
что онъ намѣренъ много говорить о нихъ, онъ ихъ
выводитъ на сцену и заставляеть ихъ разговаривать.

«Не Бога-ль какіе, мой милый Эвріаль,
Такъ молвилъ Низъ другу—меня сожигаютъ
Воинственнымъ жаромъ, иль каждый изъ смертныхъ
Страсть богомъ считаетъ? Давно я стремлюся
Сразиться иль сдѣлать великое дѣло:
Душа недовольна подобнымъ покоемъ.

Сейчасъ же мы видимъ, что Низусъ—безпокойный
искатель приключеній, полный отваги, храбрости и
рѣшимости, способный проникнуться высокимъ на-
мѣреніемъ, но недостаточно осторожный и хладнокров-
ный. Онъ такъ продолжаетъ говорить:

«Смотри, какъ безпечны, какъ странны Рутулы.
Огни ихъ блистають другъ къ другу далеко,
А сами Рутулы¹⁾ иль спятъ или пьяны,
Кругомъ все безмолвно; узнай же, Эвріаль,
Что я замышляю, и мысли какія
Мой умъ наполняютъ. Всѣ воины Трои,
И всѣ полководцы хотятъ, чтобъ Ахизидъ
Сюда былъ отозванъ, чтобъ вѣстники скоро

1) Племя въ древней Италіи. *

Его извѣстили объ этихъ событіяхъ.

Когда мнѣ трояне дадутъ обѣщанье,
Что все то исполнять, чего прошу я,
Тебѣ, мой Эвріалъ, (а я ужъ доволенъ
Скромною славой подобнаго дѣла):

Но я при подошвѣ вотъ этого холма

Найду путь удобный къ стѣнамъ Палантею».

Изъ этого видно, почему Virgilій такъ обставилъ эту сцену. Прежде всего намѣреніе Низуса окончательно опредѣлилось здѣсь, на этомъ валу, во время его караула въ эту ночь, когда онъ думалъ о положеніи вещей, глядя на эту равнину и мечтая о славѣ. Передъ блокадой, Низусъ обошелъ окрестности. Онъ охотился въ лѣсахъ, видимыхъ тамъ по правую сторону; онъ знаетъ дорогу, которая ведетъ къ Палантею, если только возможно будетъ перейти черезъ цѣпь враговъ; онъ также замѣтилъ, что въ эту ночь рутулы веселились и не сторожили свой лагерь. Потому, все это представлено очень живо и даже драматично потому, что Низусъ, говоря Эвріалу въ то же время показываетъ ему, что видитъ: «Ты видишь эти лѣса направо отъ горизонта. Тамъ есть дорога, которая ведетъ въ Палантею; ты видишь лагерь рутуловъ; кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ; у нихъ плохой караулъ». Мы видимъ все это такъ же, какъ Эвріалъ, и это даетъ поэту возможность описывая, въ то же время показывать. Это первое дѣйствіе драмы отлично составлено.

Эвріала поразили слова друга: жажда славы поднимается въ немъ; Низусъ ему говоритъ о планѣ, славномъ и полезномъ, который возможно исполнить,

но не предлагаетъ ему принять въ немъ участіе. Это удивляетъ Эвріала, унижаетъ его и почти что возмущаетъ. Возможно, что Низусъ думалъ о томъ, чтобъ Эвріаль раздѣлилъ съ нимъ предполагаемое предпріятіе, но желалъ, чтобъ это предложеніе было выражено добровольно его другомъ. Этого я не знаю. Но это возможно. Какъ бы то ни было, Эвріаль не хвала своего друга за его прекрасную мысль, а жалуясь на то, что онъ отстраненъ, говорить :

«Какъ, Низъ, ты не хочешь
Дѣлить съ Эвріаломъ подобнаго дѣла?
Ужель одного я на бѣды такія
Пустить соглашусь? Гдѣ же тѣ наставленья,
Что даль мнѣ родитель могучій,
И къ войнѣ пріобыкшій, среди всѣхъ смятелій
И долгой осады и бѣдъ Иліона?
Меня ты видалъ-ли такимъ, какъ съ тобою
Иду за судьбами героя Энея?
Да, это вотъ сердце, конечно умѣетъ
Смотрѣть равнодушно на блага земныя.
И я не считалъ бы великою жертвой,
Коль пролилъ-бы каплю послѣднюю крови
За честь—взять участие въ твоемъ предпріятіи».

Надо замѣтить, что Эвріаль говоритъ о желаніи раздѣлить экспедицію изъ дружбы къ Низусу: «Ужель одного я на бѣды такія пустить соглашусь». Но главное его побужденіе—любовь къ славѣ и гордость молодого солдата. «Да, это вотъ сердце, конечно, умѣетъ смотрѣть равнодушно на блага земныя»... Я извиняюсь, что говорю, что тутъ все размѣрено. Дружба къ Низусу является главной причиной побужда-

ющей Эвриала, и о ней онъ сначала и говорить; но это не самый сильный мотивъ; въ юношѣ также говорить любовь къ родинѣ и славѣ:

«Я не считалъ бы великою жертвой,
Коль пролить бы каплю послѣднюю крови
За честь взять участие въ твоёмъ предпріятіи».

И наконецъ,—даже главнымъ образомъ,—затронута самолюбіе молодого человѣка, юноши, который себя считаетъ достаточно взрослымъ, чтобъ подвергаться опасностямъ наравнѣ съ другими. Его не берутъ. Развѣ его считаютъ ребенкомъ. Онъ тоже умѣетъ презирать жизнь, и его для этого воспитали. Въ немъ есть пріятная гордость дворянина временъ Людовика XIII или Людовика XIV. Это тотъ же «корнетъ» въ полку, который не хочетъ, чтобъ его обошли во время атаки. Можно ли предположить, чтобъ онъ дорожилъ жизнью, когда дѣло идетъ о славѣ. Достоинства не зависятъ отъ возраста.

Низусъ задумался. Въ сущности я предполагаю, что онъ хочетъ убѣдиться, твердо ли рѣшеніе Эвриала, и онъ согласенъ взять его съ собой, если узнаетъ, что тотъ дѣйствительно намѣренъ послѣдовать за нимъ и станетъ настаивать на своемъ намѣреніи, чѣмъ докажетъ, что это рѣшеніе серьезное, а не капризъ добраго ребенка. Однимъ словомъ онъ задумался, или, повидимому, задумался.

На это Низъ заявилъ:

«Что храбръ ты Эвриаль,
Кто-жъ въ томъ сомнѣвался? Такого сомнѣнья
Нельзя допустить мнѣ. О, еслибъ Юпитеръ
И прочіе боги, которымъ угодно

Мое предпріятіе, меня невредимымъ
Къ тебѣ возвратилъ. Но если судьбою
Иль богомъ враждебнымъ влекусь я на гибель,
(Ты видишь на бѣды какія пускаюсь),
Хочу, чтобъ Эвріаль, меня пережилъ ты:
Твой возрастъ имѣеть, вѣдь, большее право
На жизнь: коль паду я—мнѣ другъ сохранится,
Чтобъ трупъ мой исторгнуть изъ рукъ побѣдившихъ,
Иль, выкупивъ даже, предать погребенью;
Но, если судьбою и то и другое
Свершить запретится, заочно онъ тѣни
Участье окажетъ, и въ честь мнѣ воздвигнетъ
Онъ холмъ погребальный. Пусть боги избавятъ
Меня отъ несчастья причиною быть горя
Для матери бѣдной: для той, что одна лишь
Изъ всѣхъ женъ троянскихъ отправилась съ сыномъ
И жить не хотѣла въ пріютѣ Ацеста».

И для того, чтобы испытать Эвріала,—какъ я объ этомъ говорилъ,—или выражая дѣйствительно свою мысль (а вѣрнѣе всего, что и то и другое вмѣстѣ), Низусъ приводитъ всѣ доводы Эвріалу, пытаясь его отговорить отъ намѣренія сопутствовать себѣ. Онъ связанъ съ своей матерью, такой самоотверженной; Этимъ не сказано, чтобъ онъ не долженъ былъ воевать но долженъ бы подвергаться только тѣмъ опасностямъ, которымъ подвергаются другіе онъ только не долженъ вдаваться въ частныя предпріятія, связанные съ личной отвагой. Онъ еще очень молодъ, а юность имѣеть особья права на жизнь (Низусъ объ этомъ говоритъ очень кратко, сознавая, что онъ можетъ обидѣть Эвріала). Въ концѣ концовъ, и на чемъ Низусъ больше все-

го настаиваетъ—это дружба Эвриала къ нему, Низусу, который не позволяетъ Эвриалу слѣдовать за нимъ. Если Низуса убьютъ, Эвриаль найдетъ возможность—всѣ предположенія предвидѣны—или похитить тѣло Низуса у врага,—что мало вѣроятно, но все-таки возможно,—или выкупить его совместно съ другими троянцами, и въ обоихъ случаяхъ предать тѣло землѣ; или, наконецъ, если случится такое несчастье, что тѣло останется у «рутуловъ», воздвигнуть ему пустую могилу. Древніе думали, что, когда нельзя положить въ могилу тѣло (или пепель) умершаго, то это уже ничто до известной степени благоприятное, если удастся воздвигнуть могилу и совершить ритуальныя церемоніи для успокоенія души усопшаго. Это была могила отсутствующаго и похороненныя почести отсутствующему.

Эвриаль ничего не отвѣчаетъ, что является вѣрнымъ признакомъ непоколебимости его рѣшенія. Онъ говоритъ два слова: «Пустые предлоги»... «Я твердо рѣшился; пойдемъ же скорѣе».

Низусъ, втайнѣ очень довольный тѣмъ, что его другъ послѣдуетъ за нимъ, не настаиваетъ болѣе. Эвриаль будитъ солдатъ, чтобы смѣнить въ караулѣ его и Низуса, и оба они отправляются къ начальникамъ, которые въ эту самую ночь, стоя и упираясь на свои длинныя пикн со щитомъ на рукѣ, совѣтовались о важныхъ вопросахъ государства.

Друзья представляются начальникамъ и говорятъ о своемъ намѣреніи. Асканій, слышъ Энея, выслушавъ молодыхъ людей, обѣщаетъ имъ самыя богатые

и самые славные подарки, если ихъ планъ удастся.

Эвріаль отвѣчаетъ :

Одно попрошу я, и милость такая
Мнѣ выше подарковъ, тобою присужденныхъ
Имѣю я мать. Она не чужая
По роду, Пріаму. Голубушка, тяжко
Ей было и больно разстаться со мною.
Покинувъ отчизну, она не рѣшилась
Остаться и въ домѣ привѣтномъ Ацеста.
Она и не знаетъ, какимъ я намѣренъ
Подвергнуться бѣдамъ, и я отправляюсь;
Увы, не свершивши послѣднихъ прощаній.
Тебя заклинаю я Ночью и правой
Твоею рукою (не могъ бы снести я
Рыданій родимой): утѣшь ея горе,
Тебя умоляю; имѣй состраданье
Къ покинутой сыномъ. Пускай отправляюсь
Я съ симъ убѣжденіемъ: и съ большей отвагой
Я встрѣчу всѣ бѣды, которыя вѣрно
Меня поджидаютъ»...

Асканій обѣщаетъ сдѣлать мать Эвріала своей матерью. Молодые люди уходятъ среди ночи. Они проходятъ черезъ лагерь спящихъ осаждающихъ и затѣваютъ ссору.

Это ихъ ошибка, потому что они теряютъ дорогое время, и скоро настанетъ день, ихъ самый опасный врагъ. Низусъ замѣчаетъ это Эвріалу: «Довольно; настанетъ день, который можетъ насъ выдать; мы достаточно отомщены: дорога черезъ непріателей стала намъ открыта».

Они выходятъ изъ вражьяго стана, но уже слиш-

омъ поздно. Триста рутульскихъ всадниковъ изъ главной итальянской арміи присоединились ночью къ лагерю осаждающихъ. Они въ порядкѣ приближались къ долинѣ подъ предводительствомъ Вольцента.

«... Но вотъ они оба

Выходятъ изъ стана и ищутъ пріюта,
Гдѣ можно-бъ укрыться. Межъ тѣмъ, какъ все войско
Предалось покою, занявши равнину, туда изъ Лав-
рента!

Неслися три сотни наѣздниковъ славныхъ:

Они съ порученіемъ явились къ Турну,

Подъ личной командой лихого Вольцента.

Отрядъ достигаетъ почти ужь до входа,

Какъ вдругъ промелькнули какія-то тѣни

Вдали на тропинкѣ, ведущей палѣво;

И племъ измѣняетъ собой Эвриалу

На тѣни отразившій блеснувшій лучъ лунный.

То было несчастнымъ тогда указаньемъ.

И вотъ изъ отряда Вольцентъ восклицаетъ:

«Эй, воины, стойте! Куда вы идете.

Зачѣмъ вы въ окружь и кто вы такіе?»

На это ни слова два друга; поспѣшно

Они убѣгаютъ въ тѣнистую рощу,

И ночи глубокой себя поручаютъ.

Но всадники слѣдомъ пустились въ погоню

Имъ очень извѣсны въ лѣсу все тропинки,

А выходы тотчасъ замкнулись стражей».

И съ этого момента чувствуется, что Низусъ и Эвриаль погибли. Виргилій не для того описалъ этотъ эпизодъ, чтобъ обучить читателей, какъ надо исполнить военную миссію, и какихъ надо избѣгать оши-

богъ; онъ его описалъ, чтобъ дать прекрасный примѣръ братской дружбы между товарищами по оружію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пишетъ для римлянъ. И онъ самъ римлянинъ. Онъ (а также и его читатель) ничего не имѣетъ противъ того, чтобы показать, что, проходя въ качествѣ посланнаго, черезъ непріятельскую армію, не надо задерживаться на ненужныхъ убійствахъ; не надо ждать до зари и не надо надѣвать каску, которая, даже ночью, можетъ васъ выдать. Низусъ и Эвріаль, особенно послѣдній, шаловливыя дѣти.

Они, можетъ быть, дорого заплатятъ за свои многочисленныя неосторожности.

«А въ лѣсу этомъ пропасть ползучихъ растеній,
И путь затрудняли огромные терны:
Лишь кой-гдѣ тропинка чуть видно змѣилась,
Слегка извиваясь по темному лѣсу.
И листья густые и тяжесть добычи
Собой затрудняютъ путь Эвріала».

Виргилій, большой мастеръ въ описаніяхъ. Въ нѣсколькихъ чудныхъ стихахъ, для того, чтобъ доставить себѣ удовольствіе, онъ описалъ лѣсъ; но онъ его рисуетъ нѣсколькими штрихами, очень выразительными, имѣющими прямое отношеніе къ предмету. Онъ описываетъ только то, что само по себѣ красиво, и объясняетъ почему. Эвріаль заблудился въ лѣсу и встрѣтилъ тамъ препятствія.

«А страхъ уклоняетъ съ избранной тропинки,
И онъ заблудился въ мѣстахъ незнакомыхъ,
Низъ этого горя совсѣмъ не замѣтилъ;
Онъ все продолжаетъ бѣжать; напослѣдокъ

Успѣлъ онъ и скрыться, явившись въ предѣлы,
Которые послѣ назвались Альбаны,
Отъ имени Альбы: Латинъ царь имѣлъ тамъ
Богатяя фермы. Низъ духъ переводить...
Глядитъ, но не видитъ нигдѣ Эвриала».

Тутъ могъ произойти, что называется конфликтъ между чувствомъ и долгомъ. Низусъ, какъ другъ, долженъ былъ бы вернуться обратно и искать Эвриала; долгъ же Низуса, какъ солдата, заставляетъ его продолжать свой путь, такъ какъ по неожиданной случайности онъ ускользнулъ отъ непріятеля. Онъ обязанъ сохранить себя для своихъ товарищей, оказать имъ цѣнную услугу: спасти ихъ и для того долженъ продолжать свою миссію. Народный интересъ требуетъ, чтобъ кто нибудь добрался до Энея; развѣ этотъ народный интересъ не долженъ побороть все остальные. Можно объ этомъ говорить, спорить, разсуждать. Можетъ выйти конфликтъ. Объ этомъ конфликтѣ Виргилій не упоминаетъ. Низусъ ни минуты не разсуждаетъ. Дѣло въ томъ, что Виргилій описываетъ людей примитивныхъ, инстинктивныхъ, дѣйствующихъ по первому побужденію, не имѣющихъ времени реагировать противъ этого перваго побужденія и задавать себѣ вопросъ, есть ли у нихъ другой долгъ.

Римлянинъ времяць Ромула навѣрно оставилъ бы Эвриала въ лѣсу и прямо направился бы къ Энею. Римлянинъ же времяць Виргилія, читая этотъ эпизодъ сказалъ бы: «Мы поступаемъ иначе; но какъ естественно, что наши предки поступили бы такъ, какъ это описываетъ Виргилій. И возможно, что кто

нибудь из насъ, даже теперь, поступилъ бы какъ Низусъ, и никто бы его не могъ презирать».

И такъ, Низусъ возвращается въ лѣсъ. Онъ не зоветъ Эвриала, потому что онъ не настолько неостороженъ, но...

«Бѣжить по изгибамъ измѣнника лѣса
Опять попадаетъ на тѣ же тропинки,
И снова кустарникъ предъ нимъ молчаливый
Вдругъ слышитъ онъ топотъ: его поражаетъ
Шумъ громкій оружіемъ и воиновъ знаки;
Но вотъ крикъ донесся до Низова слуха:
Онъ друга увидѣлъ, который былъ мѣстомъ
И ночью обмануть; его поразило
Враговъ нападеніе, и въ руки Рутуловъ
Эвриаль попался, хотя отбиваться
Онъ пробовалъ храбро: все было напрасно.
Что дѣлать? (Низъ думалъ)—Какая же сила,
Какое оружье помогутъ исторгнуть
Изъ вражьей неволи любезнаго друга.
Не броситесь-ль прямо въ средину Рутуловъ,
Чтобъ смерть отыскать тамъ, достойную славы.
Но вдругъ отклонивши немножечко руку,
Копье потрясаетъ, и, взоръ обративши
Къ лунѣ, восклицаетъ: «Богиня,---сказалъ онъ---
Будь мнѣ благосклонна; въ моемъ предпріятіи
Ты помощь пошли мнѣ. Когда мой родитель
Гитагъ многоумный, для счастія сына,
На жертвенникъ клалъ твой свои приношенья;
Коль я точно также дѣлился съ тобою
Плодами охоты, ихъ вѣщая къ сводамъ,
Иль въ портикахъ храмовъ, тебѣ посвященныхъ,

Дозволь, чтобъ разсѣянь отрядъ былъ Рутуловъ;
Направь мои стрѣлы по воздуху прямо».

Виргилій здѣсь очень подражаетъ Гомеру, который будучи вѣрнымъ художникомъ своего времени, рисуетъ своихъ героевъ, старающихся ко всякому своему предпріятію привлечь какое-нибудь божество. Этотъ архаизмъ не лишній, потому что онъ хорошо характеризуетъ время, когда происходитъ поэма, а также и характеръ отдѣльныхъ личностей.

«Сказалъ онъ, и тотчасъ всей силой десницы

Копье посылаетъ, которое, дрогнувъ,

Разрѣзало сумракъ и въ спину Сулмона

Мгновенно вонзилось: на мелкія части

Оно разлетѣлось, и эти осколки

Сквозь сердце проходятъ. Сулмонъ унападаетъ;

Онъ вѣсь холодѣеть; кровь льется потокомъ

И сердце трепещетъ въ предсмертныхъ бѣсняхъ

Рутулы повсюду свой взоръ обращаютъ

И, межъ тѣмъ, покуда толпятся въ смятещи,

Низъ, первымъ успѣхомъ вполне ободренный,

Стрѣлу направляетъ, свиститъ каленая...

И, Тага навываетъ въ високъ поразивши,

Врѣзается въ черепъ и кровью дымится...

Вольцентъ педержимый, не видя, кто смѣетъ

Свершать тѣ убійства, весь яростью пышетъ

«Такъ ты же», сказалъ онъ, «ты кровью своею

За смерть мнѣ заплатишь двухъ воиновъ этихъ».

И тотчасъ несется съ мечомъ къ Эвриалу.

Тогда Низъ, забывшись, стерпѣть ужъ не въ силахъ

Всей скорби душевной; въ какомъ-то безумьи

Онъ вдругъ выбѣгаетъ изъ мрака наружу;

Впередъ онъ стремится съ прерывистымъ крикомъ ;
Я... я... подождите... все сдѣлано мною...
Ко мнѣ обратите мечи всѣ и копьа,
Одинъ я вповесть : вѣдь юноша этотъ
Иль лучше—ребенокъ, не могъ, не посмѣлъ бы
На это рѣшиться : звѣздами и небомъ
Я въ этомъ клянуся. Онъ въ томъ лишь виновенъ,
Что слишкомъ любилъ онъ несчастнаго друга».

Вотъ здѣсь видна преданность Низуса, преданность великая, несмотря на то, что можно было бы его упрекнуть въ недостаткѣ дисциплины и отсутствіи военнаго долга. Низусъ не могъ устоять въ своемъ страданіи, въ своей любви, въ импульсѣ своего сердца. Его другъ умиралъ, онъ, можетъ быть, надѣялся его спасти, еслибъ,—что мало вѣроятно,—ярость враговъ перешла бы съ Эвріала на него самого; а скорѣе всего, и онъ только объ этомъ и мечтаетъ, онъ хотѣлъ съ нимъ умереть. Два чувства, въ которыхъ онъ не даетъ себѣ отчета, но которыя имъ слѣпо руководятъ, являются причиной этого дѣйствія; онъ чувствуетъ, что онъ причина несчасія этого ребенка, потому что позволялъ ему слѣдовать за собой; онъ сознаетъ, что отнынѣ не въ состояніи жить безъ него; и онъ бросается въ пропасть, куда попалъ другъ.

Но врагъ не внемлетъ его мольбъ, и Низусъ еще не кончилъ говорить, какъ Эвріаль, можетъ быть, былъ уже мертвъ.

«Еще говорилъ онъ, а мечъ ужъ поднятый
Съ ужасною силой разить Эвріала,
И грудь разсѣкаетъ : онъ палъ бездыханный
Прекрасныя члены покрылися кровью,

И тихо къ безсильнымъ плечамъ головою
Поникъ Эвріаль, какъ будто пвѣточекъ,
Подрѣзанный съ корня желѣзной сохой,
Какъ макъ, весь измятый дождемъ непрерывнымъ,
Склоняетъ головку, припавши на стебель.

Смерть Эвріала описана Виргиліемъ очень трогательно, но тутъ втерлось немного и артистическаго кокетства. Хотѣлось бы, чтобъ это было проще; сцена напоминаетъ немного театръ и актеровъ, которые хотятъ «красиво умереть». Но, замѣтимъ сперва, что эти стихи очень красивы сами по себѣ, а во-вторыхъ, что тѣ сравненія, которыя намъ кажутся слишкомъ дѣланными, часто встрѣчаются у старинныхъ поэтовъ, особенно у Гомера, которымъ проникнуты эти старинные поэты.

Что же остается дѣлать Низусу? Умереть. Онъ самъ хорошо знаетъ, что долженъ умереть; но умереть, если это возможно, послѣ того, какъ отомстить за своего друга.

«Межъ тѣмъ Низъ вбѣгаетъ въ средину Рутуловъ
Онъ ищетъ Вольцента: на немъ онъ желаетъ
Обрушить все мщенье; напрасно стѣсняють
Его отовсюду, онъ путь пролагаетъ;
Мечомъ отбиваясь своимъ буреноснымъ,
Его погружаетъ онъ весь въ ротъ Рутула,
Открытый для крика, и тѣмъ исторгаетъ
Онъ жизнь у Вольцента. Пронзенный мечами,
Низъ бросился къ тѣлу убитаго друга,
И тамъ засыпаетъ сномъ смерти спокойнымъ.
Чета дорогая. Коль только могу я,
Что сдѣлать стихами: вы будете вѣчно

Жить въ памяти смертныхъ; съ любовію станутъ
Вести разговоры о вашихъ дѣяньяхъ,
Пока родъ Энея скалы не покинетъ
Твоей, Капитолій, и Ромула племя
Все будетъ законы давать для вселенной».

Очень рѣдко случается, чтобъ древніе авторы упоминали бы о себѣ, говоря: я и *мнѣ*. *Виргилій* полагалъ, что описывая такую красивую черту дружбы и братства, онъ могъ отклониться отъ общаго правила; онъ внесъ черту лирическую въ эпическій рассказъ.

Мы болѣе латинянь привыкли къ этому. Впрочемъ, восклицаніе *Виргилія* очень красиво, потому что въ немъ чувствуется искренность. Это возгласъ патріота, который или находя или выдумывая безвѣстныхъ, но чудныхъ героевъ въ прошломъ Рима, связываетъ настоящее съ прошедшимъ и показываетъ римлянамъ ихъ происхожденіе отъ великихъ людей, которыхъ они должны быть достойны.

Р А Б Л Э

**Буря, перенесенная Пантагрюземъ и его
друзьями въ Пантагрюэлъ**

«Пантагрюэль, принцъ и великанъ, сынъ Гаргантюа, короля и великана, внукъ Грангузю, великана и короля. Его главные друзья — Жанъ, смысленный и бравый монахъ, и Панургъ, умный, забавный, но не храбрый студентъ. Во время одного морского переѣзда ихъ застигаетъ страшная буря и вотъ рассказъ объ этой бурѣ. Текстъ я передаю болѣе современнымъ языкомъ, чтобъ его легче было понять.

И такъ, на слѣдующій день мы встрѣтили корабль, переполненный монахами, якобитами, капуцинами, отшельниками, августинами, бернардинцами, целестинцами, театинцами, эгнатинцами, францисканцами, кармелитами и другими святыми отцами, которые направлялись на конгрессъ, чтобъ разобраться въ разныхъ догматахъ вѣры противъ новыхъ еретиковъ. Увидя ихъ, Панургъ пришелъ въ экстазъ отъ радости, считая, что встрѣча принесетъ ему счастье на этотъ день, а также на дальнѣйшіе дни. Вѣжливо поздравившись съ набожными отцами и ввѣряя спасеніе своей души ихъ святымъ молитвамъ, онъ велѣлъ бросить на ихъ корабль семьдесятъ восемь дюжинъ

окороковъ, десятокъ колбасъ и сотню сомовъ, за упокоеніе душъ усопшихъ.

Пантагрюэль стоялъ въ раздумьи и меланхоли. Жанъ это увидалъ и спросилъ его, на что онъ такъ сердится, когда лодманъ, замѣтя, какъ затрепался флагъ на кормѣ, и предвидя губительный шквалъ, приказалъ быть всѣмъ на готовѣ и спустить паруса.

Надо было для послѣдующаго, показать сперва Панурга увѣреннымъ и веселымъ, чтобъ впоследствии этимъ контрастомъ обрисовать эту маленькую слабую душенку.

«Вдругъ море начало вздвигаться и шумѣть; огромныя волны бились о бокъ нашихъ кораблей; мистраль, сопровождаемый губительными шквалами, свистѣлъ сквозь наши реи; съ неба обрушивался громъ, молнія, ливень, градъ, воздухъ сдѣлался тяжелымъ и темнымъ, такъ что свѣтъ къ намъ проникалъ только отъ молніи изъ облаковъ, какъ бы готовыхъ обрушиться на насъ; намъ казалось, что это древній хаосъ, состоявшій изъ огня, воздуха, моря и земли, гдѣ всѣ эти элементы перемѣшались.

Описаніе этой бури характерно у Раблэ¹⁾.

Онъ прибѣгаетъ къ сильнымъ и живописнымъ словамъ, иногда совсѣмъ незнакомымъ, даже его современникамъ, чтобъ произвести впечатлѣніе чего-то гигантскаго, огромнаго и страннаго. Онъ заставляетъ читателя удивляться, сбиваться съ толку, даже трясеть его и не даетъ ему опомниться, чтобы держать

¹⁾ Одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и остроумныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда приличныхъ французскихъ сатириковъ 16 вѣка.

его все время на сторожѣ. Этой манерѣ не надо подражать; ее даже совсѣмъ нельзя рекомендовать; но въ его рукахъ она пріобрѣтаетъ, хотя иногда и утомительную, но все-таки особенную силу.

«Панургъ, чувствуя въ желудкѣ тяжесть отъ съеденной рыбы, сидитъ на палубѣ, съезжившись, грустный, полумертвый.—Онъ взываетъ ко всѣмъ святымъ, общается иновѣдываться всегда и вездѣ и, наконецъ, съ содраганіемъ вскрикиваетъ: «О, если бы было угодно Богу и Святой Дѣвѣ Маріи, чтобъ я сейчасъ находился на твердой землѣ. О, трижды, четырежды счастливѣе тѣ, кто сажаютъ капусту. О, какъ мало число тѣхъ, которымъ Юпитеръ покровительствуетъ, допуская ихъ сажать капусту. Потому что у нихъ всегда одна нога въ землѣ, а другая недалеко. Пусть спорить, кто хочетъ, но я утверждаю, что счастливы всякій, кто теперь сажаетъ капусту, и Пирронъ¹⁾ былъ правъ, когда онъ, находясь въ такой же опасности, какъ и мы и, увидавъ на берегу пороселка, подбиравашаго разбросанный ячмень, утверждалъ, что этотъ поросенокъ въ двухъ отношеніяхъ счастливѣе его: во-первыхъ потому, что имѣетъ вдоволь пищи, а во-вторыхъ,—находится на землѣ. Ахъ, только полъ коровъ²⁾ можетъ быть барскимъ и божественнымъ лицомъ... Бе, бе, бе, бу, бу, бу! Правда мнѣ очень страшно. Со мной дѣло плохо. Да, да, да я тону, тону... я умираю, добрые люди, я тону!»

¹⁾ Пирронъ—греческій философъ (340 г. до Р. Х.) сомнѣвавшійся во всемъ, крайній скептикъ.

²⁾ Полъ коровъ (la plancher des vaches), т. е. твердая земля, на которой пасутся коровы, въ противоположность качающейся палубѣ.

Этот веселый дивертисментъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень правдивъ. Панургъ, будучи студентомъ и кое-что читавшій, въ своемъ страхѣ машинально припоминаетъ мѣста изъ Пиррона, Виргилія, (трижды, четырежды счастливъ). Страхъ ученаго такой же, какъ и страхъ всякаго другого, но выражается онъ такъ, какъ у всѣхъ...

«Обратившись за помощью къ Богу и прочтя общую молитву, Пантагрюэль, по совѣту лоцмана ухватился крѣпко и твердо за мачту. (Имѣйте въ виду, что это великанъ). Братъ Жанъ снялъ съ себя рясу, чтобъ помогать матросамъ. То же сдѣлали Эпистемонъ, Понократъ и другіе. Панургъ сидя развалившись на палубѣ, плакалъ и нылъ. Братъ Жанъ замѣтилъ его и говорить ему: «Панургъ, ты телитина, Панургъ, ты плакса, Панургъ, ты крикунъ. Всталъ бы ты и помогъ бы намъ; это было бы лучше, чѣмъ ре-вѣть, какъ корова и сидѣть, какъ какая обезьяна. Бе, бе, бе.—Хорошо, отвѣтилъ Панургъ, братъ Жанъ, другъ мой, добрый мой отецъ, я тону, другъ мой, я тону. Пришелъ мнѣ конецъ, духовный отецъ, мой другъ, все для меня кончено. Я тону. Ахъ, отецъ мой, дядя мой, мое все. Вода залилась мнѣ въ башмаки черезъ воротъ. Утопаю. Даль бы Богъ, чтобъ я въ это время былъ на барѣѣ святыхъ отцовъ, ѣдущихъ на конгрессъ, тѣхъ, что мы сегодня встрѣтили, такихъ набожныхъ, такихъ жирныхъ, такихъ веселыхъ, такихъ холеныхъ. Охъ! Охъ! Эти чертовы волны (прости Господи!) налетаютъ со всѣхъ сторонъ, эта проклятая волна потопить нашъ корабль. Братъ Жанъ, отецъ мой, другъ мой, исповѣдуй меня. Ваше святое

благословеніе. Вотъ я уже на колѣняхъ.—Иди къ намъ на помощь, висѣльникъ,—говоритъ братъ Жанъ.—Всѣми легіонами дьявола призываю тебя, иди. Да ту-же! —Не будемъ клясться въ этотъ часъ, другъ мой... Завтра,—сколько угодно. Холо! холо. Вода проникаетъ въ корабль. О, мы, кажется, ужъ на днѣ. Я хочу сдѣлать завѣщаніе, хотя коротенькое. Исповѣдаюсь...

— Ну тебя къ дьяволу,—говоритъ братъ Жанъ, набрасываясь на бездѣльника.—Чортовъ сынъ, вздумалъ говорить о завѣщаніи въ такое время, когда мы въ такой опасности и приходится выворачиваться на изнанку. Фу, какъ онъ противенъ, этотъ плакса. Юнга, всѣми чертями заклинаю: берегись. Ты раненъ. Чортъ тебя побери. Такъ, дитя мое. Вотъ хорошо.— И такъ, братъ Жанъ, не станемъ клясться. Я умираю, я утопаю. Я всѣмъ прощаю...»

Раблѣ могъ бы не употреблять такъ много сильныхъ выраженій, чтобъ подчеркнуть контрастъ трусости Панурга и отваги брата Жана, а также религіознаго безпокойства Панурга, превратившагося отъ страха въ ханжу, и рѣзкости брата Жана, котораго обстоятельство сдѣлало монахомъ, по который былъ рожденъ солдатомъ, и теперь въ минуту страха и борьбы вновь обрелъ свой темпераментъ.

— Ахъ!—слова говоритъ Панургъ, но, повидимому, въ моментъ успокоенія размышляя о томъ, что значить клятва и какое утѣшеніе она приноситъ собой.—Ахъ, вы грѣшите, братъ Жанъ, мой прежній другъ. Говорю «прежній»—говорю же я это потому, что теперь я—ничто, и вы—ничто. Мнѣ пріятно напоми-

нать вамъ, что вы грѣшите, такъ какъ полагаю, что крѣпкое слово также полезно для селезенки, какъ для дровосѣка пріятно при каждомъ ударѣ слышать крикъ: Ухъ! Такъ же, какъ для кегельного игрока удивительное удовольствіе, если, въ ту милуту, когда онъ не прямо бросаетъ шаръ, кто-нибудь изъ умныхъ, близко стоящихъ къ нему людей, нагибается и вытягиваетъ свою голову и тѣло въ ту сторону, гдѣ шаръ иначе брошенный, столкнулся бы съ кеглями. Во всякомъ случаѣ вы грѣшите, мой милый другъ».

У Панурга бываютъ остроумныя мысли, но все же я ему замѣчу, что онъ немного ошибается, и что его рѣчь довольно хорошая по сравненію, плоха по употребленію. Охотникъ до крѣпкихъ словецъ, — котораго я также не оправдываю, какъ и Панургъ, — находятъ себѣ облегченіе въ томъ, что можетъ сорвать свою досаду на какомъ-нибудь матеріальномъ предметѣ, который ему не поддается, какъ будто это одушевленный предметъ. Это все равно, что ребенокъ, принимающійся колотить дверь, о которую онъ ударился и разбилъ себѣ лобъ. Когда около дровосѣка, при каждомъ ударѣ крикнуть «ухъ», его успокаиваетъ сознаніе, что кто-то присоединяется къ его работѣ и кричитъ, какъ бы крикнулъ онъ самъ, еслибы не жалѣлъ своихъ силъ. Игрока въ кегли утѣшаетъ то, что кто-то припимаетъ участіе въ его ударѣ, желаетъ ему успѣха, и выражаетъ это, направляя жестомъ его шаръ туда, куда ему желательно было бы, чтобъ онъ катился.

«Но, (продолжаетъ Панургъ, успокоенный въ одну

минуту, такъ какъ ему вспоминаются училищныя шалости, и онъ начинаетъ почти шутить); еслибъ мы могли найти какую-нибудь нимфу-покровительницу, не были бы мы спасены отъ этой бури. Я читалъ о томъ, что жрецы Кабировъ, такъ много воспѣтыхъ Орфеемъ, Аполлономъ, Ферецидомъ, Страбономъ, Павзаниемъ, Геродотомъ, никогда не боялись моря, не знали опасности.—Онъ замираетъ, бѣдняга. Тысяча и миллионы и сотни миллионъ разъ пусть убирается бездѣльникъ къ дьяволу...

— Увы,—говоритъ Папургъ, братъ Жанъ самъ себя осуждаетъ навѣки. О, какого друга я теряю. Ахъ, я тону. Я исповѣдаюсь. Только два слова о духовномъ завѣщаніи хочу я сказать здѣсь, на этой скамейкѣ...

Онъ на этомъ настаиваетъ; но Эпистемонъ—это профессоръ—работая, начинаетъ ему здоровой и сильной логикой доказывать, что онъ глупъ.

«Дѣлать завѣщаніе въ то время, когда мы должны помогать нашему кораблю, чтобъ онъ не погибъ,—это такъ же нелѣпно, какъ нелѣпно было со стороны любимцевъ Цезаря, когда они вопли въ Галлію, занимаясь составленіемъ своего духовнаго завѣщанія, ныть о своей судьбѣ, оплакивать отсутствіе своихъ женъ и римскихъ друзей, вмѣсто того, чтобъ воевать противъ Аріовиста, ихъ непріятеля.

Эта глупость, похожа на глупость возчика, у котораго опрокинулась телѣга, попавъ въ рытвину. (Онъ, вставъ на колѣни, молилъ Геркулеса ему помочь, а самъ не дѣлалъ ровню ничего). Что вамъ при- спичило дѣлать здѣсь духовное завѣщаніе: Вѣдь мы

ускользнемъ отъ гибели, или утонемъ. Если ускользнемъ, оно намъ не къ чему, потому что духовное завѣщаніе дѣйствительно только въ случаѣ смерти завѣщателя; а если мы погибнемъ, то духовное завѣщаніе погибнетъ вмѣстѣ съ нами. Кто его доставить душеприказчикамъ?

Прекрасное объясненіе, данное человѣкомъ, который тянетъ веревки или задѣлываетъ течь. Панургъ, сразу успокоившись, отвѣчаетъ, какъ въ Сорбоинѣ, цѣлымъ рядомъ цитатъ и примѣровъ.

«Кто доставить завѣщаніе. Какая-нибудь добрая волна бросить его на берегъ, какъ сдѣлала съ Улиссомъ, и какая-нибудь королевская дочь, прогуливаясь, найдетъ его, потомъ велитъ его исполнить и воздвигнетъ мнѣ чудную пустую гробницу, какъ сдѣлала Дидона своему супругу Сихею, Эней—Дейфобу близъ Трои, Андромаха—Гектору въ городѣ Бутротѣ, Аристотель—Герміасу, афиняне—поэту Эврипиду, римляне—Друзу въ Германіи, и Александру Северу, ихъ императору—въ Галліи, Аргентуръ—Гамихру, Ксенокритъ—Лизидису, Тимаресъ—своему сыну Телентатору; Эвполисъ и Аристоклія—сыну своему Феотиму; Онестесъ—Тимоклу; Каллимакъ—Сополису, сыну Діаклида; Катулъ—своему брату, Жерменъ де-Бри—Эврэ,—нормандскому кормчему...—Ты бредишь, говоритъ братъ Жанъ. Поди сюда, помощи имеемъ пятьсотъ тысячъ и миліона чертей, помощи, и чтобъ морской ракъ тебя схватилъ за усы. Какъ мы потащимъ нашу барку? Какъ будто всѣ черти ударяютъ сверху. Мы никогда отъ этого не уйдемъ; я отдамся во власть чертей».

Надо, конечно, понять, что буря нѣсколько уюгомилаась, и въ это время Эпистемонъ и Панургъ обмѣнялись своими разсужденіями, а потомъ она возобновилась еще съ большой силой, что видно изъ словъ брата Жана: «Какой ужасный ударъ, мы никогда не уйдемъ». И дѣйствительно, Пантагрюэль, который до сихъ поръ былъ занятъ только тѣмъ, что держался за мачту, въ свою очередь возвышаетъ голосъ и начинаетъ молиться. «Тогда раздался жалкій возгласъ Пантагрюэля, громко говорившаго: «Милосердый Богъ, спаси насъ, мы погибаемъ. Пусть все случится по нашимъ заслугамъ, пусть будетъ Твоя воля».

Чудная молитва, которая сразу внесла серьезную ноту среди шутовства. Пантагрюэль молится, слѣдовательно, просить о чемъ-то Бога, и это естественный человѣческій крикъ.

Сейчасъ же, понимая, что молитва, содержащая въ себѣ просьбу, — нечестива, и какъ будто говорить, что мы лучше Бога знаемъ то, что Опъ для насъ долженъ сдѣлать, Пантагрюэль прибавляетъ: «Впрочемъ, пусть наши чувства не идутъ въ счетъ, а дѣлается Его Святая воля». Это, можетъ быть, только хорошо». Покорность исправляетъ богохульства и, въ крайней опасности, превозглашаетъ неоспоримую мудрость Всевышняго.

Но среди послѣдней опасности братъ Жанъ опять начинаетъ шутить. И основательно: потому что, хотя молитва Пантагрюэля и очень хороша, она все-таки можетъ многихъ обезкуражить, и братъ Жанъ правъ, когда продолжая работать, продолжаетъ и насмѣшливать надъ Пантагрюэлемъ.

Когда во время опасности заставляешь смѣяться солдатъ, матросовъ или рабочихъ, этимъ, во-первыхъ выражаешь отвагу, а во-вторыхъ ее вселяешь въ другихъ. Братъ Жанъ, который родился не только солдатомъ, но даже полководцемъ, отлично это понимаетъ и продолжаетъ острить надъ Панургомъ.

«Если я упаду туда, я ясно тебѣ покажу, что твои уши приставлены къ головѣ безрогого быка. Гномъ. Гномъ. Гномъ. Иди сюда, помоги намъ, ревущій быкъ, чтобъ тебя тридцать миллионовъ чертей хватили за горло. Ну, что же ты, тюлень. Фи, какъ онъ отвратителенъ, этотъ ныта. Заладилъ себѣ одно и то же. Впередъ, а то я тебя почищу противъ шерсти.

«*Beatus vir qui non abiit*—счастливъ человекъ, который не удалился». Такъ начинается одинъ псаломъ. Я все это знаю наизусть. Вотъ легенда о Святомъ Николаѣ:

«*Horrida tempesta montem turbavit acutum.*—Ужасная буря опустошила Монтегю. (Бурей звали учителя, который страшно сѣкъ школьничковъ въ коллежѣ Монтегю). Если педагоги прокляты за то, что сѣкутъ невинныхъ школьничковъ, они должны выносить адскія мученья Иксіона, если, напротивъ, сѣченье дѣтей будетъ имъ во спасенье, тогда...»

Брата Жана прервалъ въ его нападкахъ на жестокихъ учителей его времени, веселый крикъ Пантагрюэля, самаго усерднаго работника, самаго умнаго изъ всѣхъ, смотрѣвшаго все время на горизонтъ.

«Земля, земля»,—воскликнулъ Пантагрюэль.—«Дѣти,

смѣлѣй. Мы не далеко отъ гавани. Я вижу, что небо на сѣверѣ начинаетъ просвѣтляться.—Смѣлѣй, дѣти, —говорить лодманъ,—течь задѣлана. Канатъ въ кабестанѣ. Поворачивай, поварачивай, поварачивай, укропай шкотъ, галсъ на лѣвую сторону, ломай шкотъ правой стороны. Запоръ высоко».—О,—воскликнулъ Эпистемонъ,—я вамъ всеѣмъ приказываю надѣяться. Я вижу Кастора (созвѣздіе) по правую сторону! Я вижу землю, я вижу гавань. Я вижу много людей въ порту, я вижу огонь на какомъ-то обелискѣ...— Мужайтесь, дѣти,—воскликнулъ и Паптагрюэль. Мужайся, дѣти. Смотрите: вотъ около нашихъ кораблей сколько всевозможныхъ лодокъ, это все добрые люди этого острова пришли намъ на помощь. Но, кто тотъ глупецъ, который такъ кричитъ и выходитъ изъ себя. Развѣ я не крѣпко держалъ мачту и не поддерживалъ ее лучше двухсотъ рабочихъ?— Это,—отвѣтилъ братъ Жанъ,—этотъ дьяволъ Панургъ, который страдаетъ телячьей лихорадкой. Онъ дрожитъ отъ страха, когда остается одинъ».

Какъ только опасность миновала, Панургъ дѣлается самоувѣреннымъ, и притворяется, какъ будто работаетъ, и даже упрекаетъ другихъ въ небрежности и лѣнности. Зная его, вы могли этого ожидать; Панургъ, не исключительный типъ Раблэ или времянъ Раблэ. Панургъ приписываетъ себѣ успѣхъ, когда уже все сдѣлано. Братъ Жанъ наливаетъ себѣ полный стаканъ и выпиваетъ его сразу, что, онъ, дѣйствительно заслужилъ; Панургъ что-то хлопочетъ около снастей. «Ахъ, ахъ, —воскликнулъ Панургъ,— все идетъ прекрасно. Гроза прошла. Я васъ очень про-

шу, дайте мнѣ сойти первому. Мнѣ нужно поспѣшить по моимъ дѣламъ. Нужна вамъ здѣсь еще моя помощь? Смотри, какъ я прицѣплю эту веревку. У меня много храбрости, смотрите. Смотрите, мой другъ. Нѣтъ, ни капли нѣтъ страха».

Такъ закончилась ужасная и занятная буря, которая застигла Пантагрюэля съ его приверженцами, когда они направлялись совѣтоваться съ «оракуломъ божественной бутылки». Главныя дѣйствующія лица представлены съ присущимъ имъ характеромъ, здѣсь очень хорошо выраженнымъ. Пантагрюэль олицетворяетъ идеаль Раблэ; это гигантъ, т. е. сынъ короля, очень добрый, очень умный. Онъ все дѣлаетъ разумно; «Вездѣ разумъ»—вотъ его девизъ. Онъ очень образованъ, безконечно цѣнитъ образованіе, непрерывно пополняетъ свое, но онъ не нагроможденъ имъ, не задыхается отъ него, но гордится имъ. Онъ просто имъ пользуется, чтобъ хорошо жить, выученный сумасбродствами и мудростью другихъ, вспоминая о нихъ при случаѣ, прилагая ихъ къ тому, что съ нимъ приключается, и этими сравненіями принося себѣ большую пользу.

По природѣ онъ человѣкъ серьезный, рѣдко шутить, и кажется, что онъ заранѣе прочелъ замѣчаніе Лабрюера: «Французъ хочетъ въ государѣ серьезнаго; но онъ любитъ умныхъ и остроумныхъ людей и съ удовольствіемъ ихъ слушаетъ». Вотъ почему Пантагрюэль допустилъ въ свой интимный кружокъ Панурга, который очень смѣшопъ, но не глупъ и большой шутникъ. Панургъ при Пантагрюэлѣ разыгрываетъ изъ себя какъ бы шута короля.

Панургъ, человѣкъ съ большой нравственной неустойчивостью и съ отсутствіемъ храбрости, какъ вы могли сами въ этомъ убѣдиться; но онъ одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ многіе льнутъ, какихъ перешосятъ охотно даже умные люди, «потому что съ ними не скучаютъ», а скука самый опасный врагъ человѣка. Ихъ не терпятъ только люди, стоящіе выше обыкновеннаго уровня. Съ ними не скучаютъ, потому что у нихъ разнообразный образъ мыслей, потому что они неистощимы въ смѣшныхъ словахъ и курьезныхъ фантазіяхъ; потому что ихъ рѣчь неизсякаема безъ повторенія одного и того же.

Братъ Жанъ настоящій другъ Пантагрюэля и Раблэ. Раблэ навѣрно съ нимъ встрѣтился, когда самъ былъ монахомъ. Это человѣкъ съ солиднымъ разумомъ, яснымъ взглядомъ, твердой опытностью, быстрымъ и вѣрнымъ рѣшеніемъ, а особенно хорошій совѣтникъ. Пантагрюэль можетъ по своему желанію сдѣлать его своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, министромъ юстиціи или военнымъ министромъ. Онъ вездѣ будетъ на мѣстѣ. Онъ вполнѣ человѣкъ дѣйствія. Онъ храбръ, даже неустрашимъ и таковъ, что не остановится ни передъ какою опасностью, даже любить опасность. Онъ развивается и раздвѣтаетъ въ сильномъ дѣйствіи. Его сердце, его кровь, и его мускулы какъ будто испытываютъ праздникъ. Битва или буря для него прекрасные случаи, чтобы развернуть свою душу и свое тѣло. Во время битвы онъ съ восторгомъ воспоминаетъ о бурѣ, а во время бури—о битвѣ. Послѣ чего обильно пьетъ, какъ какой-нибудь богъ, говоря языкомъ Гомера, или упо- требляя выраженіе Роланда.

... «А теперь вынемъ, потому что дѣло было жаркое».

Это умный и дѣятельный, прекрасный солдатъ, предназначенный быть генераломъ.

Раблэ самъ это отлично чувствовалъ и самъ это испыталъ. Онъ отчасти себя описалъ въ братѣ Жанѣ. Онъ самъ, родившійся для дѣятельности, хотя и научной,—ходилъ изъ одного университета въ другой, насыщался наукой, чтобъ потомъ ее примѣнить къ дѣлу (онъ былъ медикъ) или распространять образованіе въ человѣчествѣ. Въ молодости онъ былъ монахомъ, но убѣжалъ изъ монастыря, потому что считалъ дальнѣйшее пребываніе тамъ не въ своихъ интересахъ и отчасти по долгу совѣсти. Братъ Жанъ, человѣкъ, который сначала сбился съ пути, а потомъ нашелъ его.

Несмотря на легкомысліе, которое иногда бываетъ у него тяжеловѣсно, и циническіе рассказы, Раблэ все-таки большой писатель, во-первыхъ потому, что онъ умѣетъ рассказывать,—вещь очень рѣдкая,—какъ никто не рассказывалъ со временъ Гомера; а потомъ онъ остается живымъ человѣкомъ, кромѣ того, глубоко-мудрымъ, съ твердымъ убѣжденіемъ и свѣтлымъ вѣрнымъ разсудкомъ. Пантагрюэлизмъ,—какъ онъ это называетъ—родъ веселаго стоицизма, гдѣ веселость присоединяется къ стоицизму. Влить, такъ сказать французскую веселость въ стоицизмъ была счастливая выдумка, которой нельзя не восхищаться и которой надо подражать. У Раблэ твердый разумъ и чудное воображеніе.

Это также очень счастливое сочетаніе.

МОНТЕНЬ

· О дружбѣ въ „Попыткахъ“

«Ни къ чему, кажется, природа такъ не направила насъ, какъ къ обществу, и Аристотель говоритъ, что хорошіе законодатели заботились больше о дружбѣ, чѣмъ о справедливости».

Такъ начинается у Монтеня послѣ предисловія знаменитая глава о дружбѣ. Онъ смотритъ на дружбу, какъ на общество, слѣдовательно, какъ на соединеніе человѣка съ человѣкомъ и какъ на основаніе того, что обыкновенно называется обществомъ, т. е. соединеніемъ людей одной и той-же націи. Монтень сравниваетъ это соединеніе двухъ или нѣсколькихъ друзей, съ соединеніемъ отца съ сыномъ, съ любовнымъ соединеніемъ гостей между собой, соединеніемъ между гражданами, и находитъ, что дружеское соединеніе—самое сильное и самое чистое, «потому что дружба не вмѣшиваетъ никакой другой причины, никакой другой цѣли, никакого другого домогательства, кромѣ своей дружбы». Дѣйствительно:

«Дѣти къ отцамъ испытываютъ скорѣе уваже-

ніе. Дружба поддерживается общеніемъ, которюю не можетъ существовать между отцомъ и сыномъ, потому что между ними слишкомъ большая разница; отецъ не можетъ посвящать своихъ дѣтей во всѣ свои сокровенныя мысли изъ боязни породить фамиллярность, которая была бы не благопристойна. Также не могутъ предостерегать и наставлять дѣти отцовъ своихъ, что является первымъ долгомъ дружбы».

Итакъ нѣтъ дружбы, въ настоящемъ смыслѣ слова, между дѣтьми и отцами; есть чувство другое, безконечно почтенное, но совсѣмъ другое. Надо также замѣтить, что друга себѣ выбираешь, между тѣмъ, какъ нельзя себѣ выбрать ни отца, ни брата.

Отецъ и сынъ могутъ быть совершенно различны по своему темпераменту, какъ и братья. Это мой сынъ, это мой братъ, это мой родственникъ; но онъ хитрый, злой, глупый человекъ. Это не значить, чтобы я не испыталъ все, что можетъ дать прекрасный отецъ, снисходительный до глубокой старости, происходящій изъ семьи примѣрной въ смыслѣ семейнаго единенія.

Наконецъ, дружба зиждится главнымъ образомъ на «свободѣ выбора», чего нельзя найти въ семейныхъ узахъ, какъ бы онѣ не были сильны. Что касается любви, конечно, здѣсь есть выборъ, или думаютъ, что онъ есть; но, судя по Монтеню, ничего нѣтъ общаго между дружбой и любовью.

Любовный огонь болѣе силенъ, болѣе кипучъ и болѣе жгучъ; но это огонь смѣлый и перелетный, волнующійся и разнообразный, огонь лихорадочный, склон-

ный къ порывамъ, ощущаемый нами только съ одной стороны. Дружба даетъ чувство тепла всеобщаго, сверхъ того, размѣреннаго и ровнаго, постыднаго—это огонь очень легкій, сдержанный, не имѣющій ничего ни жгучаго, ни остраго.

Монтень говоритъ,—опъ, конечно, можетъ и ошибиться,—что, если дружба вотрется въ любовь, она уничтожаетъ послѣднюю; или можно сказать иначе: когда любовь превращается въ дружбу, любовь исчезаетъ.

Дружбой, наоборотъ, наслаждаются по мѣрѣ того, какъ ее ищутъ; она возвышается и усиливается сама собой, будучи чисто духовной, причемъ душа становится болѣе чуткой вслѣдствіе привычки. Такъ эти обѣ страсти вселились въ меня; онѣ знаютъ о существованіи одной и другой; но ихъ нельзя межъ собою сравнивать. Дружба высокомерна и гордо идетъ своимъ путемъ, смотря свысока на исчезающую любовь.

Настоящая дружба состоитъ въ союзѣ и какъ бы въ сліяніи одной души съ другой, въ поглощеніи одною другою.

То, что мы *обыкновенно* называемъ дружбой—не болѣе какъ сношенія по привычкѣ, обусловленной какой-нибудь случайностью или удобствомъ, съ помощью которыхъ наши души сносятся между собой: въ дружбѣ же, о которой я говорю, онѣ сливаются такъ тѣсно, что и не найдешь шва, который ихъ соединяетъ. Еслибъ меня спросили, почему я любилъ Евгенія де-ла-Боэси, я могъ бы это объяснить толь-

ко такимъ образомъ: «Потому что это былъ онъ; потому что это былъ я».

Но еще, помимо того, что я высказываю, была какая-то необъяснимая сила и роковое посредничество, которыя создали эту связь. Мы искали другъ друга раньше, чѣмъ встрѣтились, потому что мы слышали другъ о другѣ, и слышанное нами другъ о другѣ по-дѣйствовало на насъ сильнѣй, чѣмъ обычные разговоры такого рода. Я полагаю, что это случается по указанію съ неба.

Вы сами хорошо замѣчаете безъ моего указанія, не только часто повторяемые слова у Монтеня по этому поводу: «потому что это былъ онъ, потому что это былъ я», но еще и мистическій тонъ его: «Роковая сила»... «Я полагаю, что это указаніе съ неба».

Ни у Цицерона, ни у Горація, ни у Лафонтена не встрѣтите подобнаго тона, несмотря на то, что они такъ пѣжно говорили о дружбѣ. Монтень на дружбу де-ла-Боэси къ нему и на свою дружбу къ де-ла-Боэси смотритъ какъ на родъ призванія, аналогичнаго напр. призванію священника, какъ на что-то, что происходитъ по настоящему Божескому желанію.

Раньше, чѣмъ мы познакомились, мы были связаны нашими именами: и при нашей первой встрѣчѣ, которая случайно произошла въ большомъ обществѣ на одномъ городскомъ праздникѣ, мы оказались такъ близки другъ другу, такъ знакомы другъ другу, такъ связаны, что впослѣдствіи ничто намъ не было такъ близко, какъ мы другъ для друга: наша дружба—стала на мѣсто самыхъ близкихъ родственныхъ узъ.

Эта мгновенная дружба, какъ будто даже удивила

ихъ, настолько, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, что онъ счелъ нужнымъ объясниться и извиниться.

«Онъ написалъ и напечаталъ прекрасную латинскую сатиру, въ которой оправдываетъ и объясняетъ бы-строту возникшаго между нами согласія (нашего рас-положенія) столь стремительно дошедшаго до совер-шенства. Такъ какъ эта дружба могла не долго про-тянуться, потому что, такъ поздно началась — мы были уже оба среднихъ лѣтъ, и онъ немного старше меня,—то нельзя было терять времени и вести ее по примѣру спокойныхъ и заурядныхъ дружбъ, кото-рыхъ требуютъ такъ много осмотрительности и пред-варительныхъ разговоровъ.

«Въ этой дружбѣ думали только о ней самой; къ ней не было ни одной, ни двухъ, ни трехъ, ни че-тырехъ, ни тысячи причинъ; это была квинтэссен-ція всей смѣси, которая, завладѣвъ всей моею волей, смѣшалась въ ней окончательно съ волей другого, растворилась въ ней. Я говорю «растворилась» потому, что мы ничего не сберегли для себя, и у насъ все стало общее,—и его и мое».

Вотъ въ этомъ Монтень собралъ формулы, если возможно такъ выразиться, своихъ опредѣленій, ко-торыя превратились въ пословицы. Послѣ его: «По-тому что это былъ онъ, и это былъ я», которое остается несравненно, замѣтьте еще: «Эта дружба, ко-торая только занята сама собой, думаетъ только о себѣ и заботится только о себѣ». Обратите вниманіе на «эти двѣ» воли, смѣшивающіяся и растворяющіяся другъ въ другѣ, что очень характерно, какъ отреченіе одной воли передъ другой, такъ что онѣ составляютъ

третью, общую. И, наконецъ, «не стало ничего его, и ничего моего». Еще признакъ (и какой!) абсолютной душевной общности.

Пусть не ставятъ съ такой дружбой на одну доску обыкновенную дружбу. Я о ней знаю не менѣе другихъ, но я бы не желалъ, чтобъ ихъ подводили подъ одну мѣрку; потому что это было бы ошибкой. При той, — другой, — дружбѣ ведутъ себя осторожно и осмотрительно: она не такова, чтобы вполне устраивалась необходимостью быть на сторожѣ. «Любите вашего друга», — говорить Хилонъ, — «какъ будто вамъ предстоитъ въ одинъ прекрасный день его возненавидѣть». «Ненавидьте вашего недруга такъ, какъ будто должны были бы когда нибудь его полюбить».

Эти наставленія, осуждаемыя Монтенемъ въ цѣломъ, надо бы, по моему мнѣнію, раздѣлить. Мнѣ кажется, не надо любить своего друга такъ, какъ если бы предстояло его возненавидѣть когда нибудь; но ненавидѣть врага, надо такъ, чтобы возможно было когда нибудь его полюбить.

Наставленіе Христа говорить еще больше; вотъ оно: «Любите своихъ враговъ». Это идеаль почти недостижимый, но къ которому надо стремиться.

Пока не будемъ къ этому стремиться, скажемъ съ Хилономъ, и это уже очень почтенно. — «Возненавидимъ своихъ враговъ такъ, какъ будто имъ когда-либо суждено сдѣлаться нашими друзьями. Значить, не будемъ прибѣгать относительно ихъ къ такимъ мѣрамъ, которыя помѣшали бы имъ сдѣлаться таковыми; будемъ защищаться, но также будемъ избѣгать неправимаго».

Что же касается первой части наставленія: «Будемъ любить друзей своихъ, какъ будто они могли бы сдѣлаться когданибудь нашими врагами», — то это значить не только: «Будемъ ихъ остерегаться», но «не станемъ имъ довѣряться: «не будемъ имъ выдавать нашихъ тайнъ, потому что, если они сдѣлаются нашими врагами, они выдадутъ ихъ». А это равнозначуще тому, если бы сказать: «Смотрите постоянно на вашихъ друзей, какъ на безчестныхъ людей». Очевидно, имѣя въ виду первую часть наставленія, Монтень восклицаетъ:

«Наставленіе это столь гнусное при всевластной дружбѣ, о которой я говорилъ выше, справедливо и просто, въ обыкновенной дружбѣ».

Монтень говорить объ этомъ специально для того, чтобы указать неизмѣримое и безконечное разстояніе, отдѣляющее настоящую дружбу отъ той, что называется дружбой въ общепринятомъ смыслѣ.

Въ мѣстахъ, гдѣ говорится о такой дружбѣ, надо приводить часто употребляемое Аристотелемъ слово: «О, друзья мои, друзей нѣтъ». (Что значить: «Друзья мои, не смотрите на себя, какъ на настоящихъ друзей». Аристотель былъ остроумно невѣжливъ). «При такихъ благородныхъ сношеніяхъ (настоящей дружбѣ) добродѣтели, поддерживающія другую дружбу (т. е. дружбу обыкновенную) не могутъ приниматься въ расчетъ; причиной тому — сліяніе нашихъ желаній во едино. Подобно тому, какъ дружба, которую я питаю къ себѣ самому, не увеличивается отъ помощи, которую я оказываю самому себѣ въ нуждѣ, — такъ какъ я не чувствую самъ къ себѣ благодарности, —

точно такъ же единеніе настоящихъ друзей настолько совершенно, что они, благодаря ему, теряютъ сознание подобнаго долга, изгоняя и заставляя ненавидѣть всякія слова, которыя указываютъ на какое-то раздѣленіе (означающія разницу между ты—и я, твой—и мой): благодареніе, одолженіе, признательность, просьба, благодарность и т. п.

Я думаю, что Монтень, стремясь къ идеалу, заходитъ слишкомъ далеко и что признательность, пожалуй, даже благодарность, возможны между друзьями. И чтобъ попробовать доказать это, я беру въ основаніе его разсужденія. Онъ говоритъ: «Мой другъ и я, —мы—составляемъ одно цѣлое; еслибъ мы не составляли одного цѣлаго, мы не были бы настоящими друзьями; но мой другъ и я, мы одно цѣлое; онъ—это я, я—это онъ. Значитъ, я не могу и не долженъ быть ему ни въ чемъ признателенъ; потому, что дѣлая добро самому себѣ, я себѣ не бываю признателенъ, я себя не благодарю, и дружба моя къ самому себѣ не увеличивается».

Именно это я и оспариваю; когда я себѣ оказываю какую-нибудь услугу, —нравственную услугу, —когда я, напримѣръ, усовершенствуюсь, я доволенъ собой, я себѣ признателенъ, и дружба моя къ себѣ увеличивается. Одинаково можно быть признательнымъ самому близкому другу за услугу, которую онъ намъ оказываетъ, и дружба къ нему можетъ увеличиваться, такъ какъ высшая точка въ ней никогда не была достигнута.

Я могу только сказать, что не надо благодарить друга за оказанную услугу, потому что онъ могъ бы

вамъ отвѣтить: «Сомнѣвались-ли вы въ томъ, что я вамъ окажу эту услугу, и развѣ не все общее между нами и вами?» Я скажу еще лучше, что не надо допускать его до выраженія благодарности, и надо ему сказать то же самое, что я предполагаю, что онъ сказалъ бы вамъ: «Сомнѣвались-ли вы въ моей дружбѣ, и развѣ не все общее между нами?» Но есть возможность выразить свою признательность помимо благодарности, и впечатлѣніе получается гораздо сильнѣе. Словомъ, дружба совершенная уничтожила бы твое и мое, потому что она уничтожила бы тебя и меня; но дружба даже самая совершенная, какая только возможна между людьми, оставляетъ иѣчто твоего и моего, и это-то именно и даетъ возможность быть признательнымъ. Могу я сказать, что она мнѣ больше нравится таковой? Я думаю, что скажу это.

Но продолжая свою остроумную мысль Монтень обогащаетъ ее:

«Такъ какъ дѣйствительно все у нихъ общее, — желанія, мысли, сужденія, имущество, честь и жизнь и ихъ приспособленность одинъ къ другому (такъ какъ они представляютъ, по выраженію Аристотеля, одлу душу въ двухъ тѣлахъ, то они ничего не могутъ ни одолжить ни давать). Вотъ почему законодатели, чтобъ придать браку нѣкоторое воображаемое сходство съ этимъ божественнымъ союзомъ, воспрепятствуютъ дарствованію между мужемъ и женой, желая доказать этимъ, что у нихъ должно быть все общее и потому недѣлимое.

Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ мужу и жентѣ, какъ бы они тѣло не были связаны, дѣлать

другъ другу подарки, доказывающіе только вниманіе другъ къ другу, и не могущіе считаться благодарѣніями; но являясь признакомъ вниманія, доказываютъ, что между людьми, представляющими изъ себя нѣчто единое,—но все-таки два существа,—благодарность все-таки пріятна и полезна.

Если въ дружбѣ, о которой я говорю (т.-е. въ совершенной дружбѣ), одинъ могъ бы дать другому, тотъ, кто получаетъ благодареніе, одолжаетъ своего товарища; потому что ища случая сдѣлать добро другъ другу, тотъ, кто даетъ возможность это сдѣлать, играетъ роль великодушнаго, выражающаго «согласіе, чтобъ другъ сдѣлалъ то, что ему наиболѣе пріятно».

Это совершенно правильно, и если мой другъ—настоящій другъ, то прося его о чемъ-либо, я доставляю ему удовольствіе исполнить мою просьбу; но, вѣдь это-то, именно, и служитъ доказательствомъ того, что насъ двое; потому что, еслибъ мы были нѣчто нераздѣльное, не испытывалось бы никакого желанія что-либо давать. Итакъ, надо сказать, что въ дружбѣ бываютъ всегда двое, несмотря на желаніе слиться въ одно цѣлое, изъ чего мы заключаемъ, что въ каждомъ благодареніи между друзьями есть два удовольствія: удовольствіе получающаго—сильное, и смѣшанное съ благодарностью, увеличивающею дружбу, и удовольствіе дающаго, еще болѣе сильное и равное и смѣшанное съ признательностью къ тому, кто вамъ далъ возможность быть щедрымъ. Это удовольствіе также увеличиваетъ дружбу.

Настоящіе друзья,—продолжаетъ Монтень,—такъ

хорошо чувствуютъ удовольствіе, которое они доставляютъ прося чего-нибудь, что они смотрятъ на себя, какъ на кредиторовъ своихъ друзей, а на своихъ друзей—какъ на дебиторовъ.

Когда у философа Діогена не хватило денегъ, то онъ говорилъ, что онъ просить *вернуть* ему деньги, а не просто просить у нихъ (что, конечно, было болѣе остроумно, нежели точно, даже смотря на это съ идеальной точки зрѣнія). Чтобъ показать, какъ такая мысль проводится (въ жизни), я приведу интересный примѣръ. Коринфянинъ Эвдамидъ имѣлъ друзей: Хариксена изъ Сиціона, и Аретея, коринфянина. Находясь въ бѣдности и при смерти, въ то время какъ его друзья были богаты, онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе: «Я завѣщаю своему другу Аретею кормить мою мать и поддерживать ее въ старости; а Хариксену—выдать замужъ мою дочь и дать ей земельный участокъ, самый большой, какой найдетъ возможнымъ. Въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, я назначаю того, кто переживетъ, исполнителемъ моей воли». Первые, кто увидѣли его завѣщаніе, стали его осмѣивать; но его наслѣдники—душеприказчики, будучи извѣщенными, признали его и были очень довольны. Такъ какъ одинъ изъ нихъ, Хариксень, скончался пять дней спустя, то исполненіе завѣщанія перешло къ Аретею, и онъ очень заботливо кормилъ эту мать, и изъ пяти талентовъ (мѣрка земли), составлявшихъ все его имущество, два съ половиной отдалъ своей единственной дочери, а два съ половиной—въ приданое дочери Эвдамида, свадьба которой состоялась въ тотъ же день.

Раздумывая надъ этимъ великимъ дружескимъ поступкомъ, Монтень относится къ нему съ сомнѣніемъ, потому что онъ любитъ осложненія. «Вотъ хорошіе и вѣрные друзья», говоритъ онъ себѣ, «но какъ они могли ужиться втроемъ? Да, втроемъ. Постоящая, совершенная и идеальная дружба допускаетъ только двухъ друзей, потому что... Послушайте.

«Этотъ примѣръ (трехъ друзей) даетъ хорошее опредѣленіе дружбы; можно возразить только противъ количества друзей, потому что та совершенная дружба, о которой я говорю, недѣлима: каждый всецѣло отдается своему другу, и ничего не остается для другихъ; онъ, напротивъ, опечаленъ, что самъ онъ не двойной, не тройной, не четверной, и что онъ не обладаетъ нѣсколькими душами, чтобъ всѣ ихъ слить въ одномъ чувствѣ. Общія дружбы дѣлимы. Въ одномъ человѣкѣ можно любить красоту, въ другомъ—легкость нрава, къ третьему—питать отцовскія чувства, къ четвертому—братскія и т. д.; но та дружба, которая обладаетъ душой и ею всецѣло управляетъ, не можетъ быть двойной. Если бы одновременно двумъ нужна была ваша помощь, къ кому бы вы бросились? Еслибъ ваши два друга нуждались въ различныхъ услугахъ, кому бы вы ихъ оказали? Еслибъ вамъ повѣрили тайну, которую надо было бы знать другому, какъ бы вы выпутались? Единственная и высшая дружба освобождаетъ отъ всѣхъ другихъ обязанностей, и тайну, которую я поклялся никому не повѣдать, я могу, не нарушая клятвы, повѣдать лишь тому, кто не другой, а только я самъ.

Въ томъ, что говоритъ Монтень, есть правда, и я

признаюсь, что трудно имѣть больше одного друга, но все-таки иногда отступленіе отъ этой строгости мыслимо, и если, дѣйствительно, невозможно имѣть многихъ друзей, то въ небольшомъ количествѣ они доступны. Возраженія Монтеня сильны, но они не непобѣдимы. Если два друга одновременно будутъ просить васъ о помощи, къ которому побѣжите вы? Во-первыхъ, это есть, что называется *гипотеза спора*, — гипотеза, которая запутывается, но не достаточно реальна, даже гадательна, и представляетъ предложеніе почти невысказаннаго. Можетъ случиться разъ въ жизни, что два друга обратятся къ вамъ одновременно за помощью, но скорѣй всего этого не будетъ. И даже если такъ случится, вы поможете болѣе старому и болѣе слабому. Это разрѣшеніе можно оспаривать; да, но развѣ необходимо, предвидя какую-нибудь случайность, — которой можетъ и не быть, — лишать себя второго друга, которому вы можете оказать тысячу услугъ, а также и лишить его своей симпатіи въ теченіи цѣлой жизни? Я смотрю на это съ иной точки зрѣнія.

Если оба ваши друга требуютъ отъ васъ услугъ, которыхъ вы не можете оказать имъ обоемъ, какъ вы тогда поступите? Я сдѣлаю то, чего требуетъ отъ меня справедливость, и докажу тому, который будетъ лишень моей услуги, что я поступаю вполне справедливо, и если онъ меня любитъ, онъ, меня пойметъ и оцѣнитъ, и повторяю опять, это будетъ лучше, чѣмъ не имѣть этого второго друга и относиться равнодушно къ тому, кто васъ любитъ, кто стоитъ, чтобъ вы его любили, и кого вы любите.

Еслибъ одинъ изъ двухъ друзей повѣрилъ бы вамъ тайну,—нѣчто такое, что другому необходимо было бы знать,—что сдѣлали-бы вы? Это самое затруднительное положеніе и самое сильное возраженіе; но въдъ Монтень умѣетъ находить такіе затруднительные случаи.

Еще разъ, чтобы я сдѣлалъ? Я бы попросилъ своего друга, чтобы онъ мнѣ разрѣшилъ повѣдать тайну сію моему второму другу и далъ ему понять, что это справедливо. А если онъ не согласится?—Если онъ не согласится, я буду страдать, но молчать, и будетъ случай въ жизни, когда я долженъ буду отказать другу въ услугѣ; но повторяю,—это лучше, чѣмъ лишиться изъ боязни осложненій, возможныхъ, но рѣдкихъ, друга, котораго я хотѣлъ любить и который любилъ меня.

Въ чемъ возраженіе Монтеня вѣрно, такъ это въ томъ, что если имѣешь нѣсколькихъ друзей, то надо, чтобы они были друзьями между собой, также тѣсно связанными, какъ и съ вами.

Вотъ мы и дошли до точки. Если друзья ваши между собою дружны, тогда въ случаѣ опасности, вы, не имѣя возможности помочь всѣмъ, помогите одному изъ нихъ. Если они между собой дружатъ, не можетъ случиться, чтобъ одинъ изъ нихъ требовалъ отъ васъ услуги въ ущербъ другому. Если они между собой друзья, никогда одинъ изъ нихъ не повѣритъ вамъ тайны, которую онъ не могъ бы повѣрить другому.

Итакъ, невозможенъ ли союзъ трехъ-или четырехъ друзей, любящихъ другъ друга очень сильно и

тѣсно связанныхъ между собой? Конечно, онъ очень сложенъ, но не переходитъ границы возможнаго. Что же можно вывести изъ этого разсужденія Монтени, — такъ это слѣдующую аксіому: «Возможно имѣть болѣе одного друга только въ томъ случаѣ, если ваши друзья такіе же близкіе друзья между собой, какъ и съ вами».

МОЛЬЕРЪ

Т а р т ю ф ъ

Оргонъ—парижскій буржуа XVIII вѣка, человекъ очень благоразумный, неглупый, властный среди своихъ домочадцевъ, но въ общемъ довольно благоразумный, за исключеніемъ одного пункта. Онъ очень благочестивъ, очень набоженъ, проникнуть страхомъ за гробной жизни; онъ не умѣетъ отличать истинно благочестивыхъ людей отъ лицемеровъ, тѣхъ, которые уважаютъ религію, отъ тѣхъ, которые принимаютъ ея личину. Этотъ недостатокъ, или скорѣе это недомысліе, довольно рѣдкое въ наше время, было очень распространено въ XVII вѣкѣ. Вслѣдствіе такого недомыслія Оргонъ подпадаетъ подъ вліяніе нѣкоего Тартюфа, хитраго плута, который своими скромными приемами старается проникнуть въ благочестивыя семьи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были богаты. Оргонъ принимаетъ его, помѣщаетъ у себя, предлагаетъ ему даровое содержаніе и требуетъ, чтобы все въ домѣ ему повиновались. Мы прочитаемъ вмѣстѣ главныя сцены, гдѣ Мольеръ изобразилъ Оргола,

очарованнаго Тартюфомъ, и имъ, какъ говорятъ, обойденнаго. Оргонъ возвращается изъ деревни и встрѣчаетъ прежде всего свою служанку Дорину и зятя Клеанта¹⁾.

Оргонъ. Здравствуй братъ...

Клеантъ. Здорово. Что-жь, успѣшно Ты съѣздилъ—а? Въ деревнѣ благодать? Хоть и невесело, конечно...

Оргонъ. Дорина...

Извини... мнѣ хочется узнать,
Что новаго у насъ... одна минутка.
Два дня вѣдь не былъ я—не шутка.

Дорина. Такъ потери.

Оргонъ. Я слушаю. Изволь
Подробно все рассказывать...

Можно подумать, что Оргонъ заботился о своей матери, о своей женѣ и о своей дочери?

Далѣе увидите:

Дорина. Сначала супруга ваша захворала
Ознобъ и жаръ... и головная боль...

Оргонъ. Ну, а Тартюфъ?

Дорина. Тартюфъ? И спрашивать напрасно...

Ему-ли здѣсь живется не прекрасно.

Оргонъ. Бѣдняжка!

Дорина. Вечеромъ едва

Могла за ужиномъ сидѣть—все голова...

И кушать вовсе отказалась.

Оргонъ. Ну, а Тартюфъ?

Дорина. Онъ куропатки съѣлъ,

¹⁾ „Тартюфъ“—комедія Мольера, перев. Лихачева.

И отъ баранины немного что осталось...

Но больше самъ не захотѣлъ.

Оргонъ. Бѣдняжка!

Дорина. Ночь прошла въ тревогѣ,

Не спить, горить—и мы заснуть не смѣй.

Измучились—едва волочимъ ноги...

И такъ вотъ до утра промаялись мы съ ней.

Оргонъ. Ну, а Тартюфъ?

Дорина. Довольный, сытый,

Изъ-за стола спокойно всталъ,

Въ постель свалился, какъ убитый,

И напролетъ всю ночь просналъ.

Оргонъ. Бѣдняжка!

Дорина. Кровь пустить давно бы надо было,

Не хочеть. Наконецъ, отъ страха вся дряжа,

Рѣшилась наша госпожа

И насъ же всѣхъ потомъ благодарила.

Оргонъ. Ну, а Тартюфъ?

Дорина. Узнавъ, что много силъ

Отъ операціи больная потеряла,

Онъ тотчасъ же потерю возмѣстилъ:

За завтракомъ два лишніе бокала

Благоговѣйно осушилъ.

Оргонъ. Бѣдняжка!

Дорина. Къ вашему, однако, возвращенью

Покинулъ барыню недугъ

Пойти—сказать, что любящій супругъ,

Ужасно радъ ся выздоровленью!

Глубокій комизмъ этой сцены, сразу бросающійся въ глаза, не требуетъ никакихъ комментарій. Въ возраженіяхъ Дорины я лишь отмѣчу *возраста-*

ющую пропію. Она замѣчаетъ, что Тартюфъ чувствуетъ себя хорошо, какъ обыкновенно; затѣмъ, подстрекаемая глупостью Оргона, она дѣлаетъ насмѣшливыя замѣчанія о томъ, какъ: «Онъ спокойно и пабожно уснулъ»... о томъ, что «пришлось прибѣгнуть къ кровопусканію, чтобы возстановить здоровье госпожи» и далѣе: «что любящій супругъ ужасно радъ ея выздоровленію»... Оргонъ, какъ всѣ люди, ослѣпленные одною мыслью, нисколько не понимаетъ ея ироніи. Онъ ничего не отвѣчаетъ Доринѣ и съ удивленіемъ выслушиваетъ своего брата.

(Это удивленіе актеръ долженъ передать).

Клеантъ. Она въ глаза смѣется надъ тобой,—
И подѣломъ, скажу я прямо.

Обманывать себя возможно-ль такъ упрямо?

Ты не сердись, другъ милый мой!

Замѣтите, что Оргонъ его не прерываетъ. Онъ не понимаетъ значенія его словъ. Все то, что онъ говоритъ, кажется ему весьма натурально. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что ему говорятъ о его призрастїи къ Тартюфу. Иначе онъ, понятно, тотчасъ же прервалъ бы брата. Онъ смотритъ на него съ удивленіемъ. Къ чему ведетъ онъ эту рѣчь? Возможно-ль, чтобы человекъ въ нашъ вѣкъ былъ чародѣемъ? (Чары въ XVII вѣкѣ означали колдовство, магическое волшебство).

Клеантъ. Способенъ все забыть ради него.

(Органъ все еще не отвѣчаетъ .

О какомъ чародѣѣ идетъ рѣчь?)

... Для личности... далеко не почтенной.

Будь справедливъ.

Наконецъ, Оргонъ понимаетъ. А, рѣчь идетъ о Тартюфѣ? Онъ перебиваетъ и говоритъ рѣзко:

Оргонъ. Постой, уйми свой пылъ.

Ты попусту слова теряешь:

Ты говоришь о томъ, кого совсѣмъ не знаешь.

Клеантъ. Не знаю? Можетъ быть. Но чтобъ
его узнать

И вѣрное о немъ составить мнѣнье...

Оргонъ. Узнай, узнай. Готовъ я клятву дать,
Что отъ него придешь ты въ восхищенье.

Вотъ человѣкъ! Ахъ, что за человѣкъ...

(Иначе говоря, онъ этимъ хочетъ сказать, что Тартюфъ человѣкъ достойный уваженія).

Оргонъ. Кто слѣдуетъ ему—вкушаетъ миръ
душевный

И свысока глядитъ на родъ людской

(т. е., кто слѣдуетъ его наставленіямъ),

Меня возьми: я сталъ совсѣмъ другой.

Для нѣжныхъ чувствъ душа моя закрыта;

Вотъ умирай, сейчасъ, у ногъ моихъ,

Хоть вся семья—я не взгляну на нихъ:

Къ роднымъ и къ близкимъ всѣмъ убита

Малѣйшая привязанность во мнѣ.

Не трудно, сразу, понять, о чемъ бесѣдовали Тартюфъ съ Оргономъ, какіе совѣты тотъ ему давалъ. Цѣль Тартюфа—завладѣть Оргономъ и такъ сказать, забрать его въ руки; онъ увѣрилъ Оргона, что Богъ не требуетъ другой привязанности, какъ только къ самому себѣ; онъ это говоритъ, чтобы воспользоваться привязанностью Оргона къ себѣ, Тартюфу. Это ему удается. Оргонъ воображаетъ, будто отрѣшился

отъ земныхъ страстей и прѣбываетъ въ Богѣ, что, по его мнѣнію, олицетворяетъ своимъ поведеніемъ Тартюфъ.

Клеантъ, восклицаетъ въ изумленіи:

По человѣчески вполне.

Оргонъ, не обращая вниманія на это возраженіе и, преслѣдуя свою идею, возвращается, конечно, къ первымъ впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ Тартюфа и, слѣдовательно, къ началу ихъ знакомства. Поэтому онъ хочетъ изобразить Тартюфа и совершенно безсознательно рисуетъ сатирической его портретъ, такъ какъ для зрителя всѣ черты, которыми Оргонъ тщательно изображаетъ Тартюфа, доказываютъ лице мѣріе, притворство и тщеславіе.

Оргонъ. Мнѣ вспомнилось, какъ я Тартюфа
встрѣтилъ:

Онъ нашу церковь посѣщаль,

Я сразу же его замѣтилъ —

Тартюфъ намѣтилъ свою жертву, приготовился къ ловлѣ и забросилъ свою приманку.

И съ той поры всегда ужъ замѣчалъ.

Съ начала до конца колѣнопреклоненный

Неподалеку отъ меня

Молился онъ — то крѣтко умиленный,

То преисполненный священнаго огня.

Вздвигалъ, стоналъ, и къ небу очи

Благоговѣнно поднималъ.

Поклоны билъ и землю цѣловалъ,

И кулаками въ грудь стучалъ, что было мочи...

Когда-жъ я выходилъ, онъ поспѣвалъ впереди

И для меня расталкивалъ народъ.

Онъ продолжаетъ свои продѣлки: истинно благо-
честивый человекъ не обратилъ бы вниманія на по-
явленіе Оргона съ честнымъ Лораномъ.

Съ его слугой, такимъ же какъ и онъ

Знакомство свель, разговорился

И все узналъ... о томъ, кто онъ такой...

Съ его слугой, такимъ же какъ и онъ,

Слова: и все о немъ узналъ... относятся къ его
нравственнымъ качествамъ. Эти слова могутъ имѣть
двойное значеніе, такъ какъ въ XVII вѣкѣ «кто онъ
такой» означаютъ чаще всего: *какое его обще-
ственное положеніе; дворянинъ онъ или раз-
ночинецъ*. Такимъ образомъ С. Симонъ, восхваляя
Катина, говоритъ: «Онъ никогда не забывалъ, что
онъ не изъ дворянъ». Но мы знаемъ изъ другой ци-
таты, что Тартюфъ выдавалъ себя за дворянина. По-
этому приведенныя слова могутъ имѣть такое значе-
ніе: «Узнавъ отъ Лорана, что онъ бѣдный дворя-
нинъ»... Однако, слѣдуя за развитіемъ мысли, я ско-
рѣе думаю, что Оргонъ слышалъ отъ Лорана похвалу
нравственныхъ качествъ его господина.

Оргонъ. Тутъ началъ я бѣднѣе помогать

Сначала — ни за что, потомъ сталъ принимать —

Частицами: — «Съ меня и половины много» —

Таковъ портретъ Тартюфа, готового идти въ по-
ходъ, въ экспедицію, на охоту. И вотъ, наконецъ,
портретъ торжествующаго Тартюфа, почти достигша-
го своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобы сдѣлаться
господиномъ въ домѣ Оргона.

Оргонъ. Ну, наконецъ, — благодаренье Богу, —

Переселился онъ въ мой домъ —

И вотъ, какъ видишь понемногу
Все измѣнилъ въ быту моемъ.
Жена—и та не увернулась:
За ней, какъ пята, смотритъ онъ,
И чуть, кому, замѣтитъ, приглянулась
Того, безъ разсужденій, вонъ. —
Когда меня зовутъ ревнивцемъ даже,
Такъ онъ-то что-жь?

Впрочемъ, оставаясь вѣрнымъ своей роли притвор-
ной набожности, которая составляетъ главное оружіе
въ арсенала Тартюфа, Оргонъ продолжаетъ:

Мнѣ безъ него куда-же?
Въ себѣ самомъ къ ничтожному грѣху
Къ простой оплошности — суровъ безъ снисхо-
жденья,

Случится—посреди ночного размышленья
Убѣтъ нечаянно блоху,

И то, повѣришь ли, не спитъ отъ сокрушенья. —

Клеантъ выходитъ изъ себя. Зная своего зятя,
онъ приходитъ въ недоумѣніе и спрашиваетъ себя,
видя, до какой степени дошло неожиданное и стран-
ное увлеченіе Оргона, въ своемъ ли онъ умѣ, или
не издѣвается ли онъ надъ своимъ собесѣдникомъ:

Клеантъ. Ну, полно, перестань обмазывать
себя,

Но не другихъ; что за безумство.

Не дѣтя мы и не глупѣй тебя,

Чтобъ не видѣть.

Клеантъ принимаетъ за шутку восторженныя по-
хвалы Оргона Тартюфу. Оргонъ обиженъ. Замѣчанія

Клеанта онъ считаетъ оскорбительными и милостиво его предупреждаетъ, что тотъ, кто дурно отзывается о Тартюфѣ, навлечъ на себя гнѣвъ Божій :

О вольнодумецъ. Послушайся меня, остепенись.

Еще не поздно вѣдь. Иначе берегись.

(Вольнодумство въ XVII вѣкѣ означало презрѣніе къ религіи. Иначе говоря: будешь проклятъ).

Клеантъ возмущается, онъ человѣкъ благочестивый, не глупый, и хочетъ это доказать. Это очень понятно. Тѣмъ болѣе, что и Мольеръ придаетъ этому значеніе: онъ устами Клеанта выражаетъ свои религіозныя воззрѣнія, утверждая, что нападки на лицемѣріе въ религіи не касаются самой религіи. Поэтому Клеантъ въ порывѣ краснорѣчія восклицаетъ съ непритворнымъ одушевленіемъ.

Слыхалъ я эти разсужденья :

По вашему, кто смѣль — тотъ праведно живетъ,

А кто хоть чуточку позорче, безъ сомнѣнья,

И негодяй и вольнодумецъ тотъ —

И нѣтъ несчастному прощенья :

Не страшный приговоръ! Когда я не питаю

Къ себѣ ни подлыхъ чувствъ, ни замысловъ
злодѣйскихъ

Подъ маскою кривляній фарисейскихъ...

Клеантъ ставитъ категорическій вопросъ: «Бываютъ истинно набожные люди и притворные; умѣть это различать является религіозной обязанностью, составляя сущность любви въ религіи». Клеантъ упрекаетъ Оргона въ томъ, что онъ не исполняетъ, религіознаго долга.

Это довольно удачный ораторскій пріемъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы повторять десять разъ одно

и то-же, въ различныхъ выраженіяхъ, усиливая ихъ съ каждымъ разомъ. Это не всегда полезно, но здѣсь такой пріемъ является неизбѣжнымъ, такъ какъ приходится внушать истину человѣку довольно ограниченному. Это выпадаетъ на долю Клеанта. Естественно-ли, чтобы онъ этимъ занимался? Да, потому что онъ сильно возбужденъ. Ему пришлось выслушать личные и прямые нападки. Онъ возбужденъ силой своей собственной рѣчи. Вначалѣ такой реплики ораторскій пріемъ казался бы ложнымъ. Здѣсь онъ вполне умѣстный.

Клеантъ (продолжаетъ). Мы странно созданы; съ диковинымъ упорствомъ

Не отличаемъ мы отъ набожныхъ людей
Завѣдомыхъ обманщиковъ, ханжей,
И до костей проникнуты притворствомъ.
Мы недовольны тѣмъ, что намъ дано судьбой,
И объ одномъ безъ устали хлопочемъ—
Утратить безъ слѣда природный образъ свой
И чѣмъ угодно стать, но только не собой

(У большинства писателей XVII вѣка подъ словомъ «разумъ» подразумѣвали благоразуміе и уравновѣшанность, и въ этомъ смыслѣ Буало сказалъ, «Я чувствую равновѣсіе истиннаго разума»).

Очевидно Оргонъ *вовсе не слушалъ*, и Клеантъ это замѣтилъ и заключаетъ: «Я говорю все это между прочимъ». Эти слова равнесильны замѣчанію другого дѣйствующаго лица Мольера: «Я къ вамъ обращаюсь съ этой рѣчью».

Оргонъ, какъ бы очнувшись отъ сна, отвѣчаетъ этими ироническими и неопредѣленными словами, ко-

торыя доказываютъ, что онъ вовсе не слушалъ.

Ну да, вѣдь ты одинъ уменъ,
И образованъ, и ученъ:
Тебѣ и честь, и книги въ руки.
А мы — ослы и дураки...

Ни опытъ жизненный, ни мудрыя науки
Намъ не дались...

Клеантъ отвѣчаетъ сначала очень сдержанно, затѣмъ съ живостью и увлеченіемъ человѣка, извѣстнаго какъ врага притворной набожности, до такой степени, что его подозрѣваютъ въ вольнодумствѣ.

Клеантъ. Какіе пустяки.

Повѣрь — себѣ я цѣну знаю

- Ни скромничать, ни хвастать не хочу,
Но плута подь любой личиной угадаю
И ложь всегда отъ правды отличу...

Если, онъ, дѣйствительно, умѣетъ различать, его познанія не такъ ничтожны, какъ онъ это говорить. Они удивительны, и онъ не такъ простъ, какъ это думаютъ. Клеантъ хочетъ дать понять, что онъ достаточно уменъ, чтобы умѣть отличать искреннихъ людей отъ притворщиковъ.

Я въ людяхъ набожность глубоко уважаю,
Зато, ужъ не взыщи, не выношу ханжей.

Не выношу всѣхъ этихъ лицемѣровъ

Пронырѣ, святошей, изуврѣровъ

И благочестія безстыдныхъ торгашей...

У нихъ-то именно нѣтъ ничего святого

Тебя имъ не почемъ и въ жертву принести.

(Онъ отлично видитъ, какъ они, возсылая притвор-

ныя молебны къ Богу, выпрашиваютъ себѣ раяныя милости, подобно простымъ просителямъ).

Ихъ цѣль грязна, а средства ихъ ужасны,

Въ глазахъ довѣрчивой толпы,

Они свѣтильники, столпы,

И всѣ поступки ихъ высоки и прекрасны,

Вотъ чѣмъ они сильны и чѣмъ опасны:

Таковъ и этотъ молодецъ...

И онъ-то наглый проходимецъ,

Въ почетѣ здѣсь, какъ рѣдкій образецъ

Всѣхъ добродѣтелей? и онъ-то низкій лжецъ...

Эти слова служатъ для общей характеристики Тартюфа. Тартюфъ не придворный, сильный своими связями, въ мірѣ духовенства, заискивающій и въ то же время грозный проситель, который можетъ повредить высокопоставленнымъ лицамъ. Это просто плутъ, который старается проникнуть въ буржуазную семью. Но пользуясь личностью Тартюфа и обобщая ея, расширяя, какъ говорится, вопросъ, чтобы доказать все значеніе этой пьесы, Клеантъ, или скорѣе Мольеръ, переноситъ сатирическое изображеніе на всѣхъ при-творно-набожныхъ людей, на всѣхъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ религію, ради собственной выгоды.

Совершенно лишнее замѣтить съ какой силой и съ какимъ краснорѣчіемъ Мольеръ проводитъ свою мысль.

КОРНЕЛЬ

Характеръ Севера въ трагедіи Поліевкѣ

Содержаніе этой трагедіи составляет мученичество Поліевкта въ III вѣкѣ по Р. Хр. во время царствованія императора Деція. Въ эту эпоху христіане, уже многочисленныя и вліятельныя, подвергались преслѣдованіямъ правительства, которое требовало поклоненія древнимъ богамъ. Событіе, послужившее содержаніемъ драмы Корнеля, происходитъ въ Арменіи. Поліевктъ, одинъ изъ властителей страны, вступаетъ въ бракъ съ Полиной, дочерью намѣстника Феликса. Поліевктъ уже давно христіанинъ въ душѣ, но подъ вліяніемъ своего друга Неарка, онъ послѣ брака принимаетъ крещеніе. Одушевленный этимъ торжественнымъ событіемъ онъ во время религіознаго обряда низвергаетъ изваянія языческихъ боговъ. Это государственное преступленіе, и Феликсъ, какъ правитель страны и намѣстника императора, долженъ строго наказать Поліевкта.

Полина, во время своего пребыванія въ Римѣ была любима Северомъ и отвѣчала ему взаимностью. Феликсъ, ея отецъ, не соглашался на этотъ бракъ, такъ какъ, повидимому, у Севера не было ни будущ-

ности, ни богатства. Но въ то самое время, когда Поліевкъ низвергаетъ языческихъ боговъ, приходитъ извѣстіе о возвращеніи Севера въ Арменію. Онъ является окруженный славой, знаменитый своими побѣдами и любимцемъ императора. Это даетъ поводъ Феликсу жестоко преслѣдовать Поліевкта. Онъ считаетъ Севера во-первыхъ, враждебно настроеннымъ противъ Полины и противъ него самого, такъ какъ Полина вступила въ бракъ съ Поліевктомъ; во-вторыхъ, врагомъ Поліевкта — христіанина и мятежника, мужа любимой имъ некогда Полины. Наконецъ, Феликсъ — строгій исполнитель законовъ и указовъ императора. Погибель Поліевкта рѣшена.

Полина старается всѣми силами предупредить опасность; она умоляетъ отца быть снисходительнымъ; но мы уже знаемъ, почему Феликсъ остается непреклоннымъ. Она умоляетъ Поліевкта отречься и принести повинную, но глубоко вѣрующій Поліевкъ слишкомъ экзальтированъ; онъ всецѣло проникнуть «священнымъ одушевленіемъ креста» и не уступаетъ просьбамъ Полины, не соглашаясь возвратиться въ язычество, онъ, наоборотъ, желаетъ обратить ее въ христіанство. «Искать путь къ блаженству для себя маѣ мало, я хочу и вамъ указать его».

Зная великодушіе Севера и его готовность на жертву, Полина умоляетъ его повліять на Феликса, чтобъ спасти Поліевкта.

Феликсъ ошибся въ оцѣнкѣ характера Севера, но Полина въ немъ не ошиблась, Северъ — человекъ великодушный, благородный, способный на жертву.

Несмотря на свою любовь къ Полинѣ, онъ старает-

уважать самого себя, сказавъ себѣ, что я могу по собственной волѣ, поступать безкорыстно и жертвовать собою». Онъ, дѣйствительно, такъ и отвѣчаетъ: «На что я надѣюсь? На счастье доказать этой благородной душѣ, что Северъ достоинъ ея и ей равенъ во всемъ; что ея любовь должна была принадлежать мнѣ, и что жестоко рѣшеніе судьбы, разлучившее насъ».

Рѣшеніе судьбы жестоко, т. е. несправедливо. Въ этихъ четырехъ строкахъ заключается основная мысль Корнеля. Отличительное свойство героевъ Корнеля—желаніе имѣть право на самоуваженіе. Но такъ какъ уважать себя можно только за поступки, въ которыхъ проявляется сознательная воля, самообладаніе, отрѣшеніе отъ самого себя и побѣда надъ своимъ эгоизмомъ, то герои Корнеля—герои воли и безкорыстія. Съ другой стороны, когда они любятъ, они любятъ нравственныя качества любимаго имъ челоуѣка болѣе всего остального и почти исключительно. Они знаютъ, что любимый челоуѣкъ любитъ ихъ также только за эти качества. Нерѣдко между двумя влюбленными Корнеля возникаетъ борьба великодушія; каждый изъ нихъ считаетъ другого своей совѣстью и совѣстью строгой и суровой; каждый изъ нихъ, желая быть достойнымъ другого, поднимается на необыкновенную высоту самосознанія. Наконецъ, если бы оба любовника, и Северъ, и Полина, были бы христіанами, ни тотъ ни другой не говорили бы, что говоритъ Северъ въ двухъ послѣднихъ стихахъ, приведенныхъ нами. Но Северъ и Полина—язычники. Северъ можетъ обвинять, или осуждать боговъ, доказавшихъ своими поступкамъ, что они къ нему несправедливы, помѣшавъ его браку съ Полиной.

Фабіанъ не герой и не стоикъ, но человѣкъ практичный, заурядный, исполнитель приказаній, подобный Феликсу. Онъ пытается указать Северу на угрожающія опасности, внушая ему мѣщанскую осторожность.

«Судьбу не обвиняй въ несправедливости къ тебѣ, берегись опасности, неразлучной съ такой жертвой; Подумай о томъ, на что ты рѣшился. Какъ? Ты задумалъ спасти христіанина? Развѣ тебѣ неизвѣстна ненависть Деція къ несчастной сектѣ христіанъ?

Онъ твой поступокъ сочтетъ за преступленіе; если ты лишишься его расположенія, онъ для тебя можетъ оказаться роковымъ».

Въ прозѣ это означаетъ: «Ты рискуешь попасть въ немилость». На это грозное предостереженіе Северъ отвѣчаетъ: «Такія слова могутъ испугать только труса».

«Подобныя соображенія пригодны людямъ зауряднымъ. Хотя моя судьба и мое счастье въ его рукахъ, но я останусь вѣренъ самому себѣ. При всей своей безграничной власти онъ не можетъ ни умалить моей славы, ни поколебать во мнѣ сознаніе долга».

Другими словами власть Деція бессильна, когда дѣло касается понятія о чести и сознанія долга. Ничто такъ не оскорбляетъ героевъ Корнеля, какъ безразличное отношеніе къ вопросамъ чести. Такъ какъ у нихъ понятіе о чести неразлучно съ презрѣніемъ къ личной выгодѣ, то ничто ихъ такъ не оскорбляетъ, какъ желаніе внушить имъ соображеніе о ней. Это ихъ *point d'honneur*—вопросъ чести. Северъ выразилъ бы все, что ему приходится сказать, менѣе сильно,

селибъ Фабіанъ, какъ человѣкъ заурядный, ему не подалъ совѣта, предполагая въ немъ такія же чувства. Северъ продолжаетъ: «Дѣло здѣсь касается вопроса чести, и я желаю разрѣшить его. Какова бы ни была моя дальнѣйшая судьба, благоприятна мнѣ, или враждебна, — судьба всегда измѣнчива, — я буду счастливъ погибнуть, оставаясь вѣренъ самому себѣ.

Здѣсь необходимо выяснитъ вопросъ, такъ какъ относительно послѣднихъ словъ можетъ возникнуть сомнѣніе: «Окажется ли судьба благоприятной мнѣ или наоборотъ, несмотря на мою неосторожность; если я даже стану убѣждать себя въ томъ, что осторожность бесполезна, такъ какъ судьба измѣнчива, какъ азартная игра, то я все же стану поступать по собственному усмотрѣнію, не принимая ее въ расчетъ. Если мнѣ суждено погибнуть, я умру довольный въ сознаніи моей славы. Я умру удовлетвореннымъ». Эта мысль всецѣло принадлежитъ Корнелю. Герои Корнеля думаютъ прежде всего о томъ, чтобъ хорошо умереть. Они сами повторяютъ то, что Беранже вложилъ въ уста стараго солдата, который говорилъ, обращаясь къ дѣтямъ:

— Это еще не все. Жизнь еще не все. Богъ, да ниспошлетъ вамъ, дѣти, добрую кончину.

Нѣкоторые изъ древнихъ и всѣ христіанскіе философы говорили, что жизнь должна служить приготовленіемъ къ смерти. Это до нѣкоторой степени мысль всѣхъ героевъ Корнеля. Они смотрятъ на жизнь, какъ на возможность приготовиться къ славной смерти, къ смерти, достойной великаго, честнаго человѣка. Замѣтите, что Северъ понимаетъ это въ такомъ же смыслѣ. Въ глазахъ міра считалось бы болѣе достой-

мымъ умереть, сохраняя расположеніе Деціа, умереть побѣдителемъ, или побѣжденнымъ на полѣ битвы, чѣмъ умереть въ неизвѣстности отъ руки палача, чтобъ спасти жизнь христіанина въ Арменіи. Но, чтобъ умереть достойнымъ образомъ, Северъ желаетъ умереть, оставаясь вѣрнѣе своему понятію о чести.

Северъ продолжаетъ, переходя къ другому ряду мыслей:

I.

«Я скажу тебѣ еще болѣе, съ условіемъ, чтобъ это осталось между нами: секта христіанъ не такъва, какой ее намъ представляютъ. Ихъ ненавидятъ. Почему? Мнѣ это неизвѣстно, И въ этомъ я считаю Деціа несправедливымъ. Мнѣ хотѣлось ихъ узнать изъ любопытства. Они слывутъ за чародѣевъ, подвластныхъ силамъ ада. На этомъ основаніи ихъ подвергаютъ казнямъ, за тайные обряды, значенія которыхъ мы не знаемъ. Но въ Греціи и въ Римѣ Церера Элевзинская—добрая богиня, какъ и она, имѣетъ свои тайны. Мы допускаемъ безнаказанно существованію боговъ повсюду, исключая ихъ боговъ. Въ Римѣ чудовища Египта имѣютъ свои храмы. Наши предки совершенно произвольно возводили челоуѣка въ божество. Слѣдуя ихъ заблужденіямъ; мы населяемъ небо нашими царями. Но вспоминая безпристрастно объ ихъ апофеозѣ, я сомнѣваюсь въ справедливости такихъ метаморфозъ».

II.

«Христіане признаютъ едилаго Бога. Онъ полный властитель всего, все совершается согласно его во-

лѣ. Но, говоря между нами, не могу не замѣтить, что множество нашихъ боговъ нерѣдко живутъ въ несогласіи. Безъ боязни я утверждаю, — хотя бы мнѣ пришлось погибнуть на мѣстѣ, — что у насъ слишкомъ много боговъ, чтобъ ихъ можно было признать за боговъ настоящихъ».

III.

«Наконецъ, что касается христіанъ, нравы у нихъ безобидны. Они ненавидятъ пороки, добродѣтели у нихъ процвѣтаютъ. Они желаютъ намъ добра, хотя мы ихъ угнетаемъ. Хотя мы издавна подвергаемъ ихъ мученьямъ, развѣ они возставали? Среди нихъ мятежей не бывало. Не изъ ихъ ли среды являлись вѣрные воины? Непобѣдимые въ битвѣ, они не страшатся палачей. Сильнѣе львовъ на войнѣ, они умираютъ, какъ агнцы».

IV.

«Глубоко о нихъ сожалѣя, я не откажу имъ въ защитѣ. Пойдемъ и разыщемъ Феликса, начнемъ съ его зятя. Этимъ поступкомъ я успокою Полину и мою совѣсть и оправдаю на дѣлѣ свои желанія».

Я привожу всю эту сцену, такъ какъ она представляетъ цѣлую рѣчь. Северъ не сочинилъ ее заранее; она является логическимъ развитіемъ хода идей. Она является какъ бы краткимъ изложеніемъ диссертациі о состояніи христіанъ и язычества въ III вѣкѣ и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей и заключенія.

Первая часть, начиная словами: «я скажу тебѣ болѣе, до словъ: «христіане признають единого Бога,—это сравненіе христіанства съ язычествомъ, относящееся къ тому, въ чемъ ихъ можно упрекнуть съ точки зрѣнія послѣдняго».

Вторая часть: «христіане признають единого Бога, до словъ: «наконецъ, у христіанъ,—второе сравненіе христіанства съ язычествомъ съ богословской точки зрѣнія, гдѣ монотеизмъ противопоставляется многобожію, какъ ученіе болѣе разумное».

Третья часть, начинаясь словами: «наконецъ, нравы христіанъ безобидны», до словъ: «я о нихъ сожалею».

Заключеніе: Вотъ почему я рѣшилъ такъ поступить.

Возвратимся теперь къ подробному разбору, рассматривая отдѣльно главныя мысли:

1. Секта христіанъ не такова, какой ее считаютъ. Относительно христіанъ существуетъ предразсудокъ. Северъ не имѣетъ предразсудковъ. Христіанъ ненавидятъ, почему? Неизвѣстно, и въ этомъ я считаю Деція несправедливымъ. Противъ христіанъ существуютъ не только предразсудки, но и слѣпая ненависть, которая для меня непонятна. Императоръ ее раздѣляетъ. Я слишкомъ его уважаю, чтобъ не сказать, что въ этомъ дѣлѣ я нахожу его несправедливымъ. Въ этомъ онъ несомнѣнно несправедливъ. Я пожелалъ ихъ узнать изъ любопытства. Но свободный отъ всякихъ предразсудковъ, и сильно интересуясь исторіей философіи, я сочувствую философамъ академической секты, которые видятъ хорошія стороны во всѣхъ фило-

софскихъ системахъ. Я изучалъ христіанъ, и вотъ что вынесъ изъ такого изученія. Ихъ подвергаютъ казнямъ за тайные обряды, значенія которыхъ мы не знаемъ, считая ихъ за чародѣевъ, подвластныхъ силамъ адскимъ. Ихъ ненавидятъ за то, что у нихъ тайны, догматы и обряды, значеніе которыхъ они всеѣмъ не открываютъ, сообщая ихъ только посвященнымъ, оставляя ихъ недоступными для профановъ. Изъ этого вывели заключеніе, что они чародѣи, поклоняющіеся адскимъ силамъ. Было бы, конечно, лучше, еслибъ эти обряды не были такъ таинственны, но, что касается насъ, язычниковъ, мы сами имѣемъ тайны, доступны небольшому числу посвященныхъ и скрытыя отъ профановъ. У насъ существуетъ примѣръ Элевзинскія тайнства. Почему мы упрекаемъ христіанъ въ томъ, въ чемъ они могутъ упрекать и насъ, почему мы ихъ считаемъ за чародѣевъ, когда мы сами, повидимому, таковы? Замѣтите, что у насъ есть разные обычаи, и по привычкѣ они намъ кажутся благоразумными, но въ сущности они довольно пелѣпы нескромны и даже смѣшны. Мы признаемъ боговъ народовъ всего міра, за исключеніемъ боговъ христіанскихъ, что между прочимъ довольно странно. Мы признаемъ боговъ чудовищныхъ, нечистыхъ, звѣроподобныхъ, — боговъ Египта, надъ которыми смѣялись Виргилій и Гораций. Все это мы, положимъ, дѣлаемъ подѣ видомъ вѣротерпимости. Почему нашу вѣротерпимость не распространить на христіанъ? Они, по крайней мѣрѣ, не покланяются богу въ образѣ собаки.

Другая странность нашихъ язычниковъ: они считаютъ богами людей, оказавшихъ имъ помощь и за-

служившихъ ихъ уваженіе. Наши предки съ своей точки зрѣнія были правы, обоготворяя благодѣтелей человѣчества или прекрасныхъ его представителей, такъ какъ по ихъ воззрѣнію боги ничто иное, какъ «люди болѣе великіе, болѣе сильные, болѣе красивые, чѣмъ обыкновенныя люди и притомъ безсмертныя». Что касается насъ, мы обоготворяемъ нашихъ императоровъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя считать благодѣтелями, или прекрасными представителями человѣчества. Среди нихъ есть и такіе, которые напоминаютъ египетскихъ чудовищъ.

Вотъ мое мнѣніе насчетъ такого поклоненія. Я сомнѣваюсь, чтобы Коммодъ или Калигула могли превратиться въ боговъ только потому, что умерли. Переходъ слишкомъ рѣзокъ.

2. Поднимемся немного выше и займемся богословіемъ. Съ одной стороны я вижу Единаго Бога, съ другой, толпу боговъ: «христіане имѣютъ Единаго Бога; Онъ полный властитель всего, Онъ все исполняетъ по собственной воли, т.-е. Онъ одинъ все рѣшаетъ, не имѣя совѣтниковъ» и нигдѣ не встрѣчая противорѣчія. По своему всемогуществу, Онъ исполняетъ, все, что рѣшаетъ. Развѣ эта мысль не разумна? Это идея Римской Имперіи. Богъ для всего міроздачія представляетъ то, что римскій императоръ для всѣхъ народовъ. Эта мысль не можетъ казаться смѣшной. Мы же, напротивъ, имѣемъ тысячи боговъ; но говоря между нами, я долженъ замѣтить, что множество нашихъ боговъ, черѣдко живутъ въ несогласіи. Безъ боязни я утверждаю, хотя бы мнѣ пришлось за это погибнуть на мѣстѣ, что у насъ слишкомъ мно-

го боговъ, чтобъ ихъ можно было считать за настоящихъ. Если у нихъ нѣтъ согласія, что могутъ они сдѣлать, и какъ будутъ они управлять? Не страшно ли, что мы учредили неограниченную власть на землѣ и допускается мысль объ анархіи на небѣ? Возможно-ли это? Чтобъ быть всемогущимъ, Богъ долженъ быть единымъ. Если существуютъ тысячи боговъ, они вступаютъ въ ссоры, парализуютъ другъ друга, остаются безсильными. Если они не имѣютъ настоящей власти, они не настоящіе боги. Я знаю, что это считается за богохульство. Я подвергаюсь опасности навлечь на себя гнѣвъ боговъ, если они судятъ тѣхъ, кто ихъ оскорбляетъ». Очень сильно сказанныя слова по своей холодной ироніи. Это доказываетъ, что Северъ уже болѣе не вѣритъ въ язычество.

3. Наконецъ, у христіанъ нравы безобидныя. Северъ оставляетъ область теологическую и разсматриваетъ христіанство съ точки зрѣнія общественной, указывая на поведеніе христіанъ. Истинность ученія нельзя доказывать на основаніи образа жизни его послѣдователей, но онъ говоритъ въ его пользу. Поведеніе христіанъ доказываетъ, что ихъ нельзя считать врагами общества. Северъ, какъ государственннй чловѣкъ, смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнія. Христіане безобидны, добродѣтельны и пороковъ неощряютъ. Они вѣротерпимы и милосердны.

«Они намъ желаютъ добра, хотя мы ихъ угнетаемъ. Это достовѣрно извѣстно и сообразуется съ словами ихъ учителя: «Любите враговъ вашихъ». Надо

признать, что язычество никогда не знало и не внушало такихъ словъ и такого поведенія».

Северь, конечно, не знаетъ Евангелія, но онъ видитъ его послѣдствія, и это его поражаетъ. Какъ могутъ эти люди молиться за своихъ враговъ? Въ немъ какъ будто произошелъ нравственный переворотъ очень глубокой, и Северь, не сознавая его вполне, измѣрять его и сохраняетъ сильное впечатлѣніе. Его поражаетъ болѣе всего, что правительство смотритъ на христіанъ, какъ на мятежниковъ, дѣлая все возможное, чтобъ вызвать мятежи среди нихъ. Это не удается. «Хотя мы ихъ подвергаемъ мученіямъ, развѣ они возставали? Среди нихъ мятежей не бывало».

Это, дѣйствительно, фактъ, заслуживающій вниманія. Почему христіане не отвѣчаютъ на преслѣдованія возстаніемъ? Потому, что ихъ учитель сказалъ: «Царство мое не отъ міра сего», и далѣе: «Воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе—Богу». Вотъ ученіе, которое, впрочемъ, Северь не знаетъ, но онъ его предугадываетъ, и оно внушаетъ ему уваженіе.

4. Заключение. Северь рѣшилъ спасти Поліевкта, если возможно, изъ уваженія къ христіанамъ, желая успокоить Полину и свою совѣсть, оставаясь вѣрнымъ понятію о чести и оправдывая на дѣлѣ чувства своего состраданія.

Вотъ что Северь говоритъ своему другу Фабіану; Послѣдній ничего не отвѣчаетъ, такъ какъ онъ ничего не понялъ.

М И Т Р И Д А Т Ъ

РАСИНЪ

Митридатъ былъ королемъ Понта въ Азіи. Онъ долгое время боролся противъ нападѣнія римскихъ завоевателей, не разъ вынуждая ихъ отступать. Въ тотъ моментъ, который Расинъ избралъ для своей трагедіи, Митридатъ только что потерпѣлъ пораженіе. Но онъ стоитъ выше пораженій, также мало ихъ опасаясь, какъ и смерти отъ отравленія. О Митридатѣ сохранилась легенда, будто-бы онъ, въ виду возможности умереть отъ отравленія, приучилъ себя постепенно принимать опредѣленныя дозы всевозможныхъ ядовъ, въ то время извѣстныхъ, не опасаясь никакихъ послѣдствій. Хотя онъ и не привыкъ къ пораженіямъ, но потерянная битва его не утрашала. Она лишь подзадоривала его смѣло приступить къ выполненію болѣе широкихъ замысловъ. Вотъ почему и на этотъ разъ, возвратившись въ свой дворецъ послѣ битвы, онъ призвалъ своихъ двухъ сыновей Фарнака и Ксифареса, желая имъ сообщить свои новые замыслы. Но онъ не сразу открываетъ имъ свое рѣше-

ніе для того ли, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть ихъ удивленіе, — что весьма возможно, — или чтобъ заставить ихъ принять это извѣстіе, какъ нѣчто неизбежное.

Во всякомъ случаѣ онъ начинается такъ:
Приблизьтесь, сыновья! Насталъ желанный часъ,
Мой тайный замыселъ не скрою я отъ васъ,
Судьба способствуетъ моей завѣтной цѣли,
И долженъ я бѣжать, — такъ рѣшено судьбой¹⁾.

Герои не ищутъ предлоговъ уменьшать свою вилу, какъ это дѣлаютъ малодушно люди заурядные. Митридатъ просто заявляетъ: «Я бѣгу».

Лабрюеръ, упоминая о принцѣ Кондэ, замѣчаетъ точно также, что Кондэ говорилъ: «Мы бѣжимъ», тѣмъ же тономъ, какъ: «Мы одержали побѣду».

Желалъ бы я, чтобъ вы понять меня сумѣли,
Вамъ хорошо знакомъ печальный жребій мой,
Я все повѣдаю! Узнайте же отвѣтъ.

Что долго не могу скрываться я въ пустыахъ,
Я отъ врага бѣгу! Жестокая война!

Намъ можетъ даровать и радости и горе,
Свобода лишь моя врагамъ не отдана,

Я не согласенъ жить въ неволѣ и позорѣ!

Чтобъ не отдаться имъ, я скрылся и бѣжалъ;

Я не хочу, чтобъ Римъ триумфъ торжествовалъ,

Чтобъ врагъ меня повлекъ за нашей колесницей,

Чтобъ издѣвался онъ предъ цѣлою столицей,

И ставилъ на показъ «портреты городовъ».

Я отъ него бѣжалъ и вновь бѣжать готовъ!

¹⁾ Смѣхотворный переводъ Льва. Уманца

У римлянъ существовалъ національный обычай, такъ называемый «тріумфъ» или торжественный въѣздъ побѣдителя въ Римъ, куда тотъ являлся на великолѣпной колесницѣ, за которой слѣдовали побѣжденные вожди. За ними несли гравированныя на мѣди изображенія взятыхъ городовъ и пр.

Благодаря притворному бѣгству Митридата, случилось, что римскій военачальникъ являлся въ Римъ въ видѣ тріумфатора, окруженный изображеніями понтійскихъ городовъ, сопровождавшихъ его колесницу, и слѣдовалъ по улицамъ города среди толпы народа, вышедшаго ему навстрѣчу, а въ то же время внезапно снова появлялся Митридатъ изъ глубины понтійскихъ болотъ, нарушая римское торжество и распространяя ужасъ среди толпы и вытѣсняя римскіе гарнизоны...

Вѣдь подвиги мои, гремятъ вокругъ Босфора,
Всѣ видѣли, какъ я осилилъ гордый Римъ,
Когда не захотѣлъ склониться передъ нимъ,
На римлянахъ теперь лежитъ пятно позора.

Вотъ какъ поступалъ Митридатъ въ былое время послѣ мнимаго пораженія. Вотъ на что онъ способенъ. Не думаетъ ли онъ это повторить? Нѣтъ. Положеніе дѣлъ на Востокъ ему кажется неблагопріятнымъ для такого рода операціи.

Другія времена, совсѣмъ другіе нравы,
Ослаблены въ конецъ восточныя державы,
И римляне теперь господствуютъ у насъ
И разоряютъ всѣхъ и грабятъ безпощадно,
Къ сокровищамъ моимъ они стремятся жадно,
И ихъ влечетъ къ себѣ богатый нашъ запасъ,—

И грабятъ и тѣснятъ, таковъ у нихъ обычай.—

Забывъ свою страну, стремятся за добычей!

Итакъ, въ Азіи слишкомъ много римлянъ, чтобъ ихъ можно было оттуда вытѣснить. Они тамъ кишатъ, какъ муравьи. Своею численностью они лишаютъ Митридата возможности съ ними расправиться, какъ въ бывшее время. Они *наводнили* Востокъ своими полчищами. Съ другой стороны у Митридата въ Азіи не осталось ни союзниковъ, ни друзей. Всѣ приходятъ въ ужасъ при одномъ имени великаго Помпея, новаго римскаго полководца, который распоряжается въ Азіи. Что касается римлянъ:

Одинъ я имъ противлюсь; всѣ покорились, всѣ устали, всѣ бывшіе друзья моей бояться дружбы стали.

При этихъ словахъ Митридатъ на минуту останавливается, чтобъ привлечь вниманіе своихъ слушателей на то, что онъ готовъ сказать, желая заранѣе подчеркнуть значеніе своихъ словъ. Спокойно, отчетливо, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ, онъ говоритъ:

«Я двинусь прямо въ Римъ».

Вотъ каковъ великій замыселъ Митридата. Нечего говорить, что этотъ замыселъ возникъ у него подъ впечатлѣніемъ похода, въ концѣ неудачнаго, въ началѣ побѣдоноснаго, знаменитаго у стратеговъ,—похода Ганнибала.

Народы, покоренные Римомъ, не разъ пытались возобновить изумительную попытку Ганнибала, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ. Замыселъ Ганнибала совпадаетъ съ замысломъ Никомеда въ трагедіи Корнея «Никомедъ».

Поэтому весьма правдоподобно, что смѣлый замыселъ возникъ въ великой душѣ Митридата по примѣру великаго карфагенянина. Къ тому-же, какъ видно, Митридатъ имѣлъ этотъ замыселъ, — а это фактъ историческій, не важный, но все же имѣющій значеніе. Расинъ въ своемъ предисловіи къ «Митридату» замѣчаетъ:

«У всѣхъ историковъ Митридатъ говоритъ именно такъ, какъ онъ говоритъ у меня: Флоръ, Плутархъ и Діонъ Кассій, называютъ тѣ страны, по которымъ онъ долженъ былъ идти. Апшій Александрійскій входитъ въ большія подробности. Указавъ, на чью помощь Митридатъ могъ разсчитывать, онъ прибавляетъ, что „его намѣреніе послужило Фарнаку предлогомъ возстановить прѣтивъ него все войско; солдаты не одобряя этого предпріятія, смотрѣли на послѣднее какъ на отчаянную попытку вождя, идущаго на вѣрную гибель, ради славы“. Такимъ образомъ этотъ замыселъ былъ причиной его смерти, и это составляетъ содержаніе моей трагедіи».

Итакъ, этотъ смѣлый замыселъ вполне правдоподобенъ и, болѣе того, вѣренъ дѣйствительности. Я бы долженъ сказать наоборотъ: онъ не вымышленный и кромѣ того, правдоподобенъ. Въ драмѣ, какъ и въ романѣ должно имѣть въ виду правдоподобность. То, что происходитъ въ дѣйствительности, не будучи правдоподобно, насъ возмущаетъ, какъ бы насъ не увѣрили въ томъ, что оно согласно съ дѣйствительностью. Все правдоподобное, хотя и не вѣрное съ дѣйствительностью, нами принимается, сколько бы насъ не увѣрили, что этого не было бы въ дѣйствительности.

Но въ этомъ случаѣ нельзя сказать ни того, ни другого. Замысль Митридата въ то же время вѣренъ дѣйствительности и правдоподобенъ.

Узнавъ о великомъ замыслѣ, оба сына Митридата удивлены, поражены, но не возражаютъ отцу. Митридать, замѣчая ихъ недоумѣніе, говорить:

Мой замысль васъ удивляетъ, быть можетъ

Вы его отчаянью готовы приписать?

Замѣтимъ, мимоходомъ, что нерѣдко величайшіе поэты не совсѣмъ вѣрно передаютъ факты изъ-за рифмы. Говоря, что этотъ замысль является плодомъ отчаянія, Митридать, какъ будто указываетъ и самъ признается, что въ данномъ случаѣ замысль является плодомъ отчаянія, но на самомъ дѣлѣ, отчаянія въ немъ вовсе нѣтъ.

«Я понимаю ваше заблужденіе, лишь исполненіе дѣлаетъ понятнымъ такіе планы».

Другими словами, смѣлые замыслы находятъ одобреніе лишь въ томъ случаѣ, когда они удачно выполнены. Однако, вы не думайте, чтобъ вѣчныя границы насъ отдѣляли отъ Рима.

Дѣло касается естественныхъ преградъ, поэтому ихъ называютъ «вѣчными»: неприступныя горы, неизмѣримые океаны...

Митридать, увлеченный примѣромъ Ганнибала, въ своей увѣренности, которую онъ желаетъ внушить другимъ, уже воображаетъ себя въ Римѣ, не встрѣчая препятствій на своемъ пути, или очень мало. Однако, онъ предвидитъ нѣкоторыя препятствія. Для того, чтобъ пройти изъ Понта въ Римъ, требовалось не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

«И если смерть меня не постигнет на дорогѣ, я васъ доведу до Капитолія».

Послѣ этихъ громкихъ словъ:

«Въ три мѣсяца мы у Капитолія»...

Митридатъ развиваетъ въ видѣ эпической поэмы, планъ похода, о которомъ онъ мечтаетъ:

Надѣюсь черезъ день румяная Аврора.

Увидитъ мой корабль далеко отъ Босфора.

Другими словами: «Мнѣ надо менѣе двухъ дней, чтобъ пройти отъ Нимфиса по Черному морю до устья Дуная»...

Тамъ я буду среди скифовъ... Они мои союзники, они мнѣ дадутъ возможность проникнуть въ Европу по долинѣ Дуная.

«Найдя убѣжище въ ихъ гаваняхъ, усиливъ свое войско ихъ солдатами, мы увидимъ, какъ наши силы съ каждымъ днемъ будутъ умножаться: даки, пашоны, гордые германцы—все только ждутъ вожда, который поможетъ бы имъ избавиться отъ тиранніи».

Вотъ цѣль великаго замысла: соединить, увлечь за собою на пути противъ Рима все народы, которые недовольны Римомъ и опасаются его владычества. Чѣмъ длиннѣе путь, тѣмъ достовѣрнѣе успѣхъ, потому что чѣмъ путь длиннѣе, тѣмъ болѣе число народовъ, которыхъ удастся увлечь за собою, создавъ громадное войско.

Исполненіе замысла представляется возможнымъ; но является возраженіе: «Развѣ все эти народы такъ легко за вами послѣдуютъ, какъ вы предполагаете?»

— Да,—отвѣчаетъ Митридатъ.

«Все ждутъ только вожда, который поможетъ бы имъ

возстать противъ тираніи. Вы видѣли, какъ Испанія, и особенно Галлія, подступали снова къ тѣмъ станамъ, которыя нѣкогда брали, т.-е. къ Риму, взятому Галлами въ первые времена римской республики подъ предводительствомъ Бренна».

«Я возстановлю всю Грецію, — продолжаетъ Митридатъ, — разославъ туда своихъ пословъ. Греки знаютъ, что обрушется на меня потокъ, (т.-е. римляне), онъ зальетъ ихъ нервы. И чтобъ предупредить это, они всё послѣдуютъ за мной, въ Италію».

«Всѣхъ», исключая испанцевъ, Митридатъ долженъ встрѣтить на своемъ пути: скифовъ, даковъ, панноновъ (венгерцевъ), и, наконецъ, галловъ цизальпійскихъ — предальпійскихъ, (теперешнихъ жителей Венеціи, Ломбардіи, Пьемонта), которые постоянно воевали съ римлянами. Митридатъ можетъ рассчитывать на всѣхъ; но когда онъ дойдетъ до Италиі? Тамъ представляются главныя затрудненія. — Нѣтъ, наоборотъ, тамъ условія наиболѣе благоприятныя. Не надо забывать, что итальянцы не римляне, что эти народы, силой покоренные Римомъ, которые постоянно возстаютъ и только что возстали. Они недавно возставали подъ начальствомъ Спартака, который былъ не болѣе, какъ гладиаторъ, человекъ низкаго происхожденія; во главѣ возставшихъ итальянцевъ онъ два года боролся противъ римскихъ легионовъ.

Митридатъ надѣется найти въ самой Италиі наибольшее число союзниковъ и сторонниковъ.

«Тамъ именно сильнѣе всего ненавидятъ римлянъ. Италія все еще дымится отъ пожара, зажженного ея умирающей свободой. Не только на краю міра чув-

ствается тяжесть римскихъ цѣпей; нѣтъ, въблизи ненависть еще сильнѣе, и самые ожесточенные враги Рима—у его вратъ».

Митридатъ могъ такъ думать на другой день послѣ «гражданской войны подъ предводительствомъ Спартака, т.-е. войны рабовъ», которая, дѣйствительно, была войной одной части итальянцевъ противъ римлянъ; но онъ не принялъ въ расчетъ слѣдующее: итальянцы, каково-бы ни было ихъ недовольство Римомъ, всегда брали сторону римлянъ противъ иноплеменниковъ; въ нихъ жилъ итальянскій патриотизмъ; они враждебно относились къ племенамъ не итальянскимъ. Этимъ чувствомъ враждебности римляне успѣли пользоваться. Италия, со времени основанія Рима два раза подвергалась нашествію иноплеменниковъ: въ первый разъ нашествію галловъ, во второй разъ нашествію Ганнибала. Нашествіе галловъ относится къ легендарной эпохѣ Рима, и о ней не сохранилось точныхъ свѣдѣній. Что же касается Ганнибала, то не видать, чтобъ онъ пошелъ дѣятельныхъ сторонниковъ среди итальянцевъ. Митридатъ, очевидно, ошибался насчетъ настроенія въ случаѣ его появленія. Его разсужденіе между тѣмъ правдоподобно. Онъ говоритъ:

«Если они избрали своимъ избавителемъ Спартака—раба, презрѣннаго гладіатора, если они идутъ въ битву за разбойникомъ, мстящимъ за нихъ, то насколько горячѣе будетъ ихъ пылъ, когда они станутъ подъ знамена побѣдоноснаго царя, ведущаго свой родъ отъ Кира?»

Въ это время въ Римахъ не было войска. Городъ не имѣлъ защитниковъ, отославъ свои побѣдоносныя

легионы во все концы мира, Рим себя обезоружил своими побѣдами. И на это Митридатъ разсчитываетъ, по оставляетъ безъ вниманія очень важное обстоятельство. Ему можно возразить: «Все это было бы справедливо, еслибъ римское войско, которое теперь здѣсь, оставалось на мѣстѣ. Если бы оно не было обязано слѣдовать за вами по пятамъ. Но оно за вами погонится съ цѣлю преслѣдованія. Вы ступите въ Италию, если оно васъ до этого допуститъ, продолжая бѣраться». На это возраженіе онъ отвѣчаетъ немного дальѣе, и для дальнѣйшаго хода драмы этотъ отвѣтъ, касающійся брака Фариака, совершенно у мѣста тамъ, гдѣ Расинъ его вводитъ.

Однако, въ этомъ мѣстѣ въ умѣ читателя, или зрителя, является возраженіе. Оно остается безъ отвѣта и эта большая ошибка. Здѣсь Митридатъ долженъ былъ бы намекнуть, что у него отвѣтъ готовъ: «Двинемся впередъ, внесемъ въ его предѣлы войну, которую онъ намѣренъ отнести далеко; нападѣмъ въ ихъ стѣнахъ на кичливыхъ завоевателей: пусть они задрожать за свои очаги. Ганнибалъ, великій человѣкъ, предсказалъ, что только въ Римѣ можно побѣдить Римъ. Сожжемъ же этотъ Капитолій, который ждетъ меня».

Римляне имѣли обыкновеніе, взявъ въ плѣнъ царя, заключать его въ тюрьму, оставляя его умирать въ подземныхъ темницахъ Капитолія.

«Уничтожимъ же его славу и загладимъ позоръ, нанесенный сотнямъ царей и можетъ быть, мнѣ самому».

Митридатъ указываетъ на то, что въ Капитоліи

должны сохраняться памятники поражений, которые
онъ перенесъ. Эти воспоминаія, памятники, — гордость
Капитолія и позоръ побѣжденныхъ царей. онъ хочетъ
стереть съ лица земли.

«И пламя изгладитъ все тѣ имена, которыя Римъ
желалъ придать вѣчному позору».

Онъ хочетъ изгладить со стѣнъ Капитолія имена
царей и народовъ, позорно выставленныхъ на посмѣ-
шище толпы.

Митридатъ, наконецъ, доходитъ до возраженія, ко-
торое ему можно будетъ сдѣлать, и до того вопроса,
какимъ образомъ избѣжать преслѣдованія :

«Не думайте, чтобы, удалившись изъ Азіи, я спо-
койно оставилъ ея обладателями римлянъ. Я знаю,
гдѣ ей найти защитниковъ. Я ихъ окружу врагами :
паряне, подобно мнѣ, вселяютъ въ нихъ ужасъ».

Паряне, дѣйствительно, были непримиримыми и
можно сказать, непобѣдимыми врагами римлянъ. По-
слѣ покоренія Малой Азіи, они очень долго остава-
лись независимыми, и во времена Римской Имперіи
ихъ не-удалось покорить окончательно.

Митридатъ имѣетъ въ виду цари парянъ, желав-
шаго породниться съ нимъ изъ-за своей ненависти
къ римлянамъ...

Онъ хочетъ, чтобъ одинъ изъ сыновей моихъ
На дочери его женился непременно,
И вотъ тебя, Фарнакъ, избралъ я неизмѣнно,
Тамъ будутъ ждать тебя, возлюбленный женихъ!
Надѣюсь, черезъ день румяная Аврора
Увидитъ мой корабль далеко отъ Босфора,
А ты—иди туда, и перейдя Евфратъ,

Явись предъ Азіей, какъ повый Митридать,
Чтобъ врагъ затрепеталъ, грози неумолимо,
Чтобъ я услышалъ стонъ испуганнаго Рима.

Паряне и понтіицы имѣютъ одного общаго врага
— римлянъ.

«Пусть-же трепещетъ нашъ общій тираннъ, и я
надѣюсь, эта вѣсть дойдетъ до меня въ Римѣ, — заклю-
чаетъ Митридать».

Эти слова великолѣпны по своей геройской увѣ-
ренности. Митридать побѣжденный воображаетъ себя
въ Римѣ, въ видѣ триумфатора. Въ этой великой сце-
нѣ можно сказать о Митридатѣ то, что Боссюэ ска-
залъ о принцѣ Кондэ: «Въ этихъ словахъ проявилась
его великая душа».

Послѣ этой сцены Митридать вступаетъ въ окон-
чательное сраженіе, чтобы пробиться сквозь рядъ
римлянъ, къ которымъ присоединится его сынъ Фар-
накъ, какъ мятежникъ. Митридать совершаетъ чуде-
деса, благодаря своей смѣлости: онъ смертельно ра-
ненъ; но въ послѣднюю минуту, благодаря Ксифаре-
су, римляне обращаются въ бѣгство.

Освобожденный такимъ образомъ своимъ сыномъ,
оставшимся ему вѣрнымъ, Митридать можетъ уме-
реть спокойно, окруженный почетомъ. Въ сопрово-
женіи его сына Ксифареса, его вносятъ во дворецъ.
Послѣднее желаніе Митридата, устроить бракъ своего
съ Монимой, молодой гречанкой, которую онъ ранѣе
думалъ взять себѣ въ жены.

Имъ онъ передаетъ свою послѣднюю волю.

«Митридать», трагедія Расина, по своему харак-
теру болѣе всего напоминаетъ трагедіи Корнея. Это

изображеніе великой силы *воли*, непоколебимо отражающей удары судьбы. Подъ этими ударами воля Митридата возрастаетъ, побуждая его бороться и упорствовать въ своемъ замыслѣ. Трагедію Митридата можно только сравнить съ двумя трагедіями Корнеля: съ «Никомедомъ» и «Серторіемъ», но никакъ ни съ «Беренисой» или «Федрой».

У Расина есть двѣ трагедіи, напоминающія трагедіи Корнеля; это—«Андромаха», о которой мы говорили по поводу прощанія Гектора и Андромахи въ Гомерѣ, и «Митридатъ».

«Митридатъ» имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ.

Расинъ въ своемъ предисловіи подтверждаетъ особый успѣхъ той сцены, которую мы и привели, обращая на нее особое вниманіе читателя.

Б О С С Ю Э

Разсужденіе о всемірной исторіи: римляне

**„Римляне жили только для
отечества и для свободы“**

Боссюэ написал «Всемирную историю» для дофина, сына Людовика XIV, при которомъ состоялъ воспитателемъ. Его цѣлью было, доказать своему воспитаннику, что исторіей людей управляетъ Провидѣніе, руководящее человѣчествомъ, согласно своимъ предначертаніямъ, представляя однако человѣку извѣстную свободу, чтобъ сдѣлать его отвѣтственнымъ за его поступки.

Преслѣдуя эту задачу Боссюэ рассказываетъ вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, исторію евреевъ, исторію распространенія христіанства, затѣмъ исторію скифовъ, эфіоповъ, египтянъ, ассирійцевъ, мидянъ, персовъ, грековъ и римлянъ. Польза, получаемая отъ возможности послѣдовательно прослѣдить эту обширную исторію и охватить ее всю сразу, заключается въ слѣдующемъ :

«Господь показываетъ намъ на этихъ замѣчательныхъ примѣрахъ, какъ Онъ поступаетъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, и поучаетъ королей двумъ

основнымъ истинамъ: во-первыхъ, что Онъ образуетъ царства и отдаетъ ихъ, кому считаетъ нужнымъ; во-вторыхъ, что Онъ заставляетъ королей служить во времени и въ порядкѣ, имъ установленномъ, предначертанной Имъ судьбѣ своего народа».

Полезьа отъ внимательнаго изученія этой исторіи, для ея совершеннаго пониманія, заключается вотъ въ чемъ:

«Такая смѣна царствъ, разсматриваемая даже съ болѣе человѣческой точки зрѣнія, очень полезна въ особенности для государей, потому что высокоомбіе—обычный спутникъ столь высокаго положенія,—сильно уменьшается при видѣ такого зрѣлища. Если люди, научаются смиренію при видѣ смерти царей, нѣсколько сильнѣе должна ихъ поразить смерть самихъ государствъ? Гдѣ можно получить болѣе прекрасный урокъ суетности человѣческаго величія? Такимъ образомъ, когда передъ вашими взорами, какъ бы мгновенно проходятъ не цари и императоры, но великія царства, заставлявшія трепетать всю вселенную; когда послѣдовательно передъ вами предстаютъ древніе и новыя ассирійцы, мидяне, персы, греки, римляне и такъ сказать, всё рушатся другъ на друга,—это ужасное круженіе заставляеть васъ почувствовать, что среди людей нѣтъ ничего прочнаго, и неустойчивость и тревога—всегдашній удѣлъ человѣчества».

Однако изъ этого заключенія не слѣдуетъ, чтобы надо было проникнуться фанатизмомъ, рѣшить, что все пойдетъ своимъ чередомъ вплоть до разрушенія, неминуемо ожидающаго всё человѣческія установленія. или сказать себѣ: «Богъ нашъ властитель и

устроитель всего; предоставимъ дѣйствовать Ему». Нѣтъ, такъ не слѣдуетъ думать, потому что Богъ не устроитель всего, не желаетъ все устраивать. Дѣйствительно:

«Господь, создавшій связь вселенной и всемогущій самъ по себѣ (хотя Онъ всемогущъ) пожелалъ, чтобы всѣ части громаднаго цѣлаго зависѣли другъ отъ друга; Господь пожелалъ, чтобы теченіе жизни человѣчества совершалось послѣдовательно; чтобы люди и народы обладали качествами, соответствующими воспитанію, для котораго они предназначены. И за исключеніемъ необыкновенныхъ переворотовъ, гдѣ очевидна десница Божія, не бываетъ большихъ переменъ, не являвшихся бы послѣдствіемъ предыдущихъ вѣковъ».

Теорія Боссюэ понятна: подобно всей вселенной, совокупность созданныхъ вещей движется сама по себѣ, а Богъ лишь изрѣдка совершаетъ чудеса, нарушающія теченіе законовъ, имъ установленныхъ. Также само по себѣ происходитъ движеніе человѣчества впередъ; каждое событіе вытекаетъ изъ извѣстной причины, ведетъ къ определенному послѣдствію, и Господь лишь изрѣдка проявляетъ свое вмѣшательство посредствомъ міровыхъ чудесъ. Итакъ, съ одной стороны, можно изучать исторію человѣчества, рассматривая только послѣдовательность и сдѣяніе причинъ и слѣдствій; съ другой стороны, необходимо притти къ убѣжденію, что одной изъ причинъ исторіи—и притомъ самой важной—является человѣческая свобода, что мы дѣлаемъ исторію своими добродѣтелями и пороками, хорошими поступками и заблужденіями; слѣдовательно, надо избѣгать заблужде-

ній и дѣйствовать правильно. И какъ во всѣхъ дѣлахъ существуютъ причины ихъ подготовляющія, ихъ вызывающія и обезпечивающія ихъ успѣхъ, такъ и истинная наука исторіи заключается въ умѣніи отмѣтить во всякомъ времени это таинственное предрасположеніе, подготовлявшее великія перемѣны и важныя обстоятельства, къ нимъ приведшія... Каждый изучающій исторію, долженъ *«изслѣдовать отъи- ствие въ его самыхъ отдаленныхъ причинахъ»*. И усвоившій себѣ такую привычку, онъ придетъ къ слѣдующему открытію, составляющему урокъ исторіи --- всей исторіи:

«Наблюдая наиболѣе выдающіеся случаи, кажется, что возникновеніемъ и разрушеніемъ государствъ располагаетъ счастье; въ концѣ концовъ получается какъ въ игрѣ, гдѣ наиболѣе искусный постепенно беретъ верхъ. Въ этой кровавой игрѣ, гдѣ народы оспариваютъ другъ у друга власть и могущество, тотъ, кто предвидѣлъ лучше другихъ, кто приложилъ болѣе всѣхъ стараній, кто долѣе всѣхъ выдержалъ въ великой работѣ, кто умѣлъ больше всѣхъ напрягать усилія или сдерживать свой пылъ сообразно обстоятельствамъ, --- наконецъ, одерживаетъ побѣду и заставляетъ даже счастье служить своимъ намѣреніямъ. Изслѣдуйте же неустанно причины великихъ перемѣнъ, потому что ничего не можетъ такъ содѣйствовать вашему образованію; въ особенности донскивайтесь этихъ причинъ въ ряду могущественныхъ государствъ, гдѣ величіе событій дѣлаетъ ихъ болѣе ясными».

Разсмотримъ, напримѣръ, *характеръ* римлянъ, бывшій одной изъ причинъ, притомъ самой главной.

ихъ невѣроятныхъ успѣховъ и поразительнаго величія.

«Изъ всѣхъ народовъ міра, наиболѣе гордымъ и наиболѣе смѣлымъ, но въ то же время наиболѣе опредѣленнымъ въ своихъ намѣреніяхъ, постояннымъ въ своихъ правилахъ, наиболѣе искуснымъ, трудолюбивымъ, и, наконецъ, терпеливымъ былъ римскій народъ. Изъ соединенія всѣхъ этихъ условій образовалось лучшее войско, самая дальновидная политика, наиболѣе твердая и послѣдовательная изъ всѣхъ существовавшихъ. Любовь къ свободѣ и къ родинѣ составляла черту, присущую каждому римлянину. Первая заставляла его любить вторую; такъ какъ, любя свободу, онъ любилъ также родину, какъ мать, воспитавшую его въ чувствахъ одинаково великодушныхъ и свободныхъ. Подъ именемъ свободы, римлянинъ представлялъ себѣ, подобно грекамъ, государство, гдѣ всякій повиновался только закону, и гдѣ заколъ былъ могущественнѣе всѣхъ людей».

Это замѣчательное опредѣленіе свободы и республиканскаго правленія было внушено Боскою Цицероновскимъ *De legibus*, и, кромѣ того, проникательнымъ пониманіемъ политическихъ установленій. Боскою безспорно монархистъ, но онъ знаетъ, что такое республика: это царство закона, гдѣ граждане подчинены только закону и повинуются вождямъ лишь поскольку тѣ предъявляютъ требованія, соответствующія закону, представителями котораго они являются; и даже глава государства не стоитъ выше закона, но является первымъ слугой его.

«Такимъ образомъ, свобода была для нихъ сокро-

вищемъ, болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ все богатства все
ленной. Потому вы видѣли, что на первыхъ порахъ,
и даже при дальнѣйшемъ распвѣтѣ бѣдность не со-
ставляла для нихъ несчастія».

Почему это? Какое существуетъ соотношеніе между
бѣдностью и свободой. Боссюа объясняетъ :

«Бѣдность не была для нихъ несчастіемъ; запрѣ-
тивъ, они смотрѣли на нее, какъ на средство сохра-
нить вполнѣ свободу, такъ какъ наиболѣе свободнымъ
бываетъ человѣкъ, умѣющій довольствоваться малымъ
и не ожидающій ничего отъ покровительства и щедрости
другого, рассчитывающій для поддержанія сво-
ей жизни только на собственное ремесло и собствен-
ный трудъ». Это какъ бы второе опредѣленіе свобо-
ды. Существуетъ свобода политическая, заключающая-
ся въ подчиненіи только закону, и свобода личная
— свобода, которой пользуешься не какъ гражданинъ,
но какъ человѣкъ, что заключается въ полной отъ
всѣхъ независимости. Эта свобода осуществима толь-
ко при бѣдности. Дѣйствительно, человѣкъ, имѣющій
большія потребности, зависить отъ всѣхъ или, по
крайней мѣрѣ, отъ многихъ. Кто довольствуется ма-
лымъ, тотъ трудясь, даже умеренно, не зависить ни
отъ кого. Вполнѣ понятно, что даже въ свободной
странѣ человѣкъ, подчиняющійся, какъ гражданинъ,
только закону, окажется, при наличности большихъ
потребностей, въ зависимости отъ покровителей, до-
ставляющихъ ему мѣста, или благодѣтелей, которымъ
и онъ принужденъ угождать. Слѣдовательно, являясь
гражданиномъ страны свободной, онъ не будетъ поль-

зоваться свободой. Вотъ соотношеніе, существующее повсемѣстно между бѣдностью и свободой.

«Такого взгляда придерживались римляне. Кормить скотъ, обрабатывать землю, не позволять себѣ никакихъ излишествъ, жить бережливо, въ постоянномъ трудѣ: вотъ въ чемъ заключалась ихъ жизнь; вотъ чѣмъ они поддерживали свою семью, приучая ее къ такимъ же трудамъ. Титъ Ливій справедливо говоритъ, что никогда не бывало другого народа, гдѣ воздержаніе, бережливость и бѣдность были такъ долге въ почетѣ. Самые знаменитые сенаторы по вѣщности мало отличались отъ крестьянъ и блистали пышностью и величіемъ лишь на общественныхъ собраніяхъ и въ Сенатѣ. Посланцы, призывавшіе ихъ стать во главѣ войскъ, заставляли ихъ за обработываніемъ земли и за другими сельскими работами... Однако, при большой любви къ бѣдности римляне ничего не жалѣли для величія и красоты своего города... Бережливость царила только въ частныхъ домахъ. Тотъ, кто умножалъ свои доходы, увеличивалъ плодородность своей земли своимъ искусствомъ и своимъ трудомъ, отличался наибольшей воздержанностью и больше всего бралъ на себя,—тотъ почиталъ себя наиболѣе свободнымъ, могущественнымъ и счастливымъ».

Добавимъ: «И былъ имъ въ дѣйствительности».— Такимъ образомъ создавались замѣчательные воины, потому что главные качества воина—терпѣніе и выносливость,—какъ мы говорили,—еще болѣе, чѣмъ храбрость. Въ исторіи человечества встрѣчаются воины столь же храбрые, какъ римскіе воины, но еще не бывало такихъ терпѣливыхъ, такихъ выносливыхъ, такихъ настойчивыхъ, такихъ упорныхъ.

Законы въ войскахъ были суровые, по необходимости. Побѣда грозила опасностью, часто смертельною, для тѣхъ, кто ее одерживалъ вопреки правиламъ. Смертью наказывался не только попытка къ бѣгству, оставленіе оружія, удаленіе съ своего мѣста, но даже всякое движеніе, малѣйшая перѣшительность въ исполненіи приказанія. Сложившій оружіе передъ врагомъ, предпочитавшій плѣнь славы смерти за родню, считался недостойнымъ поддержки. Обыкновенно плѣнныхъ исключали изъ числа гражданъ, и ихъ предоставляли врагамъ, какъ члены, отсѣченные отъ Республики. Благодаря такимъ правиламъ, римскія войска, даже разбитыя и разстроеныя, сражались и стремились сплотиться до послѣдней возможности и, какъ замѣчаетъ Саллюстій, «среди римлянъ бывало больше людей наказанныхъ за участіе въ бою безъ полученнаго на то приказанія, чѣмъ за трусость и оставленіе своего поста, такъ что чаще приходилось сдерживать храбрость, чѣмъ возбуждать трусость».

Когда народъ обладаетъ такими военными доблестями, возникаетъ опасность, какъ бы увѣренность въ себя, въ своихъ силахъ, поддерживаемая прошлымъ, полнымъ усиліемъ, побѣдъ, торжествомъ и славы, не обратила его въ рутинера, привязаннаго не только къ своимъ военнымъ установленіямъ,—что было бы прекрасно,—но ко всемъ своимъ обычаямъ и привычкамъ, благодаря чему въ одинъ прекрасный день его могла бы опередить другая нація не въ своей храбрости и выносливости, но въ военномъ искусствѣ. Римляне никогда не допускали себя до такого заблужденія, напротивъ:

«Съ мужествомъ они соединяли умъ и изобрѣтательность. Будучи сами весьма старательными и наблюдательными, они удивительно умѣли пользоваться всёмъ, что видѣли у другихъ народовъ: удобствами въ разбивкѣ становъ, порядкѣ битвъ, даже въ родѣ оружія,—однимъ словомъ всёмъ, что облегчало нападеніе и оборону. Вы видѣли у Саллюстія и другихъ авторовъ, чему научились римляне у своихъ сосѣдей и даже у враговъ. Кому не извѣстно, что они заимствовали у карфагенянъ изобрѣтеніе галеръ, съ помощью которыхъ одержали побѣду надъ своими учителями; наконецъ, что они брали у всёхъ народовъ, съ которыми приходили въ соприкосновеніе, способы всёхъ ихъ одолѣть».

Удивительное войско составляло ихъ славу. При этомъ надо прибавить то, о чемъ Бессюэ не осмѣлился сказать, если и думать, а именно: что это войско было войскомъ національнымъ, что въ рядахъ его никогда не было наемниковъ, ни даже гражданъ, получавшихъ жалованье за военную службу; оно состояло изъ всёхъ римскихъ гражданъ, въ возрастѣ отъ двадцати до сорока лѣтъ, безъ исключенія. Римское войско было вооруженнымъ народомъ. Случалось, что въ минуты ужасной крайности Римъ вооружалъ своихъ рабовъ, но получивъ оружіе, они превращались въ гражданъ, потому что нельзя было сдѣлаться римскимъ воиномъ, не будучи гражданиномъ.

«Поэтому ничѣмъ римляне не хвалились такъ во всемъ государственномъ устройствѣ, какъ своей дисциплиной. На нее они всегда смотрѣли, какъ на опору своего могущества. Военная дисциплина была пер-

вымъ, что появляется въ ихъ государствѣ, и удостѣ-
нимъ, что изъ него исчезло,—такъ нераздѣльно она
была связана со всѣмъ строемъ ихъ республики».

Наконецъ Боссюэ обращаетъ вниманіе, насколько
военный духъ римлянъ былъ серьезенъ, важенъ, да-
лекъ отъ хвастовства, тщеславія, робости, блестящаго
неблагоразумія и бесполезной отваги. Римляне вели
войну храбро, но расчетливо.

«Одной изъ прекраснѣйшихъ сторонъ римскаго вой-
ска было отрицаніе значенія за ложной храбростью.
Правила ложной чести, погубившія столькохъ среди
насъ, совершенно не были извѣстны народу, стяжав-
шему себѣ такую славу.

Боссюэ не указываетъ здѣсь прямо (хотя вѣроятно
именно это имѣеть въ виду) на предрасудки отно-
сительно вопросовъ чести и дуэли, участившихся до
невероятныхъ размѣровъ въ царствованіе Людо-
вика XIII.

Онъ говоритъ вообще о тщеславной храбрости, о
бесполезной отвагѣ, благодаря которой французы даже
на войнѣ совершали ненужные геройскіе подвиги,
приводившіе къ потерѣ людей и, слѣдовательно, шед-
шіе въ разрѣзъ съ интересами дѣла.

«Обратимъ вниманіе, что ни Сципіонъ, ни Цезарь,
первые боевые вожди, отличавшіеся наибольшею храб-
ростью изъ всѣхъ римлянъ, никогда не рисковали
собой безразсудно, когда того не требовала крайняя
необходимость. Никто не ожидалъ ничего хорошаго
отъ полководца, не признававшаго предосторожностей
для охраненія личной безопасности, и подвиги не-
обыкновенной храбрости совершались только въ слу-

чаѣ дѣйствительной надобности. Римляне не любили рискованныхъ битвъ и побѣдъ, стоившихъ слишкомъ дорого; такимъ образомъ, римское войско отличалось чрезвычайной храбростью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поразительнымъ благоразуміемъ».

Если военный духъ былъ замѣчательно развитъ у римлянъ, то общественный духъ не меньше достоинъ удивленія. Общественный духъ заключается въ великихъ мысляхъ и великихъ чувствахъ, проникавшихъ сердца всѣхъ гражданъ или, по крайней мѣрѣ, громаднаго большинства гражданъ, и составляющихъ какъ бы душу народа. Эти мысли и чувства могутъ быть дурными, ложными или неправильными. Въ Римѣ они были прекрасны. То была любовь къ родинѣ, стремленіе къ народному величію, патріотизмъ. Все вмѣстѣ взятое составляло, по мѣткому выраженію Боссиюэ, духовное устройство, болѣе важное, чѣмъ устройство политическое, какъ бы оно важно ни было.

«Кто сумѣетъ вложить въ душу народа трудолюбіе, стремленіе къ величію націи и любовь къ отечеству, тотъ можетъ похвалиться, что нашелъ государственное устройство, способное породить великихъ людей. Безспорно, великіе люди составляютъ мощь государства. Во всѣхъ странахъ существуютъ возвышенныя умы и характеры, но необходимо содѣйствовать ихъ развитію. Ихъ образуютъ, завершаютъ, ихъ развиваютъ сильныя чувства, благородныя впечатлѣнія, проникающія въ умы и незамѣтно передающіяся отъ одного къ другому. Что придаетъ нашему дворянству такую гордость въ битвахъ, такую смѣлость въ предпріятіяхъ? Мнѣніе, восира-

нятое съ дѣтства и установленное единодушнымъ чувствомъ націи, что трусливый дворянинъ безчеститъ самого себя и не достоинъ долше жить. *Все римляне были воспитаны въ такихъ чувствахъ, и народъ оспаривалъ у знати первенство въ этихъ доблестныхъ правилахъ.* Во времена процвѣтанія Рима даже дѣтство протекало въ приученіи къ труду: не было другихъ разговорѣвъ, какъ о величіи римскаго имени. Надо было идти на войну, когда къ тому призывала Республика, и работать безъ усталы, стоять лагеремъ зиму и лѣто, повиноваться безпрекословно, умирать или побѣждать. Отцы, не воспитывавшіе дѣтей въ этихъ правилахъ, чтобы сдѣлать ихъ способными служить государству, призывались на судъ и признавались виновными въ преступленіи противъ общества. При такихъ взглядахъ великіе люди порождаютъ другъ друга; въ Римѣ ихъ было больше, чѣмъ раньше въ какомъ-либо городѣ. Это не случайность; это значитъ, что Римская имперія при своемъ, извѣстномъ намъ строеніи, представляла, такъ сказать, наиболѣе благодарную почву для героевъ.

Однако, великая имперія, простиравшаяся отъ Евфрата до Океана, отъ африканскихъ пустынь до современной Великобританіи, все-таки пала. Она пала, благодаря зачаткамъ разрушенія, таившимся въ ней, какъ въ самомъ здоровомъ тѣлѣ таятся зачатки болѣзни, приводящей къ смерти. Первой причиной, наиболѣе отдаленной, упадка Рима, была разнь между патриціями и плебеями. Патриціями называлось дворянство, плебеями—народъ. Итакъ, между двумя словіями царя разнь, разгоравшаяся и утихавшая,

смотря по обстоятельствамъ. Въ минуты великой опасности, какъ, напримѣръ, во время карфагенской войны, можно сказать, ея не существовало, она исчезла подъ вліяніемъ чувства патриотизма, такъ сильно развито у римлянъ. Когда опасность миновала и все успокоивалось, или казалось спокойно, эта рознь усиливалась и заканчивалась ужасной гражданской войной, какъ, напримѣръ, между Суллой, вождемъ патриціевъ, и Маріемъ, вождемъ плебеевъ. Гражданскія войны привели къ возникновенію у римлянъ севѣмъ новаго духа. Уставъ отъ ужасныхъ раздоровъ, они отказались отъ любви къ свободѣ, иногда столь сильной, и послали монархіи. Страсть къ свободѣ породила гражданскія войны, а гражданскія войны и внушаемый ими ужасъ, породили деспотизмъ.

«Такимъ образомъ въ Римѣ, такъ дорожившемъ своею свободой, именно благодаря этой любви къ свободѣ, лежавшей въ основѣ его устройства, возникла рознь между сословіями его составляющими. Начался жестокой разладъ между сенатомъ и народомъ, патриціями и плебеями; первые указывали постоянно, что чрезмѣрная свобода наконецъ уничтожаетъ самую себя, послѣдніе, напротивъ, опасались, какъ бы власть, по своей природѣ постоянно возрастающая, не обратилась въ тиранію. Между этими крайностями народъ, всегда отличавшійся мудростью, не сумѣлъ найти середины. Частные интересы, заставлявшіе ту и другую сторону заходить слишкомъ далеко даже въ начинаніяхъ, имѣвшихъ въ виду общественную пользу, не допускали умѣренности. Честолюбивые и безпощадные умы возбуждали рознь, чтобъ въ своихъ инте-

ресахъ ею пользоваться; эта рознь, то болѣе скрывавшаяся, то ярче выступавшая, смотря по обстоятельствамъ, но всегда таившаяся въ глубинѣ сердець, наконецъ, создала великій переворотъ, происшедшій во времена Цезаря».

Второй причиною упадка Рима послужило пристрастіе къ пышности и роскоши. Духъ бѣдности, какъ мы видѣли, былъ главнымъ источникомъ его величія, исчезновеніе духа бѣдности явилось одной изъ главныхъ причинъ его паденія. Любовь къ пышности и роскоши распространилась среди римлянъ благодаря соприкосновенію съ востокомъ.

«Къ довершенію несчастья азіаты научили римлянъ роскоши и распространили скупость (жадность). Минували времена, когда римскій полководецъ, имѣвшій только глиняную посуду, отвѣчалъ посланцамъ чужеземнаго народа, соблазненнымъ его золотомъ и серебромъ, что удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы имѣть золото, а въ томъ, чтобы повелѣвать тѣми, кто имъ владѣетъ. Роскошь вверху увеличивала нищету внизу, какъ наблюдается всегда (хотя это утвержденіе является спорнымъ, но Боссюэ раздѣлялъ этотъ взглядъ). Такимъ образомъ создавалось наихудшее положеніе, когда народъ бѣденъ, а высшіе классы чрезмерно богаты, какъ наилучшее положеніе то, когда существуетъ лишь небольшая разница между богатыми и бѣдными».

Между тѣмъ, количество бѣдныхъ все возрастало, благодаря роскоши, разгулу и распространившейся гѣности. Разорившіеся не видали другого исхода, кромѣ мятежа и, во всякомъ случаѣ, были равнодушны

къ тому, что послѣ нихъ все погибнетъ. Извѣстно къ чему привелъ заговоръ Катилины. Великіе честолюбцы и бѣдняки, которымъ нечего терять, всегда стремятся къ переворотамъ. Такъ пала Римская имперія. Это великій урокъ, поучающій насъ, какъ созда-лось ея величіе, и что достойно подражанія, а так-же, что привело ее къ гибели, и чего слѣдуетъ избѣ-гать усердно и постоянно.

ЛАБРЮЕРЪ

П о р т р е т ы

Лабрюеръ наблюдалъ нравы времени короля Людовика XIV и ихъ описалъ. Кромѣ того, у него встрѣчаются интересныя мысли, по большей части, опередившія его вѣкъ.

Большинство же его портретовъ представляютъ изъ себя сатиру. Нѣкоторые изъ нихъ доказываютъ, что онъ умѣлъ также отличать достоинства и ихъ восхвалять. Приведемъ образцы его сатирическихъ портретовъ, оригинальныхъ мыслей и хвалебныхъ портретовъ:

Богатый и бѣдный.

«У Житона свѣжій румянецъ на полномъ лицѣ, обвислыя щеки, твердый смѣлый взглядъ, широкія плечи, большой животъ, свободная, непринужденная походка. Онъ говоритъ съ увѣренностью (самоувѣренностью, самонадѣянностью), заставляетъ собесѣдниковъ повторять свои слова, а самъ слушаетъ певчи-

мательно. Онъ развертываетъ большой платокъ и шумно сморкается; далеко плюетъ и громко чихаетъ».

Однимъ словомъ, онъ высокомеренъ, невѣжливъ и заносчивъ отъ природы. Онъ заносчивъ безъ всякаго усиля, ничего не подчеркивая; чувствуется, что такимъ онъ сдѣлался съ ранняго дѣтства, что онъ такъ воспитанъ.

«Онъ развертываетъ большой платокъ и шумно сморкается; далеко плюетъ и громко чихаетъ. Онъ спитъ днемъ, спитъ ночью, спитъ крѣпко; храпитъ. За столомъ и на прогулкѣ онъ занимаетъ мѣста больше всѣхъ: онъ держится середины дороги, идя съ равными себѣ; онъ останавливается, и всѣ останавливаются; онъ двигается дальше, и всѣ двигаются; всѣ сообразуются съ нимъ».

Новая черта: Житопъ не только заносчивъ, но его заносчивость не встрѣчаетъ отпора; не давая отпора, съ ней какъ будто мирятся, а мирясь, ее поощряютъ. Почему? Безъ сомнѣнія, мы узнаемъ это сейчасъ.

«Онъ перебиваетъ, останавливаетъ собесѣдника; но его не перебиваютъ, его слушаютъ, хотя бы онъ говорилъ очень долго; вѣрить рассказываемымъ имъ новостямъ».

Снисходительность заходить дальше. Тутъ уже преклоненіе передъ Житопомъ. Въ чемъ же дѣло. Развѣ онъ царь? Посмотримъ.

«Когда онъ садится, онъ откидывается къ спинкѣ кресла, закладываетъ ногу за ногу, хмуритъ брови, надвигаетъ шляпу на глаза, чтобы никого не видѣть, или снимаетъ ее, обнажая голову движеніемъ гордымъ и дерзкимъ. Онъ шутникъ, весельчакъ, вестер-

пѣливъ, высокоумѣрь, вспыльчивъ, вольнодумецъ (не-
благочестивъ), политикъ (любитъ разсуждать о по-
литикѣ), съ таинственностью говорить о современ-
ныхъ дѣлахъ (подчеркиваетъ, что посвященъ во мно-
гія тайны правительства), считаетъ себя талантли-
вымъ и умнымъ. Онъ богатъ».

«Онъ богатъ»,— вотъ разгадка всему. Богатому раз-
рѣшается быть заносчивымъ, дерзкимъ, грубымъ, и
все его поощряютъ, надѣясь извлечь изъ этого какую-
нибудь пользу или опасаясь, что онъ можетъ потре-
боваться. Это сатира на глупаго богача, но еще болѣе
на тѣхъ, кто ему льститъ.

«У Федона ввалившіеся глаза, нездоровый цвѣтъ
лица, тощее тѣло, худое лицо; онъ спитъ мало, и
сонъ его легкій».

Потому что забота, опасенія, тревога мѣшаютъ ему
спать крѣпкимъ сномъ, и о Федонѣ, какъ о зайцѣ
Лафонтена, можно сказать: «Онъ печаленъ, и его гла-
жетъ страхъ».

«. Обладая умомъ, онъ имѣетъ глупый видъ; онъ
забываетъ разсказать о томъ, что знаетъ даже о со-
бытіяхъ, ему хорошо извѣстныхъ; а если онъ иногда
на это рѣшится, то плохо справляется съ своей за-
дачей; онъ боится надоѣсть своимъ собесѣдникамъ;
разсказываетъ кратко, но холодно; его не слушаютъ,
его слова не вызываютъ улыбки».

Однимъ словомъ, онъ робокъ, очень робокъ, потому
и не умѣетъ пользоваться своими достоинствами, а толь-
ко ихъ обезцѣниваетъ. А почему онъ робокъ уже по-
нятно, такъ онъ выставленъ противоположностью Жи-
тона.

«Онъ рукоплещеть, улыбается тому, что говорятъ другіе, раздѣляетъ ихъ мнѣнію; бѣгаетъ, суетится, чтобы оказать имъ маленькія услуги; онъ услужливъ, любезенъ, льстивъ».

Онъ не только робокъ, онъ угодливъ; безъ сомнѣнія, онъ всегда однимъ изъ первыхъ снѣшится согласиться съ мнѣніемъ Житона и вѣрить его распоряженіямъ. Впрочемъ, онъ старается угодить всѣмъ, потому что бѣдняку не приходится различать выше и ниже стоящихъ: вѣдь почти всѣ стоятъ выше него.

«Онъ не любитъ рассказывать о своихъ дѣлахъ; иногда лжетъ; онъ суевѣренъ, боязливъ, робокъ. Ходитъ тихо, осторожно, какъ будто опасаясь ступить на землю, всегда съ опущенными глазами, не смѣя ихъ поднять на встрѣчныхъ. Онъ совсѣмъ не замѣчаетъ мѣста: идетъ сжавшись, нахлобучивъ шляпу, чтобы не быть замѣченнымъ; запахивается и закутывается плащомъ».

Лабрюеръ снова упоминаетъ о робости, какъ о главной чертѣ, выражающей весь характеръ Федона; описываетъ ее забавными гиперболами: «Онъ совсѣмъ не занимаетъ мѣста», отмѣчая вѣчное стремленіе Федона остаться незамѣченнымъ, сдѣлаться, если возможно, невидимымъ.

«Если его просятъ садиться («если»: его просятъ объ этомъ не очень часто), онъ садится на краешекъ стула; онъ говоритъ тихо и неявно выражается; однако съ друзьями свободно разсуждаетъ о политикѣ, мрачно смотритъ на свое время, предубѣжденъ противъ министровъ (недоброжелательно относится къ нимъ) и противъ министерства».

Онъ робокъ и озлобленъ. Когда Федонъ стряхиваетъ съ себя вѣчныя опасенія, — что случается съ нимъ рѣдко и только въ кругу близкихъ друзей, — онъ обнаруживаетъ свое неудовольствіе и изливаетъ свою желчь. Онъ стоитъ въ рядахъ оппозиціи. Онъ не можетъ быть «доволенъ дворомъ» и правительствомъ. Для этого нужна философія стоическая или оптимистическая, а онъ ими не обладаетъ.

«Онъ открываетъ ротъ только для отвѣта; кашляетъ, сморкается за шляпой; плюетъ чуть не на самого себя».

Картинка, рисующая современные нравы. Въ ту эпоху всѣ плевали на полъ, и невѣжливо было плевать далеко, какъ Житонъ. Федонъ плюетъ чуть не на себя, — опять-таки изъ робости.

«Онъ чихаетъ только, когда остается одинъ, но если ему случится чихнуть на людяхъ, никто того не замѣчаетъ, никто не обращается къ нему ни съ привѣтствіемъ, ни съ пожеланіемъ».

«Онъ чихаетъ только, когда остается одинъ», — это опять гиперболла, потому что отъ чиханья невозможно удержаться, и выждать, чтобы чихнуть, времени, пока останешься одинъ, очень трудно.

«Никто того не замѣчаетъ, никто не обращается»...

Онъ чихаетъ такъ осторожно, что никто этого не слышитъ, никто не обращается къ нему съ привѣтствіемъ, потому что по современному обычаю надо было бы, услыхавъ, что онъ чихаетъ, сказать: «Да благословить васъ Богъ!» Или, по крайней мѣрѣ, поклониться ему; но съ нимъ это лишнее, никто не слыхалъ, или можетъ сдѣлать видъ, что не слыхалъ,

какъ онъ чихнулъ. Лабрюеръ заканчиваетъ словами: «Онъ бѣденъ», — не составляющими ни для кого неожиданности.

Объ ученыхъ женщинахъ

Лабрюеръ высказалъ свое мнѣніе о вопросѣ, волновавшемъ въ то время умы не менѣе, чѣмъ теперь: должна ли женщина получать образованіе. Онъ говоритъ:

«Зачѣмъ обвинять мужчинъ въ томъ, что женщины не образованы» .

Дѣйствительно, Филаминта въ «Ученыхъ женщинахъ» Мольера обвиняла въ этомъ мужчинъ. Она заявляла:

«Я думаю, по мѣрѣ средствъ и силъ,
Развить проектъ. Невыносима даже
Несправедливость та, съ которой не хотятъ
На здравый смыслъ намъ выдать аттестатъ,
Стараются убить въ насъ высшія стремленія
И мѣста не даютъ шамъ въ храмѣ просвѣщенья».

«Какими законами», продолжаетъ Лабрюеръ, «какими указами, какими постановленіями имъ запрещаютъ раскрывать глаза, читать, запоминать прочитанное и отдавать себѣ въ томъ отчетъ? Не сами ли онѣ установили обыкновеніе ничего не знать, благодаря слабости своего сложенія, лѣности ума, заботѣ о красотѣ, легкомыслію, не позволяющему отдаться усидчивымъ занятіямъ; благодаря способностямъ и охотѣ только къ руководствіямъ, или къ раз-

влеченіямъ, доставляемымъ хлопотами по хозяйству; прирожденному удаленію отъ вещей трудныхъ и серьезныхъ; любопытству, совершенно отличному отъ любознательности, удовлетворяющей ихъ склонности къ другимъ занятіямъ, кромѣ упражненія памяти».

Лабрюеръ приводитъ здѣсь безъ всякаго порядка, — не знаю почему, — съ одной стороны всѣ причины, дѣйствительно мѣшавшія бы при своей наличности женщинамъ стать учеными, т.-е. природную, органическую невозможность; съ другой стороны — причины случайныя, устраненіе которыхъ находится во власти женщинъ:

1. Причины, существованіе которыхъ дѣйствительно мѣшало бы женщинамъ дѣлаться учеными: слабость умственного строенія (говорятъ, онѣ не обладаютъ достаточнымъ умомъ); легкомысліе, препятствующее усидчивымъ занятіямъ. Собственно полного отсутствія ума женщинамъ приписать нельзя, но умъ у нихъ, говорятъ, легкомысленный, не позволяющій долго сосредоточиваться на умственной работѣ, и существуетъ какъ бы прирожденное стремленіе уклоняться отъ вещей трудныхъ и серьезныхъ.

2. Причины, устраненіе которыхъ находится во власти женщинъ, потому что это недостатки, которые онѣ могли бы исправить: забота о красотѣ, кокетство, пристрастіе къ рукодѣлію (чему онѣ приносятъ въ жертву таланты болѣе возвышенныя, которые могли бы развиваться), заботы о хозяйствѣ, — что не является недостаткомъ, но, во всякомъ случаѣ, занятіемъ, пожалуй, поглощающимъ ихъ слишкомъ сильно; любопытство къ разузнаванію новостей и сплетенъ; без-

печность, вызывающая небрежное отношеніе къ развитію памяти. И такъ, весьма возможно, что женщины не имѣютъ органическихъ недостатковъ, дѣйствительно препятствовавшихъ бы полученію образованія; а недостатки, усвоенные по привычкѣ,—поправимы. И мы снова возвращаемся къ исходной точкѣ: что мѣшаетъ женщинамъ быть учеными?—Ничто».

Однако, Лабрюеръ признаетъ, что, хотя мужчины не мѣшаютъ женщинамъ быть учеными, но они остались бы довольны, если бы этого не было.

«Какой бы причинѣ мужчины не были обязаны невѣжествомъ женщинъ, они довольны, что женщина, властвующая надъ ними въ столькихъ отношеніяхъ, не имѣютъ преимуществъ хотя въ этомъ».

И Филаминта поэтому отчасти права: мужчины не «ограничиваютъ» женщинъ въ предѣлахъ пустяковъ, но одобряютъ, когда онѣ сами ограничиваются пустяками. Когда же женщина достигаетъ учености, то какого объ ней мнѣнія бываютъ мужчины? Они восхищаются ею, но дѣлаютъ видъ, будто считаютъ ее безнолезностью, прихотью:

«На ученую женщину смотреть, какъ на прекрасное оружіе; оно артистически вычеканено, удивительно отполировано, чрезвычайно тонкой работы; это кабинетная рѣдкость, показываемая любопытнымъ, но не пускаемая въ обращеніе, не употребляемая ни на войнѣ, ни на охотѣ, подобно манежной лошади, какъ бы прекрасно она ни была выѣжена».

Но какого мнѣнія самъ Лабрюеръ. Вотъ его заключеніе.

«Если наука и мудрость совмѣщаются въ одномъ

человѣкъ, я не справляюсь о полѣ, я восхищаюсь. Когда вы мнѣ говорите, что умная женщина вовсе не хочетъ быть ученой, а ученая женщина—вовсе не умная, это значитъ, что вы уже забыли только что прочитанное: что женщинамъ недоступна ученость только благодаря известнымъ недостаткамъ. Придите же сами къ выводу, что чѣмъ менѣе у нихъ будетъ этихъ недостатковъ, тѣмъ умнѣе онѣ сдѣлаются, и такимъ образомъ, умной женщиной тѣмъ легче будетъ сдѣлаться ученой; а ученая женщина, достигшая учености, потому что сумѣла преодолѣть много недостатковъ, сдѣлается отъ того еще болѣе умной».

Заключеніе очень ясное: не противопоставляйте умную женщину ученой женщиной, потому что ученая женщина одновременно и умная женщина, сумѣвшая побѣдить всѣ недостатки, препятствовавшіе ей сдѣлаться ученой.

Это заключеніе тѣмъ болѣе опредѣленное, что Лабрюеръ, какъ мы видѣли выше, перечислялъ среди недостатковъ, мѣшающихъ женщинамъ дѣлаться учеными, недостатки поправимые, уклоненія; но на ряду съ ними онъ указывалъ на, можетъ-быть, существующіе природные, органическіе недостатки (слабость ума, умственное легкомысліе и т. д.). Однако, въ своемъ заключеніи онъ не признаетъ такихъ недостатковъ, потому что говорить только о поправимыхъ недостаткахъ. Относительно природныхъ, органическихъ недостатковъ онъ думаетъ, что ихъ только предполагаютъ въ женщинахъ, но они наврядъ ли существуютъ. Исправить же уклоненія—вполнѣ во власти

женщинѣ, и Лабрюеръ поздравляетъ уже преодолевшихъ эту задачу. Онъ, очевидно, стоитъ на сторонѣ ученой женщины и не справляясь о долѣ, восхищается. Это ясно видно изъ портрета женщины, очаровавшей Уго сердце, и этотъ портретъ, подтверждающій взглядъ Лабрюера на женщинѣ, знакомить насъ съ Лабрюеромъ, писателемъ-панегристомъ, но уже не писателемъ-сатирикомъ.

Лабрюеръ сравниваетъ умъ красавицы съ брилліантомъ въ оправѣ и продолжаетъ :

«Такое сочетаніе прелести и разума плѣняетъ взоръ и сердце ея собесѣдника. Она слишкомъ молода и цвѣтуща (въ расцвѣтѣ юности), чтобы не нравиться, но слишкомъ скромна, чтобы желать нравиться; она уважаетъ въ людяхъ только ихъ достоинства и видитъ во всѣхъ только друзей»...

Т.-е. всѣ питаютъ къ ней чувства большія, чѣмъ дружба, но она этого не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать и думаетъ, что ее окружаютъ просто друзья. Живая и чувствительная, она захватываетъ и увлекаетъ и, не упуская ничего, что можетъ придать особую изысканность бесѣдѣ, часто вставляетъ остроу, всегда избавляющую отъ возраженія, помимо доставляемаго ею удовольствія.

Она умѣетъ сдѣлать разговоръ интереснымъ, благодаря своему уму; кромѣ того, она обладаетъ остроуміемъ, оно блещетъ и сверкаетъ и избавляетъ отъ возраженій; потому что на ея слова нечего возразить.

«Она говоритъ съ вами, какъ будто не обладаетъ ученостью, сомнѣвается, ищетъ просвѣщенія (пріобрѣтенія свѣдѣній) и слушаетъ васъ, какъ человѣкъ,

много знающих, умѣющихъ оцѣнить ваши слова, не упускающихъ ни одного изъ вашихъ замѣчаній».

Т.-е. она обладаетъ искусствомъ дѣлать людей интересными. Она говоритъ, какъ будто уже прислушивалась къ вашему отвѣту, вызывая его своей скромностью и жаждой познанія. Она слушаетъ съ видомъ, доказывающимъ, что васъ поняли, оцѣнили, и ни одно ваше слово не пропало даромъ. Однимъ словомъ, она всегда или почти всегда слушаетъ. Во-первыхъ, этого требуетъ вѣжливость и, кромѣ того, она получаетъ такимъ образомъ отъ своего собесѣдника все, что онъ можетъ дать. Вотъ это создаетъ пріятную бесѣду. Первый талантъ собесѣдника заключается въ умѣніи слушать.

Какъ она отвѣчаетъ?

«Она не старается вамъ возразить и не стремится подражать Эльвирѣ, — предпочитающей прослыть женщиной остроумной, — чѣмъ обнаруживать здравый смыслъ и правильное сужденіе; она усваиваетъ себѣ ваши чувства, ихъ распространяетъ, развиваетъ, вы остаетесь довольны собой, своими мыслями, высказанными удачнѣе, чѣмъ вы предполагали».

Другими словами вызвавъ васъ на отвѣтъ, выслушавъ васъ съ видомъ, доказывающимъ, насколько она дорожить вашимъ мнѣніемъ, она говоритъ, *все еще слушая васъ*, усваивая ваши мысли, сливаясь съ вами, обращаясь въ ваше эхо, но эхо, усиливающее голосъ. Эта самая очаровательная женщина. Въ скобкахъ надо замѣтить, что Лабрюэръ здѣсь темного выдаетъ себя. Онъ любилъ, чтобы его цѣнили, и женщина, его очаровавшая, — именно женщина, лучше

всѣхъ его оцѣнивая. Во времена еще Людовика XIII былъ второстепенный поэтъ Гомбервилль, очень ухаживавшій за одной дамой. «Почему»,—спросили у него,—«вы такъ любите госпожу X? Она не красива.— Да.— Не умна.— Да.— Невзятна.— Да. Такъ за что же?—Увѣрю васъ, она очень хорошо слушаетъ».

Въ портретѣ Артенисы Лабрюеръ обнаружилъ нѣ которое сходство съ Гомбервиллемъ.

«Она всегда выше тщеславія, говорить ли, писать ли; забываетъ объ остроуміи, гдѣ нужны доводы; она уже поняла, что простота краснорѣчива».

Отсутствіе тщеславія, если и не придаетъ здраваго смысла, то, по крайней мѣрѣ, сохраняетъ весь имѣющійся у насъ здравый смыслъ и, не заходя такъ далеко, какъ Декартъ, утверждающій, что здравый смыслъ—вещь, наилучше распредѣленная на свѣтѣ, все-таки можно сказать, что пользуйся каждый всѣмъ, имѣющимся у него здравымъ смысломъ, у многихъ бы его оказалось очень много, и во всякомъ случаѣ у всѣхъ понемногу. Только, благодаря тщеславію, почти всѣ обнаруживаютъ его очень мало. «Простота краснорѣчива», т. е. убѣждаетъ, а истинное краснорѣчіе заключается въ умѣнны убѣждать.

«Если надо помочь кому-нибудь и заинтересовать васъ, Артениса предоставляетъ Эльвирѣ красивыя рѣчи и изящную словесность, къ которой та всегда прибѣгаетъ; она же дѣйствуетъ на васъ искренностью, страстностью, горячностью и убѣжденіемъ. Преобладающее чувство въ ней—любовь къ чтенію и къ обществу выдающихся людей, не для того, чтобы показать себя, но чтобы позлакомиться съ ими».

Чтеніе и бесѣды съ выдающимися людьми, дѣйствительно, содѣйствуютъ истинному воспитанію хорошо одаренной женщины. Въ случаѣ отсутствія выдающихся людей, что часто бываетъ, достаточно чтенія, потому что чтеніе, по выраженію Декарта, — «постоянная бесѣда съ самыми славными людьми прошлыхъ вѣковъ». Обратите вниманіе: «Не для того, чтобы показать себя, а чтобы познакомиться съ ними».

Большой недостатокъ женщинъ, какъ, впрочемъ, и многихъ мужчинъ, заключается въ желаніи познакомиться съ знаменитыми людьми, чтобы похвалиться такимъ знакомствомъ и на него ссылаться. Это тщеславіе и тщеславіе ребяческое. Надо знакомиться, когда есть возможность, съ людьми достойными (встрѣчающимися во всѣхъ классахъ общества), чтобы ихъ познавать, т. е. изучать все, что въ нихъ хорошаго.

Именно это имѣлъ въ виду остроумный Фонтенель, говоря о Мальбраншѣ, великомъ философѣ: «Къ нему стекались посѣтители со всѣхъ концовъ Европы. Онъ прекрасно отличалъ тѣхъ, кто хотѣлъ его видѣть, отъ желавшихъ на него посмотрѣть».

«Ее можно заранѣе восхвалить за всю мудрость, какую она пріобрѣтеть современемъ, и достоинство, какое она подготовляетъ въ себѣ годами, потому что при прекрасномъ поведеніи, она полна наилучшихъ намѣреній».

Здѣсь Лабрюэръ опредѣляетъ цѣль хорошаго и серьезнаго воспитанія, полученнаго путемъ бесѣдъ и путемъ чтенія. Надо развить въ себѣ дѣйствительныя достоинства къ годамъ зрѣлости и старости. Красота увядаетъ, и даже прелесть ума ослабѣваетъ, по-

тому что остроуміе до извѣстной степени связано съ жизнерадостностью молодости; не исчезаетъ только сила серьезнаго мышленія и твердо сложившагося характера. Именно это даетъ намъ воспитаніе путемъ поучительныхъ бесѣдъ и чтенія. Даже на характерѣ отзывается такое воспитаніе, полученное въ молодости. Жуберъ сказалъ: «Кто отказывался отъ серьезныхъ мыслей, впадаетъ въ мрачныя мысли». Совершенно вѣрно. Умъ, питаемый пустяками, оказывается пустымъ, когда минуетъ возрастъ пустяковъ, и имъ овладѣваютъ мрачныя мысли, грусть и печаль.

Б У А Л О

Разсужденіе о заслугахъ

Буало былъ поэтъ, преимущественно сатирикъ, жившій въ царствованіе Людовика XIV. Онъ писалъ сатиры, посланія, т. е. рѣчи въ стихахъ, составилъ книгу: „О поэтическомъ искусствѣ“, т. е. объ искусствѣ писать стихи, и нѣсколько сочиненій меньшей важности.

Одна изъ его сатиръ, скорѣе посланіе къ де Валенкуру, писателю и администратору, разсматриваетъ вопросъ о заслугахъ. Авторъ начинаетъ съ замѣчанія, что всѣ хвалятъ заслугу, но въ немногихъ она есть на самомъ дѣлѣ. Всѣ кричатъ: „Заслуга, да здравствуетъ заслуга“!... А посмотрѣть поближе, — оказывается, что всѣми руководитъ одно честолюбіе, всюду — слабость, несправедливость, подкупъ. Отчего же это? Да оттого, что большинство людей комедіанты, старающіеся казаться, во что бы то ни стало, не тѣмъ, что они есть, а чѣмъ-то совершенно инымъ. „По моему мнѣнію“, — говоритъ Буало, — „міръ это большая сцена, гдѣ идетъ постоянное представленіе, гдѣ каждый старается провести другого, гдѣ многіе разыгрываютъ роль, совершенно претивопо-

ложную тому, что они есть на самомъ дѣлѣ. Каждый день, надѣвъ маску, дураки, не моргнувъ, изображаютъ мудрецовъ. Невѣжда принимаетъ видъ тщеславнаго ученаго; отъявленный плутъ надѣваетъ личину добродѣтельнаго человѣка“.

Однако всѣ эти комедіи скоро раскрываются. Правда обнаруживается; природа быстро проглядываетъ изъ подъ маскараднаго наряда.

„Истина всегда торжествуетъ надъ ложью. Однимъ словомъ, чтобы казаться честнымъ, надо имъ быть. И никогда человѣку не прослыть въ глазахъ смертныхъ тѣмъ, что онъ не есть на самомъ дѣлѣ“.

Но что такое заслуга—истинная заслуга? Люди находятъ ее то въ одномъ, то въ другомъ — въ вещахъ чрезвычайно различныхъ — настолько различныхъ, что трудно предположить, чтобы, находясь въ одной, она могла найтись также и въ другой; а иногда ея не оказывается ни въ той, ни въ другой, напримѣръ:

„Честолюбецъ ищетъ ее часто въ томъ, что все сжигаетъ; скупецъ—въ томъ, если мимо него протекаетъ рѣка, катящая золотыя волны; человѣкъ не храбрый въ душѣ старается восхвалять свои несуществующіе подвиги; поэтъ находитъ себѣ заслугу въ томъ, чтобы измарать чернилами какъ можно больше бумаги; маркизъ—въ томъ, если удастся провести своихъ кредиторовъ; развратникъ—въ нарушеніи всѣхъ постовъ большихъ и малыхъ; безчестный дуракъ—въ томъ, что идетъ наперекоръ самой заслугѣ“.

Очевидно эти разновидности заслуги не представляютъ изъ себя самой ея, въ ея настоящемъ видѣ. Даже немножко наивно со стороны Буало, что онъ приводитъ

подобные примѣры. Въ его извиненіе можно только сказать, что онъ любитъ дѣлать каррикатурные наброски прежде, чѣмъ приступить къ своему сюжету. Но поднимается на слѣдующую ступень. Есть-ли заслуга въ славѣ? Какова заслуга, къ которой каждый долженъ стремиться? Состоитъ ли она въ томъ, чтобы всѣ хвалили наше краснорѣчіе? Или въ удостовѣреніи высшаго искусства, храбрости, благоразумія? Или въ томъ, чтобы при видѣ насъ все и вся трепетало на свѣтѣ? Или, наконецъ, — въ обладаніи многими драгоценностями, дарованіями?

Можетъ быть заслуга заключается именно въ этомъ? Но такъ ли это? Какъ бы не обмануться.

„И со всѣми этими дарами ума и сердца даже высокостоящій человѣкъ можетъ быть злодѣемъ“.

Стоитъ вспомнить ужаснаго Ирода, умертвившаго Іоанна Крестителя и Іисуса (Иродъ, впрочемъ, не отличался никакими особенными дарованіями), или Гиверія, римскаго императора, умнаго, но до безумія жестокаго.

Буало, впрочемъ, правъ. Въ самомъ Александрѣ — при всемъ его талантѣ полководца — мы не видимъ стремленія къ заслугѣ.

„Гдѣ же намъ искать эту настоящую плѣняющую насъ доблесть“?

А вотъ: она заключается въ глубокомъ уваженіи къ истинѣ.

„Въ мірѣ только справедливость прекрасна: безъ нея храбрость, сила, и всѣ доблести, ослѣпляющія людей, даже доброта — не болѣе какъ поддѣльные брилліанты, или куски стекла“.

Даже доброта?.. Можетъ быть Буало и правъ въ томъ

смыслъ, что доброта, не просвѣщенная источникомъ справедливости, можетъ превратиться въ слабость, распушенность, какъ бы въ слѣпую и непрочную добродѣтель.

„Чѣмъ лучше перваго попавшагося разбойника воинъ, не знающій справедливости, внушающій страхъ міру, безъ причины рыскающій по свѣту, опустошая его до истоковъ Ганга?.. Уже одинъ древній царь (Агезилай лакедемонскій) сказалъ, что только тѣмъцарь и великъ, если онъ справедливъ. Если собрать воедино Митридата и Силлу, Тамерлана, Гинесерика и Аттилу, то на мой взглядъ всѣ они не достигаютъ величія того афинскаго гражданина, который, не отличившись никакимъ подвигомъ, но всегда кроткій, скромный и воздержанный, постоянно ровнымъ шагомъ шелъ по стезѣ справедливости“.

Буало подразумѣваетъ Сократа, афинскаго философа, правда—воплощеніе справедливости, соединенной—что не возбравается—съ добротой, ироніей, остроуміемъ. И умеръ онъ, не понятый своими согражданами, съ величайшимъ спокойнымъ мужествомъ.

„Теперь взглянемъ на истину пъ самомъ источникѣ. Ханжа съ ввалившимися глазами и мертвенно-блѣднымъ лицомъ ужасенъ передъ Богомъ, когда въ сердцѣ его не живетъ справедливость. Евангеліе нигдѣ не говоритъ христіанину: „будь ханжей“, но „будь кротокъ и справедливъ“.

Правда Евангеліе указываетъ иногда на необходимость набожности, говоря: „Блюдите заповѣди“, а заповѣди предписываютъ соблюденіе обрядовъ, но надо признать, что оно чаще говоритъ то, что за нимъ повторяетъ

Буало: „И подъ этимъ ханжей я вовсе не подразумѣваю Тартюфа или Молиноса съ его мистическими послѣдователями, но христіанина плохо знающаго сущность ученія и не имѣющаго хорошаго руководителя“.

Тартюфъ—главное лицо комедіи Мольера того же имени—взять, какъ типъ религіознаго притворства. Молинось—испанскій богословъ, ученіе котораго признавалось слишкомъ утонченнымъ и опаснымъ пастырями католической церкви¹⁾.

„Онъ хотъ и набоженъ и вѣрить непреложно,
Въ ученіи Христа онъ понялъ, сколько могъ,
Но правду и любовь онъ понимаетъ ложно;
Къ нимъ прибѣгаетъ онъ вездѣ, гдѣ только можно,
Но только для того, чтобъ оправдать порокъ.
Онъ слабъ къ чужимъ грѣхамъ, когда грѣшитъ вель-
можа,

Но онъ не лицемѣръ, ничуть не негодай...

И совѣсти своей нисколько не тревожа,

Онъ вѣрить искренно, что будетъ принять въ рай“²⁾.

Можно злорадно замѣтить, что, сказавъ сначала, будто онъ не имѣлъ въ виду Тартюфа, Буало описываетъ своего ханжу совершенно тѣми же чертами, какими отличается Тартюфъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, принять во вниманіе, что Тартюфъ ничему не вѣрить, что онъ воплилъ атеистъ, между тѣмъ какъ ханжа у Буало вѣрить, по воображаетъ себѣ, что совершенія обрядовъ и таинствъ

¹⁾ Въ сочиненіяхъ Молиноса (1627—1697) усматриваются зачатки квиетизма—ученія, требующаго полнаго пассивнаго покоя души, погруженія въ созерцаніе Бога при отреченіи отъ жизни.

²⁾ „Сатиры“ Буало—переводъ Льва Уманца.

достаточно, чтобы, несмотря на всѣ преступленія, быть принятымъ въ рай. Такая разновидность хапжей существовала, да, вѣроятно, существуетъ еще и теперь. И Буало заключаетъ:

„Чтобъ заслужить почетъ и пользоваться славой,
Передъ истиной склонись ты въ жизненной борьбѣ,
И совѣсть сохрани, имѣя разумъ здравый,
И снисходя къ другимъ, всегда будь строгъ къ себѣ.
Закону зѣренъ будь, не разсуждая лживо.
И поступай всегда разумно и правдиво“.

Единственная заслуга—быть добродѣтельнымъ, единственная вещь, которую можно себѣ ставить въ заслугу—это добродѣтель, вотъ къ какому заключенію приходитъ Буало. Однако было бы не лишнимъ сказать и напомнить въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель. Буало такъ и сдѣлалъ. То, что мы прочитали, представляетъ краткое изложеніе морали Буало:

„*Передъ истиной склонись ты въ жизненной борьбѣ*“; передъ истиной, никакъ не передъ нашими страстями, похотями или выгодами. Истина эта—такая вещь, знаніемъ которой ни одинъ человѣкъ не можетъ похвалиться безусловно; однако можно съ увѣренностью утверждать, что *общія* правила и *общія* наставленія, принимаемая религіей или философией, гораздо ближе къ истинѣ, нежели внушенія, которымъ мы подчиняемся со стороны нашихъ страстей, нашихъ выгодъ или нашихъ желаній, поэтому изрѣченіе „руководствоваться истиной“—требованіе разумное. Слѣдовать за истиной—это прежде всего не воображать, что обладаешь ею, но руководствоваться въ своей дѣятельности идеями общаго блага, имѣя въ виду одну общую цѣль. Такъ напр.

тотъ, кто жертвуетъ собою для блага своихъ ближнихъ, можетъ заранѣе быть увѣреннымъ, что онъ стоитъ ближе къ истинѣ, нежели тотъ, кто поступаетъ единственно для своей личной пользы, дѣйствуя подъ вліяніемъ личнаго чувства.

„*И поступай всегда разумно и правдиво*“.
Разсудокъ—это именно и есть совокупность идей общаго блага, принятыхъ обществомъ, въ которомъ вы живете, имѣющихъ цѣлью его сохраненіе. Разсудокъ всегда противопоставляется страстямъ; разсудокъ—это общее начало, тогда какъ страсти—личное и обособленное.

Разсудокъ нѣго такое, съ чѣмъ можно вообще согласиться, тогда какъ страсти—стремленія личныя, находящіяся въ противорѣчіи съ разсудкомъ, всегда направленные къ общему благу.

„*Закону вѣренъ будь, не разсуждая лживо*“...

Что разумѣть Буало подъ именемъ закона? Этого я не вижу ясно. Вѣроятно законъ религіозный; быть можетъ законъ нравственный. Слово законъ близко подходитъ къ понятію разсудка, какимъ мы старались его опредѣлять. Во всякомъ случаѣ подъ именемъ закона не слѣдуетъ разумѣть здѣсь законъ гражданскій, или уголовный, которые запрещаютъ и караютъ, указывая на то, чего не слѣдуетъ дѣлать, но не научая тому, какъ слѣдуетъ поступать, и что надо дѣлать.

„*Быть снисходительнымъ къ другимъ и строгимъ къ самому себѣ*“.
Прекрасное правило, кратко и ясно выражающее главное основаніе нравственности. Надо быть строгимъ къ самому себѣ и снисхо-

дательнымъ къ другимъ, такъ какъ основаніе нравственности—въ борьбѣ съ самимъ собой и въ умѣніи управлять собою (самообладаніи).

Между тѣмъ намъ свойственно невольное стремленіе беречь самихъ себя, извинять себя, относиться снисходительно къ самимъ себѣ; позволять себѣ многое, заслуживающее осужденіе и не всегда находящее оправданіе. Мы склонны считать ошибки другихъ весьма важными, не заслуживающими прощенія, въ особенности, когда онѣ насъ оскорбляютъ; но надо поступать какъ разъ на оборотъ: съ этими стремленіями надо умѣть бороться.

Замѣьте, что, еслибы *каждый* изъ насъ былъ строгъ къ самому себѣ и снисходителенъ къ другимъ, никто бы не требовалъ снисхожденія, такъ какъ всѣ были бы справедливы и никто бы не ошибался. Это неосуществимо въ виду человѣческой слабости; но къ такому идеалу слѣдуетъ стремиться.

„*И совѣсть сохрани*“. Люди религіозные могутъ принять вполнѣ здраво слово *совѣсть*, какъ начало, самимъ Богомъ вложенное въ насъ и внушающее намъ добрыя мысли для исполненія своихъ обязанностей. Мы имѣемъ, такъ сказать, внутренній міръ, который намъ внушаетъ, какъ поступать согласно добру и избѣгая зла. Мы должны прислушиваться къ этому внутреннему голосу. Онъ говорить весьма внятно. Мы заглушаемъ этотъ голосъ своимъ стараніемъ его не слышать, но никогда мы его не можемъ заглушить окончательно.

„*Поступай правдиво*“. Это заключительныя слова, какъ бы исчерпывающія все; какъ будто Буало говорить, что этимъ все сказано. Нѣтъ! Справедливости одной недостаточно. Необходимо имѣть любовь.

Справедливость требуетъ, чтобъ каждому воздавалъ должное, никогда не дѣлая никому вреда. Дѣйствуя согласно съ любовью, человекъ даетъ ближнему болѣе того, что ему должно, стараясь дѣлать ему добро. Человекъ поступаетъ по справедливости, когда онъ не дѣлаетъ ближнему того, чего онъ бы не желалъ самъ испытать; онъ поступаетъ нравственно, когда онъ дѣлаетъ для ближняго то, чего бы онъ желалъ для себя. Поэтому недостаточно быть справедливымъ и этимъ словомъ еще не все сказано. Довольно странно, что Буало въ краткомъ изложеніи морали даетъ наставленіе, не касающееся справедливости, но любви.

„И, снисходя къ другимъ, всегда будь строгъ къ себѣ“. Эгого именно и требуетъ любовь. Онъ кончаетъ словами: „Быть справедливымъ—это главное. Здѣсь является несоотвѣтствіе. Впрочемъ Буало можно защищать, предполагая, что онъ принялъ слово „справедливость“ въ библейскомъ смыслѣ. Въ Библии подъ словомъ „праведникъ“ разумѣютъ человека не только справедливаго, но вполне добродѣтельнаго, вообще. Если Буало взялъ въ этомъ смыслѣ слово *правдивость*, его осуждать нельзя; подъ словомъ добродѣтель разумѣютъ и справедливость, и любовь.

„Однако я сомнѣваюсь, чтобъ толпа людей заурядныхъ подала бы мнѣ руку въ отвѣтъ на эту рѣчь“.

„ („Подать руку“ выраженіе устарѣвшее, употребленное въ значеніи „согласилась, или примкнула ко мнѣ“).

„ И чтобъ я могъ объяснить тебѣ это на историческомъ основаніи, дозвожь мнѣ все это представить въ видѣ аллегоріи“.

Въ аллегоріи читатель долженъ искать и найти истину.

Я вамъ напр. говорю, о „двѣнадцати дворцахъ, гдѣ солнце обитаетъ поочередно“. Это означаетъ двѣнадцать мѣсяцевъ года, и это аллегорія. Вотъ аллегорія Буало о томъ, что такое заслуга.

„Во времена добраго царя Сатурна“... Язычники думали, что Сатурнъ царствовалъ на землѣ, и что во время его царствованія на землѣ было полное блаженство.

Язычники вѣрили, что богъ Сатурнъ былъ царемъ на землѣ, и что въ это время люди были безусловно счастливы:

„Въ царствованіе добраго царя Сатурна, покровителя всего добраго, Заслуга и Справедливость, его родныя сестры, освѣщали міръ своими мудрыми совѣтами.

Всѣ жили въ согласіи подъ его владычествомъ. Никто не думалъ воздвигать оградъ вокругъ полей, и добродѣтель преслѣдованіямъ не подвергалась.

„Заслуга“, сама по себѣ прекрасная и безъ суетныхъ украшеній, привлекала взоры не золотомъ и алмазами, она никогда не забывала своихъ суровыхъ обязанностей, поддерживая полезныя правила сестры (т. е. Справедливости).

Итакъ все шло благополучно, когда вдругъ однажды Заслуга отлучилась, призвавняя на небо богами, и въ это время кто-то занялъ ея мѣсто. Оттуда начались всѣ бѣды.

„Обманщица, похожая на Заслугу ростомъ и лицомъ, пользуясь случаемъ, начала обходить смертныхъ, крича, что она—Заслуга, что она посланница небесъ, и что теперь она сама будетъ стоять во главѣ правленія“.

Надо припомнить, что до сихъ поръ правилъ Сатурнъ, у котораго министрами были Заслуга и Справедливость,

„Она пожелала стать единой наследницей, и всё повѣрили ей лживымъ рѣчамъ. Невинная Справедливость была позорно изгнана, и еле-еле въ пустынь скрыла свой позоръ. И тотчасъ обманщица въ пышномъ нарядѣ возсѣла на тронъ, сверкавшій рубинами. Ее окружали Высокомѣріе, Презрѣніе, Наглость, а Роскошь и Гордость вѣнчали ее. И она безстыдно посмотрѣла въ глаза всѣмъ. Два брата „Мое“ и „Твое“, по ея приказу, привели на землю войну и тяжбы, и повсюду на землѣ пошелъ дѣлеть. И всюду подъ пменемъ „права“ воцарилось впредь единственное *право* на землѣ — *право сильного*.

Можно возразить, что вовсе не благодаря Заслугъ-самозванкѣ на свѣтѣ воцарилось право сильного и уничтожилась жизнь евангельская (если она когда-либо существовала), но что вызвала это „право“ корысть, жадность, стремленіе къ власти и т. д. Однако все же приходится согласиться, что ложная заслуга, желаніе блистать и казаться не чужды этому явленію.

„Новая царица торжествовала и положила это безправіе въ основаніе фантастическаго кодекса новыхъ законовъ. Прежде всего она предписала смертнымъ мечь, и изъ за малѣйшей обиды они стали убивать другъ друга“.

„Одна изъ статей закона этой ложной чести, какъ извѣстно,—требованіе дуэли за всякую обиду.

„И въ ихъ сердцахъ, гдѣ лишь изрѣдка пробуждается раскаяніе, кровавыми буквами начертаны два слова: „Умри или убей“.

Мы видимъ, что этими самыми словами донъ Діего въ трагедіи Сидъ завѣщаетъ сыну отомстить за него.

„И вотъ при этомъ новомъ Юпитерѣ (т. е. новомъ властителѣ міра, Заслугѣ-самозванкѣ) наступилъ на землѣ мрачный вѣкъ желѣза. Тотчасъ же братъ ополчился на брата, сынъ обагрилъ руки кровью отца; жажда господства обуяла тирановъ, и отъ Тананса (теперешняго Дона) въ Сквіиіи — Россіи — до Нила двинула завоевателей. Честолюбіе стало считаться высшей добродѣтелью; удачное преступленіе превратилось въ справедливость и перестало быть преступленіемъ. Всюду воцарились ненависть и раздоръ, зависть, ужасъ, смятеніе“. Однимъ словомъ создалась современная жизнь, какова она теперь съ точки зрѣнія сатирика, нѣсколько сгущающаго краски. А истинная Заслуга тѣмъ временемъ была на небѣ. Но такъ какъ, вообще, все обнаруживается, и Справедливость была обязана предупредить сестру, то Заслуга узнала все.

Наконецъ истинная Заслуга въ чертогахъ неба узнала объ этомъ гибельномъ хаосѣ. Она тотчасъ же спустилась съ неба и появилась на землѣ. Но здѣсь она явилась нежеланной гостьей, — ея вышедшія изъ моды добродѣтели стали ненавистны, и ей самой, обозванной обманщицей и лгуньей, пришлось пресмыкаться у ногъ ложной царицы“.

Почему же она стала ненавистна на землѣ? Потому что легче обладать добродѣтелями, чѣмъ снова ихъ вернуть, разъ онѣ были потеряны. И Буало говорятъ: „Заслуга подобна скалистому, неприступному острову: разъ спустишься съ него, назадъ не взберешься“.

Эта нѣкоторая крайность, но въ сущности справедливо. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ, сойдя съ пути добродѣтели, снова вернуться на него, даже опредѣлить,

гдѣ онъ. И вотъ такимъ образомъ, люди времянъ царствованія Сатурна не признають Заслуги и называютъ ее лицемѣриемъ.

Странное выраженіе: „Принуждена пресмыкаться у ногъ ложной царицы“. Развѣ Заслуга когда-нибудь приметъ такое положеніе? И кто ее къ тому принудить? Люди? Нѣтъ.—Они довольствуются тѣмъ, что отворачиваются отъ нея, предоставляя ее самой себѣ.

„Наконецъ Заслугѣ надоѣли всѣ эти оскорбленія, и она предоставила родъ людской ея печальному рабству, сама-же удалилась къ сестрѣ и вмѣстѣ съ ней улетѣла въ небесную обитель“.

Намъ только остается сумѣть вернуть ее къ намъ.

Б Ю Ф О Н Ъ

Описание земли

Бюффонъ написалъ при помощи нѣсколькихъ со-трудниковъ «Естественную исторію», принявъ, одна-ко, на себя наиболѣе важный отдѣлъ, а именно, исто-рію животныхъ, растений и минераловъ. Послѣ нѣ-сколькихъ общихъ замѣчаній онъ переходитъ къ опи-санію земли, разсматриваемой въ оя общемъ видѣ. Планета, на которой мы живемъ, кажется особенно удачно выбранной. Она отстоитъ ни слишкомъ да-леко, ни слишкомъ близко отъ солнца; она не холодная какъ Марсъ, Юпитерь, Сатурнъ и не жгучая, какъ Венера и Меркурій. Во всякомъ случаѣ, она пре-красна, не прибѣгая къ сравненіямъ, не имѣющимъ подъ собой достаточно опредѣленной почвы.

«Какимъ великолѣпіемъ блещетъ природа на землѣ! Яркій свѣтъ разливается съ востока на западъ, посте-пенно золотя полушарія земного шара; ихъ окружаетъ легкій и прозрачный воздухъ; мягкая плодотворная теплота оживляетъ и возбуждаетъ всѣ зародыши къ жизни; быстрыя, благотворныя воды питаютъ ихъ, со-

дѣйствуютъ ихъ росту; возвышенности, разсѣяныя по лицу земли, задерживаютъ пары воздуха, дѣлаютъ источники неиссякаемыми, вѣчно вновь наполняющимися; громадныя впадины, воспринимающія воды этихъ потоковъ, раздѣляютъ матеріи».

Это общій обзоръ земли. Затѣмъ Бюффонъ переходитъ къ описанію широкими мазками моря, воздуха и земли въ собственномъ смыслѣ.

М о р е.

«Море занимаетъ пространство, равное пространству, занимаемому сушей; это не холодная и бесплодная стихія (Гомеръ говорилъ: «Море, гдѣ не собираютъ жатвъ»,—и былъ правъ; но переводчики ошибочно перевели: *бесплодное море*; море такъ же полно жизни, плодоносно, какъ суша);—это новая область, столь же богатая, столь же населенная, какъ земля. Перстъ Божій опредѣлилъ ихъ границы: если море заливаешь берега Запада, оно обнажаетъ берега Востока. Громадная водная поверхность, бездѣятельная сама по себѣ, отражаетъ въ себѣ небсныя движенія; она волнуется правильнымъ колебаніемъ прилива и отлива, вздымается и убываетъ вмѣстѣ съ ночнымъ свѣтиломъ, еще сильнѣе вздымается, когда послѣднее сталкивается съ дневнымъ свѣтиломъ, и силы обоихъ, слившись во время равноденствія, вызываютъ большіе приливы. Ни въ чемъ такъ ярко не выражаются наши соотношенія съ небомъ (т. е. наша связь съ небомъ, зависимость отъ неба). Изъ этихъ движеній, постоянныхъ и общихъ, создаются движенія измѣнчивыя и частичныя, перемѣщенія земли, наслоенія, обра-

зующія на днѣ водъ возвышенности, подобныя тѣмъ, что мы видимъ на поверхности земли. Теченія, слѣдующія по направленію этихъ горныхъ цѣпей, придаютъ имъ фигуру, гдѣ всѣ углы соотвѣтствуютъ другъ другу, и сами текутъ среди волнь, какъ воды на землѣ. Это дѣйствительно «рѣки моря».

Итакъ, море представляетъ изъ себя громадное водное пространство, находящееся въ постоянномъ волненіи, въ постоянномъ движеніи, происходящемъ не только на поверхности, но и на большой глубинѣ его; въ немъ наблюдаются движенія общія, приливъ и отливъ, (ощутимые, хотя и не такъ замѣтно, даже на внутреннихъ моряхъ, Средиземномъ и Каспійскомъ), и движенія частичныя,—его теченія, рѣки и потоки, такъ какъ въ морѣ существуютъ потокообразныя теченія, пересѣкающія сравнительно неподвижное море, подобно тому, какъ потоки, низвергаясь съ горъ, бороздятъ поверхность суши. Море какъ будто находится въ непрерывной работѣ.

Воздухъ.

«Воздухъ, еще болѣе легкій и подвижной, чѣмъ вода, повинуется большому количеству силъ: отдаленное воздѣйствіе солнца и луны, непосредственное вліяніе моря, жара, его разрѣжающая, холода, его сгущающіе, производятъ въ немъ постоянное волненіе. Вѣтры суть его теченія. Они сгоняютъ, собираютъ облака, образуютъ метеоры, проносятъ надъ сухою поверхностью материковъ влажныя испаренія морскихъ береговъ; они вызываютъ грозы, распредѣляютъ плодотворныя дожди и благодѣтельныя росы; измѣняютъ

движенія моря, волнують подвижную поверхность водъ, останавливаютъ или гонятъ теченія, заставляютъ ихъ мѣнять направленіе, поднимаютъ волны, нагоняютъ бури. Бушующее море вздымается къ небесамъ съ во-емъ и разбивается о несокрушимую преграду, не смотря на всѣ усилія».

Земная атмосфера является, слѣдовательно, необъятнымъ дыханіемъ земли, ее оживляющимъ, создающимъ кровообращеніе, но также имѣющимъ свои болѣзни и кризисы; отъ нея зависитъ жизнь земли. Между двухъ морей, если можно такъ выразиться, — моремъ водъ, опоясывающимъ материки и орошающимъ ихъ испареніями, черпаемыми изъ нихъ солнцемъ и превращающимися въ облака, и океаномъ воздуха, окружающего всю планету, — земля въ собственномъ смыслѣ слова, работаетъ, производитъ, порождаетъ въ изобиліи существа всякаго рода, выходящія изъ ея нѣдръ.

Земля.

«Земля, возвышающаяся надъ поверхностью моря, находится въ безопасности отъ его вторженій; ея поверхность, испещренная цвѣтами, украшенная постоянно возобновляющеюся зеленью, населенная безконечнымъ множествомъ разнообразныхъ животныхъ, служитъ мѣстомъ отдохновенія и наслажденія, гдѣ человѣкъ, предназначенный для содѣйствія природѣ, царитъ надъ всѣми существами. Единственный среди всѣхъ, онъ способенъ познавать и достоинъ восхва-

щаться: Богъ сдѣлалъ его созерцателемъ вселенной и свидѣтелемъ своихъ чудесъ».

«Мѣсто отдохновенія и наслажденія», конечно,—выраженіе нѣсколько преувеличенное. На землѣ удовольствія смѣшаны со множествомъ страданій; и земля не служитъ, чему можно только порадоваться, никому мѣстомъ отдохновенія. Надо стать на точку зрѣнія автора, чтобы понять его мысль; здѣсь авторы проводятъ параллель между ужасными, мрачными волненіями водъ, грозными огненными сотрясеніями атмосферы и землей въ собственномъ смыслѣ слова, болѣе неподвижной, устойчивой, гдѣ не происходитъ постоянного движенія, не кипитъ вѣчная буря, гдѣ, слѣдовательно, царитъ относительное спокойствіе, тишина и отсутствіе ужаса. Онъ вспоминаетъ стихи Горация: *Ille robur et oestriplix*... т.-е. «онъ окружилъ себя дубомъ и мѣдью, тотъ, кто впервые отважился довѣриться морскимъ волнамъ». Можетъ быть Бюффонъ думаетъ и о тѣхъ, кто впослѣдствіи съ неслыханной отвагой поднимется въ воздухъ и будетъ изыскивать способы въ немъ передвигаться; поэтому онъ говоритъ вполне основательно, и вы теперь прекрасно его понимаете: «Между моремъ и воздухомъ земля является мѣстомъ отдохновенія и удовольствія».

Дѣйствительно, между моремъ и воздухомъ земля кажется оазисомъ среди двухъ пустынь съ движущимся пескомъ, гонимымъ ужасными ураганами. Земля медлительна; она полна незамѣтнаго движенія, могучаго и тихаго произрастанія, въ общемъ спокойнаго и мирнаго. Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать

«мѣсто отдохновенія и наслажденія», номѣщенное послѣ описанія моря и воздуха.

На землѣ царство человѣка, во-первыхъ, потому, что онъ одинъ ее созерцаетъ, понимаетъ и ею восхищается: «Единственный между всѣми, способный познавать и достойный восхищаться»...

Что такое человѣкъ передъ лицомъ природы?

Человѣкъ передъ лицомъ природы.

«Природа—видимый престолъ божественнаго великолѣпія; человѣкъ, ее созерцающій и изучающій, постепенно приближается къ невидимому престолу всемогущества. Сотворенный для созерцанія Создателя, онъ повелѣваетъ всѣми созданіями; данникъ неба, царь земли, онъ ее облагораживаетъ, населяетъ, обогащаетъ, устанавливаетъ между живыми существами порядокъ, подчиненіе, гармонію; онъ украшаетъ самую природу, ее воздѣлываетъ, распространяетъ, шлифуетъ, удаляетъ волчепы и тернія, умножаетъ виноградъ и розы»...

Вотъ назначеніе человѣка: заставлять землю служить своимъ нуждамъ,—и никто не поставитъ ему въ упрекъ эту работу; но—главное ее украшать. Кто-то сказалъ: «Въ концѣ-концовъ міръ понятенъ только съ эстетической точки зрѣнія». Подъ этимъ подразумѣвается: сотвореніе міра объяснимо только при предположеніи, что сотворившій его хотѣлъ создать красоту. Бюффонъ полагаетъ: «Пусть человѣкъ приноситъ себѣ пользу, это вполне допустимо; но онъ долженъ быть полезенъ, являясь творцомъ красоты, украсителемъ природы. Его предназначеніе относитель-

но самого себя—приносить пользу, но относительно всего міра — быть создателемъ природной красоты, усовершенствуя природу или, лучше сказать, помогая природѣ въ ея стремленіи къ усовершенствованію».

Итакъ, *человѣческое терпѣніе* украшаетъ природу, изгоняетъ терніи и возвращаетъ розы. Нѣмецкая пословица говоритъ вѣрно: «Терпѣніе порождаетъ розы». И цѣлью челоуѣка должно быть созданіе розъ и винограда, при помощи терпѣнія и искусства.

Дѣйствительно, взглянемъ на природу, гдѣ ея не касалась рука челоуѣка.

«Посмотрите на луговые мѣста, на печальныя страны, гдѣ никогда не жилъ челоуѣкъ, покрытыя, или вѣрнѣе, изборожденныя густыми, темными лѣсами на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Деревья безъ коры, безъ макушекъ, изогнутыя, сломанныя, падаютъ отъ дряхлости; другія, болѣе многочисленныя, простираются около первыхъ и гніютъ надъ уже сгнившими грудями, задушая, погребая готовыя расцвѣсти зачатки жизни.

Природа, вездѣ блистающая юностью, здѣсь поражаетъ своею дряхлостью; земля, обремененная тяжестью, загроможденная развалинами ея порожденій,—представляетъ вмѣсто цвѣтущаго зеленаго ковра пространство, зашлленное старыми деревьями, покрытыми чужеядными растеніями, лишаями, наростами,—нездоровыми признаками гніенія; во всѣхъ низменностяхъ стоячія, мертвыя воды, не получающія отвода; топкія, неприступныя мѣста,—ни суша, ни вода,—и одинаково бесполезныя для жителей земли и водъ; болота, покрытыя смрадными водяными растеніями, им-

гающія только ядовитыхъ насекомыхъ и служащія убѣжищемъ для омерзительныхъ животныхъ».

Вотъ картина природы, предоставленной самой себѣ, т. е. растительности и животнымъ, въ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ, — тамъ, гдѣ земля сильная, могучая, плодоносная породила мощную растительность, громадныя деревья; это мѣста, гдѣ съ особенной яркостью проявляется творческая сила природы.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа не такъ сильна и плодородна, зрѣлище можетъ быть, окажется болѣе красивымъ, безопасность болѣе обезпеченной, воздухъ менѣе отравленнымъ, — однимъ словомъ, пребываніе болѣе возможнымъ. Но нѣтъ.

«Между зловонными болотами, занимающими низменности, и гніущими лѣсами, покрывающими возвышенности, тянутся степи, саванны, не имѣющія ничего общаго съ нашими лугами; сорныя травы тамъ заглушаютъ хорошія. Это не мягкая травка, какъ будто пухомъ покрывающая землю; это не испещренная цвѣтами лужайка, возвѣщающая о плодородности почвы: здѣсь растительность дикая, травы грубыя, тернистыя, переплетающіяся между собой. Кажется, онѣ не столько держатся корнями, сколько цѣпляются другъ за друга, засыхая и постепенно нагромождаясь кучами, образуя стѣну, толщиной въ нѣсколько футовъ. Никакихъ дорогъ, никакого сообщенія, никакого признака разума въ этихъ дикихъ мѣстахъ».

Такимъ образомъ земля, сравнительно болѣе пригодная для жизни, оказывается не лучше и не годнѣе дѣвственныхъ лѣсовъ. Даже скорѣе тамъ создавалось впечатлѣніе мощи и величія: вась охва-

тывалъ священный ужасъ, имѣющій, по крайней мѣрѣ, свою красоту; здѣсь же насъ окружаетъ только уродливость и глупость; нѣтъ никакихъ слѣдовъ красоты, порядка, «никакого признака разума». «Человѣкъ не чувствуетъ здѣсь даже волненія; онъ просто испытываетъ отвращеніе»...

Человѣкъ, желающій посѣтить такія мѣста, принужденъ отыскивать тропинки, проложенныя дикими звѣрями, долженъ постоянно быть насторожѣнъ, чтобы не сдѣлаться ихъ добычей. Испуганный ихъ воємъ, потрясенный молчаніемъ великихъ пустынь, онъ возвращается обратно и говорить...

Говорить о необходимости цивилизаціи. (Это Бюффонъ вкладываетъ въ его уста). Цивилизація ведетъ неустанную борьбу съ природой, сначала оздоравливаетъ ее, а оздоровить, придаетъ ей новую красоту. Человѣкъ говоритъ: «Дикая природа мрачна и безжизненна; сколько я могу придать ей прелести и жизни (дѣйствительной жизни, привести ее въ цвѣтущее состояніе).осушимъ болота, оживимъ мертвыя воды, устроимъ для нихъ стоки, сдѣлаемъ изъ нихъ ручьи, каналы, воспользуемся прожорливой силой, которая была отъ насъ скрыта и приобрѣтелиемъ которой мы обязаны только себѣ (огнемъ), подожжемъ излишній хламъ, древніе лѣса, наполовину засохшіе; довершимъ топоромъ уничтоженіе того, съ чѣмъ не могъ справиться огонь».

Наконецъ, земля (по крайней мѣрѣ, тѣ ея части, куда сумѣлъ проникнуть человѣкъ съ топоромъ и съ огнемъ) очищена отъ собственныхъ развалинъ, освобождена отъ своего труна; остается ее оздоровить чи-

стымъ и свѣжимъ воздухомъ и проточными водами. Человѣкъ добьется этого терпѣніемъ и трудомъ: терпѣніе порождаетъ розы.

«Вскорѣ вмѣсто тростника и кувшинокъ, служившихъ жабѣ для образованія яда, появятся лютикъ, трилистникъ, мягкія, цѣлительныя травы; стада рѣзвѣщихся животныхъ покроютъ нѣкогда необитаемую землю. Находя здѣсь обильную пищу, вѣчно возрождающееся пастбище, они будутъ все болѣе и болѣе размножаться. Воспользуемся этими новыми помощниками для завершенія своей задачи; пусть воля, напряженный въ ярмо, примѣняетъ свои силы и тяжесть своей туши для обрабатыванія земли; пусть воздѣлываніе омолодитъ землю: нашими трудами создается новая природа».

Человѣкъ достигъ этого, потому что обладаетъ разумомъ; онъ, самый слабый и наиболѣе беззащитный изъ всѣхъ животныхъ, наложилъ на природу печать разума; въ началѣ былъ умъ, заглушенный, давленный необъятными силами природы; но постепенно человѣкъ извлекъ изъ него возможность властвовать надъ природой, управлять и оживлять ее дѣйствительной жизнью. Теперь онъ можетъ взглянуть на дѣло рукъ своихъ и сказать, что оно хорошо.

«Какъ прекрасна обработанная природа. Какъ пышно она разукрашена заботами человѣка. Онъ самъ составляетъ ея лучшее украшеніе, ея самое благородное порожденіе. Сколько невѣдомыхъ сокровищъ, новыхъ богатствъ! Сдерживаемые потоки, направляемые, введенные въ русло рѣки; море, покоренное, изслѣдованное, пересѣченное изъ конца въ конецъ; земля, вездѣ

доступны, вездѣ плодотворная; въ долинахъ смѣющиеся луга, въ равнинахъ богатая пастбища или еще болѣе богатая жатвы; пустыни, обратившіяся въ мѣстожителство огромнаго народа, находящагося въ постоянномъ передвиженіи; широкія многочисленныя дороги, пути сообщенія, установленныя вездѣ, какъ свидѣтели силы и единенія общества; множество другихъ памятниковъ славы и могущества, доказывающихъ, что человѣкъ, властелинъ земли, преобразовалъ всю ея поверхность и во всё времена (или, по крайней мѣрѣ, уже съ давнихъ временъ) раздѣлялъ съ природой господство надъ ней. Однако»...

Дѣйствительно обратите вниманіе. Человѣкъ не царь земли. Онъ только побѣдитель, а это большая разница. Она не принадлежитъ ему по непреложному повелѣнію Божію, не принадлежитъ съ сотворенія міра. Онъ надъ ней властвуетъ только потому, что покорилъ ее, и лишь до тѣхъ поръ, пока идетъ съ ней неутомимую борьбу. Объ этомъ никогда не надо забывать.

«Однако онъ царитъ *только по праву побѣды*. Онъ скорѣе пользуется, чѣмъ владѣетъ, сохраняетъ за собой господство только неустанными заботами; если онѣ прекращаются, все замираетъ, все остается-вліяется, измѣняется, все возвращается во власть природы, она вступаетъ въ свои права, изглаживаетъ слѣды трудовъ человѣка: мхомъ обрастаютъ его самые величественныя памятники, время ихъ разрушаетъ, и человѣку остается только сожалѣть, что онъ по своей винѣ потерялъ то, что его предки достигли трудами»...

Итакъ, будемъ работать безъ устали, чтобы побѣдить землю. Она наша вѣчная непокорная раба. Мы ее заковываемъ въ цѣпи, она ихъ разрываетъ, если мы ежедневно не перековываемъ ихъ вновь. Идетъ непрерывная борьба; природа ее поддерживаетъ инстинктивно, а мы—только усилиемъ воли. Природа никогда не засыпаетъ, а у насъ всегда есть склонность задремать.

Но борьба все-таки мирная, борьба братьевъ для общаго блага. Мы обязаны природѣ жизнью, она намъ обязана разумомъ и красотой; она насъ питаетъ, мы ее украшаемъ и возвышаемъ. Обѣ стороны необходимы другъ другу. Если мы не будемъ заботиться о природѣ, мы погибнемъ, но погибнетъ также и она въ томъ смыслѣ, что превратится въ «безжизненную» землю, описанную намъ Бюффеномъ. Поэтому человѣка можно назвать сыномъ земли, а землю дочерью человѣка. И работая надъ землей, скажемъ себѣ: «Для общаго блага будемъ работать дружно».

МОНТЕСКЬЕ

1872

0 республикѣ

Когда Монтескье писалъ свою книгу „Духъ законовъ“, онъ изучилъ всѣ образы правленія, всѣ входящія въ нихъ основу принципы, всѣ заключающіеся въ нихъ элементы силы, возможныя причины разложенія и разрушенія.

Мы приведемъ наиболѣе интересныя выдержки изъ его взгляда на Республику, добавивъ, въ случаѣ надобности, необходимыя объясненія.

Республика, по опредѣленію Боссюэ — такой образъ правленія, гдѣ всякій подчиняется только закону, и законъ могущественнѣе всѣхъ людей. Ея принципъ заключается въ добродѣтели, какъ честь (желаніе быть отличеннымъ) составляетъ принципъ монархіи, а страхъ — принципъ Государства деспотическаго.

Принципъ республики заключается въ добродѣтели; это не значитъ, что добродѣтель существуетъ только при республиканскомъ образѣ правленія; но если нѣтъ добродѣтели въ республикѣ, она быстрѣе движется къ упадку и быстрѣе приходитъ къ разрушенію, чѣмъ всякій другой строй.

Дѣйствительно, при деспотическомъ образѣ правленія, если глава государства мудръ и чутокъ, и всё его боится, то этого достаточно, чтобы дѣло шло хорошо. Въ монархическомъ государствѣ опять-таки достаточно, чтобы глава его былъ мудръ и чутокъ, и всё горѣли желаніемъ быть отличенными. Въ государствѣ, гдѣ нѣтъ главы, гдѣ нѣтъ страха, нѣтъ желанія быть отличенными и почтенными, необходимо, чтобы всё, или по крайней мѣрѣ громадное большинство, были мудры и чутки, т. е. добродѣтельны.

Подъ „добродѣтелью“ Монтескье подразумѣваетъ гражданскую добродѣтель, т. е. любовь къ родинѣ и къ законамъ родины.

Въ монархическомъ государствѣ тотъ, кто издаетъ законы, стоитъ выше закона и потому безъ всякаго героизма можетъ издавать для общаго блага суровые и даже жестокіе законы; но въ республикѣ гражданинъ, издающій законы, первый испытываетъ ихъ на себѣ и потому долженъ быть очень добродѣтельнымъ, чтобы издавать суровые законы:

„Очевидно, что въ монархическомъ государствѣ,— гдѣ тотъ, кто издаетъ законы, считаетъ себя выше закона,— требуется меньше добродѣтели, чѣмъ при народномъ правительствѣ, гдѣ тотъ, кто издаетъ законы, знаетъ что самъ подчиняется имъ и понесетъ ихъ тяжесть“.

Въ основѣ такой республиканской добродѣтели лежить любовь къ родинѣ и законамъ, направленнымъ къ благу родины. Но для достиженія этой добродѣтели необходимо усвоить себѣ всё другія; вѣдь эта добродѣтель зиждется на безкорыстіи, отреченіи отъ личныхъ выгодъ; она возможна только при самоотверженности, пренебре-

женіи такъ называемыми благами жизни, при любви къ равенству, бѣдности, воздержности.

Истинная любовь равенства и любовь къ истинному равенству заключается въ отсутствіи желанія возвыситься надъ другими и въ горячемъ желаніи принести родинѣ какъ можно больше пользы.

„Любовь къ равенству при демократическомъ правленіи ограничиваетъ честолюбіе единственнымъ желаніемъ принести родинѣ больше пользы, чѣмъ всѣ остальные граждане. Не всѣ должны оказывать одинаковыя услуги, но всѣ одинаково должны оказывать услуги. При рожденіи на себя принимаютъ громадныя обязательства, съ которыми никогда нельзя разсчитаться“.

Само собой разумѣется, что понимаемая въ такомъ смыслѣ любовь къ равенству не уничтожаетъ честолюбія и не допускаетъ зависти. Не уничтожаетъ честолюбія потому, что оно заключается теперь въ желаніи оказаться для блага родины болѣе полезнымъ, чѣмъ всѣ прочіе, а такое честолюбіе настолько сильно, что можетъ побудить человѣка на подвиги необыкновенной дѣятельности и доблести. Съ другой стороны, понимаемая такимъ образомъ любовь къ равенству не допускаетъ зависти и не создаетъ ее потому, что не дѣлаетъ различія между гражданами, проникнутыми стремленіемъ работать. Я хочу принести родинѣ больше пользы, чѣмъ другой,— такъ; но на человѣка, горящаго такимъ же желаніемъ, однако принесшаго меньше пользы, я смотрю какъ на равнаго себѣ, потому что его усердіе не меньше моего; мы приносимъ не одинаковую пользу, но одинаково проникнуты желаніемъ ее приносить. Но, если нѣтъ презрѣнія, нѣтъ и зависти. Вотъ истинная сущность равенства, вотъ

истинный принципъ любви къ равенству и его прямые послѣдствія.

Любовь къ бѣдности или пренебреженіе богатствомъ заключается почти въ томъ же.

„Бываютъ два рода бѣдныхъ народовъ: приведенные къ нищетѣ жестокостью правительства (народы обремененные податями) и бѣдные потому, что пренебрегаютъ удобствами жизни. Первые не способны почти ни на какую добродѣтель, потому что ихъ нищета зависитъ отъ ихъ рабства. Вторые способны на великіе дѣла, потому что бѣдность составляетъ часть свободы.“

Почему бѣдность, произвольная бѣдность, составляетъ часть свободы? На это отвѣчаетъ Боссюэ, указывая что „всего свободнѣе человѣкъ, довольствующійся малымъ“, и приводя въ примѣръ римлянина, возражавшаго самнитамъ, предлагавшимъ ему золотую посуду, что удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы ее имѣть, а въ томъ, чтобы повелѣвать тѣми, кто ею обладаетъ.

Дѣйствительная любовь къ бѣдности—это любовь къ трудолюбивой бѣдности. Надо принять во вниманіе слѣдующее:

„Человѣкъ бѣденъ не тогда, когда ничего не имѣетъ, но тогда, когда не работаетъ. Тотъ, у кого ничего нѣтъ и кто работаетъ, чувствуетъ себя не хуже человѣка, обладающаго сотнею червонцевъ дохода, ничего не дѣлая. Тотъ, кто не имѣетъ никакой собственности и знаетъ ремесло, не бѣднѣе собственника нѣсколькихъ десятинъ земли, принужденнаго ихъ обрабатывать, чтобы получить средства къ жизни. Ремесленникъ, оставившій дѣтямъ въ наслѣдство свое ремесло, награждаетъ ихъ богатствомъ,

увеличившимся соотвѣтственно ихъ числу. Но этого нельзя сказать про собственника нѣсколькихъ десятинъ земли, раздѣливаго ихъ между своими дѣтьми“.

Любовь къ трудолюбивой бѣдности, презрѣніе и опасеніе празднаго богатства ни что иное, какъ истинная бѣдность или переходъ къ ней; это вторая изъ республиканскихъ добродѣтелей, ведущихъ къ гражданской добродѣтели въ собственномъ смыслѣ и составляющихъ ея непремѣнное условіе.

Наконецъ воздержность мало чѣмъ отличается отъ любви къ бѣдности и составляетъ также одну изъ республиканскихъ добродѣтелей, условіе гражданской добродѣтели. Любовь къ воздержности заключается въ слѣдующемъ:

„Любовь къ равенству ограничиваетъ желаніе собственности размѣромъ, необходимымъ для насущныхъ потребностей семьи“.

Воздержность заключается въ умѣніи довольствоваться для себя необходимымъ, а слѣдовательно не жалѣть расходовъ на общественныя дѣла. Это вполне понятно, такъ какъ человѣкъ обладаетъ естественнымъ стремленіемъ къ роскоши. Находить удовлетвореніе этой потребности въ красотѣ общественныхъ памятниковъ и народныхъ празднествъ и не испытывать желанія удовлетворять ей у себя дома, но горячо чувствовать ее, когда дѣло касается украшенія города,—оба эти положенія непосредственно вытекаютъ другъ изъ друга и стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи.

„Такимъ образомъ хорошія демокретическія республики, установивъ домашнюю воздержность, широко распахнули дверь для общественныхъ расходовъ, какъ дѣ-

далось въ Афинахъ и въ Римѣ. Великолѣбіе и роскошь порождались воздержностью, и какъ религія требуетъ, чтобы руки были чисты при приношеніяхъ богамъ, такъ и законы стремились создать воздержные нравы, чтобы имѣть возможность жертвовать на алтарь родины“.

Итакъ, взглядъ на богатство, какъ на помѣху, и даже какъ на опасность, составляетъ республиканскую добродѣтель и въ частности—добродѣтель демократическую; богатство—помѣха, потому что отвлекаетъ гражданина отъ общественныхъ обязанностей, принуждаетъ его заботиться о личномъ достояніи, вмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ окружающихъ; богатство—опасность, потому что портитъ человѣка—и это такъ естественно, что человѣка богатаго, но неиспорченнаго своимъ богатствомъ, хочется спросить: „Такъ на что-же оно вамъ“? Слѣдовательно остается сказать, какъ Курій своимъ войнамъ: „Да не допустить боги, чтобы гражданину казалось мало земли, достаточной для пропитанія человѣка“. Кромѣ того обратите вниманіе, какая тѣсная связь существуетъ между воздержностью и равенствомъ: „Подобно тому, какъ равенство состояній поддерживаетъ воздержность, такъ воздержность поддерживаетъ равенство состояній. Оба положенія, хотя различныя, не могутъ существовать другъ безъ друга, они вытекаютъ одно изъ другого и взаимно дополняются: если одно исчезаетъ, другое неминуемо подвергается той же участи“.

Итакъ, любовь къ равенству, бѣдность, воздержанность—какъ бы три столпа гражданской добродѣтели, на которыхъ зиждется каждая республика.

Но, если сказать, что эти три добродѣтели составля-

ють неотъемлемое условие гражданской добродѣтели, а гражданская добродѣтель составляетъ душу и даже жизнь республики—это, какъ бы сказать, что всѣ добродѣтели должны лежать въ основѣ республики, что только добродѣтель въ самомъ широкомъ смыслѣ слова сохраняетъ жизнь республики, — однимъ словомъ, что республика должна быть добродѣтельной или вовсе не можетъ существовать. Монтескье не далекъ отъ этой мысли, и у него слово „добродѣтель“ примѣняется то въ ограниченномъ смыслѣ гражданской добродѣтели, то въ широкомъ смыслѣ добродѣтели вообще, *всѣхъ мужскихъ доблестей*. Монтескье не придаетъ значенія такому смѣшенію понятій, такъ какъ по его убѣжденію республика зиждется на патриотизмѣ, а патриотизмъ—на *добродѣтеляхъ*, наиболѣе важныхъ и стойкихъ.

Поэтому онъ указываетъ на исчезновеніе *добродѣтели*, какъ на причину паденія республики. Отсюда не далеко до исчезновенія *всѣхъ добродѣтелей*.

„Любопытное зрѣлище представляли въ прошломъ вѣкѣ (XVII) безсильныя старанія англичанъ установить у себя народовластіе. Люди, стоявшіе у дѣлъ, были совершенно лишены добродѣтелей; ихъ честолюбіе было раздражено успѣхомъ того, кто дерзнулъ болше всѣхъ (Кромвель); заговоры слѣдовали одинъ за другимъ, при томъ правительство постоянно мѣнялось; изумленный народъ искалъ народовластія и вездѣ не находилъ его. Наконецъ, послѣ многихъ волненій и потрясеній, пришлось опять вернуться къ осужденному раньше образу правленія. Когда Сулла хотѣлъ вернуть свободу Риму, то тотъ не могъ уже ею воспользоваться: въ немъ оставалось слишкомъ мало добродѣтели, да и та постепенно

исчезала. Въѣсто того, чтобы возрождаться послѣ Цезаря, Тиверія, Кля, Клавдія, Нерона, Домиціана, — Римъ все болѣе и болѣе обращался въ раба; „*всѣ удары были направлены противъ тирановъ, но не одинъ—противъ тираннiи*“.

Монтескье подробно описываетъ послѣдствія исчезновенія гражданской добродѣтели и добродѣтелей, лежащихъ въ ея основѣ. Это описаніе,—въ то же время психологическій анализъ, гдѣ Монтескье обнаруживаетъ себя такимъ же глубокимъ моралистомъ, какъ проницательнымъ политикомъ.

„Когда эта добродѣтель исчезаетъ, честолюбіе наполняетъ сердца, готовыя его воспринять, и скупость (алчность, страсть къ стяжанію) овладѣваетъ всѣми. Цѣль желаній измѣняется; вѣтъ больше любви къ тому, что возбуждало ее раньше: раньше свобода была *при законахъ*, теперь хотя бы свободы *вопреки законамъ*; что было правиломъ, называютъ строгостью, что было постановленіемъ, называютъ стѣсненіемъ; что было вниманіемъ, называютъ страхомъ. Скупость называется воздержностью, а не стремленіемъ къ стяжанію. Раньше собственность частныхъ лицъ составляла общественное достояніе, теперь общественное достояніе обратилось въ собственность частныхъ лицъ. Республика расхищается, государство превратилось въ добычу, разрываемую на части (Монтескье вспоминаетъ слова Расина: „Государство не на лѣдіе одного хозяина“, т. е. государство не добыча, которую захватываетъ себѣ одинъ хозяинъ, чтобы ею пользоваться), и ея сила—не болѣе какъ власть нѣкоторыхъ гражданъ и своеволіе остальныхъ“.

Отсюда слѣдуетъ, что въ республикѣ, и особенно въ

республикѣ демократической, необыкновенно важно воспитаніе. Воспитаніе, конечно, соответствуетъ принципу образа правленія. Въ деспотическомъ государствѣ въ его основу положенъ страхъ, въ монархическомъ государствѣ—честь, въ республиканскомъ государствѣ—добродѣтель. Въ деспотическомъ государствѣ стараются подготовить людей, приученныхъ къ повиновенію.

„Но безпрекословное повиновеніе предполагаетъ въ повинующемся невѣжество; оно предполагаетъ его также въ томъ, кто стоитъ во главѣ: ему не приходится разсуждать, сомнѣваться, размышлять, ему остается только хотѣть. Такимъ образомъ воспитаніе въ деспотическихъ государствахъ сводится къ ввѣдренію страха въ сердца и ознакомленію ума съ наивростѣйшими принципами религіи. Знаніе здѣсь опасно, соревнованіе—недопустимо, а что касается добродѣтелей, Аристотель полагаетъ, что онѣ немыслимы у рабовъ. Этимъ воспитаніе значительно ограничивается при такомъ образѣ правленія“.

Въ монархіяхъ не деспотическихъ существуетъ три формы воспитанія: воспитаніе, получаемое отъ родителей, получаемое отъ учителей и получаемое въ общественной жизни, причемъ послѣднее совершенно противорѣчитъ двумъ первымъ. Но оно-то и есть настоящее.

„Въ монархіи—главное воспитаніе получается не въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются дѣти;—воспитаніе начинается, собственно говоря, только при вступленіи въ жизнь. Здѣсь—школа такъ называемой чести, нашего всегдашняго руководителя. Здѣсь мы постоянно слышимъ три правила: „Надо въ добродѣтель вносить извѣстное благородство, въ нравы извѣстную простоту, въ обхожденіе извѣстную учтивость“. Честь имѣетъ свои

правила, и воспитаніе должно съ ними сообразоваться. Первое гласитъ, что намъ вполне дозволено дорожить своимъ состояніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не жизнью. Второе заключается въ томъ, что разъ мы занимаемъ извѣстное положеніе, мы не должны допускать ничего, что бы обнаружило наше несоотвѣтствіе своему положенію. Третье состоитъ въ томъ, что *все, запрещаемое честью, запрещается еще строже, если законы не предписываютъ этого, и все, требуемое ею, требуется еще настойчивѣе, если законы не предъявляютъ подобнаго требованія*“.

Благодаря этому у монархическихъ вародовъ, или долго прожившихъ при монархическомъ образѣ правленія, существуютъ правила чести, стоящія выше закона, болѣе суровыя, болѣе властныя; и благороденъ тотъ, кто въ отличіе отъ людей, повинующихся только законамъ, признаетъ прежде всего спеціальныя законы чести, ставя ихъ выше другихъ законовъ.

Наконецъ, въ республикѣ цѣлью воспитанія является добродѣтель, въ особенности постоянное принесеніе личности въ жертву государству или, во всякомъ случаѣ, забота о государствѣ больше, чѣмъ о самомъ себѣ. Прежде всего надо замѣтить, что соотвѣтствующее воспитаніе всего важнѣе именно при республиканскомъ образѣ правленія.

„Могущественное вліяніе воспитанія важнѣе всего при республиканскомъ образѣ правленія. Въ деспотическихъ государствахъ *страхъ* развивается самъ собой, благодаря угрозамъ и карамъ; въ монархіяхъ страсти благопріятствуютъ *чести*, и честь въ свою очередь благопріятствуетъ страстямъ; но политическая добродѣтель

заключается въ *самоотреченіи*, что всегда вещь очень тяжелая. Эту добродѣтель можно опредѣлить какъ *любовь къ законамъ и къ родинѣ*. Такая любовь, требуя постоянного предпочтенія общественныхъ интересовъ своимъ личнымъ, *развиваетъ всѣ остальные добродѣтели*; онѣ воплощаются въ такомъ самоотреченіи. (Здѣсь Монтескье прямо признаетъ, что политическая добродѣтель *вмѣщаетъ всѣ добродѣтели*, ихъ предполагаетъ или развиваетъ). Такая любовь свойственна демократическимъ республикамъ. Дѣйствительно, только въ нихъ правительство довѣрено всѣмъ гражданамъ. А правительство подобно всему на свѣтѣ: чтобы его сохранить, надо его любить. Никто не рѣшится сказать, что короли не любятъ монархію, а деспоты ненавидятъ деспотизмъ. Поэтому въ республикѣ необходимо развивать такую любовь, и на это должны быть направлены всѣ усилія воспитанія. Но, чтобы внушить ее дѣтямъ, существуетъ вѣрное средство, а именно: чтобы ею проникнуты были отцы. Обыкновенно родители передаютъ дѣтямъ свои познанія, но еще легче передаются страсти... Не юношество вырождается: оно гибнетъ только въ томъ случаѣ, если зрѣлые люди уже испорчены“.

Итакъ: все воспитаніе у народовъ, принявшихъ республиканскій образъ правленія, направлено на развитіе любви къ добродѣтели. Другими словами: воспитаніе у республиканскихъ народовъ должно быть всецѣло воспитаніемъ нравственнымъ. При этомъ условіи республика утверждается, развивается и отдаляетъ минуту своего паденія.

Также авторитетно описываетъ Монтескье, какъ на-

ступаетъ это паденіе. „Правительства гибнутъ“—это одна изъ аксіомъ *Монтескье*—„благодаря небреженію или злоупотребленію своими принципами; республики разрушаются или потерявъ, подобно Риму, духъ равенства и забывъ старыя привычки: любовь къ бѣдности, воздержности, пренебреженіе къ богатству и благамъ жизни, или, подобно Афинамъ, преувеличивъ до крайности принципъ равенства“.

„Принципъ народовластія гибнетъ не только при исчезновеніи духа равенства, но и при чрезмѣрномъ развитіи духа равенства, когда каждый стремится быть равнымъ тѣмъ, кого избралъ, чтобы собой руководить. Въ этомъ случаѣ народъ, не желая признавать имъ же врученную власть, хочетъ все дѣлать самъ, обсуждать дѣла вмѣсто Сената, принять на себя власть исполнительную, замѣнить собой судей. (Вслѣдствіе того въ республикѣ уже не можетъ быть больше добродѣтели, такъ какъ *политическая добродѣтель* заключается именно въ предпочтеніи, отдаваемомъ общественнымъ интересамъ передъ своими собственными). Народъ принимаетъ на себя обязанности исполнительной власти, слѣдовательно уже не подчиняется ей. Постановленія Сената признаются недостаточно вѣскими, слѣдовательно нѣтъ болѣе уваженія къ сенаторамъ и старцамъ. Если нѣтъ уваженія къ старцамъ, нѣтъ его и къ отцамъ; мужья не встрѣчаютъ послушанія, хозяева—повиновенія. Всѣ приучаются къ своеволію. Стѣсненіе, налагаемое руководствомъ, утомляетъ не мевѣ повиновенія. Женщины, дѣти, рабы не признаютъ подчиненія никому. Исчезаетъ нравственность, любовь къ порядку, и наконецъ, отъ добродѣтели не остается ничего“.

Когда не останется гражданской добродѣтели, безу-
словно необходимой при республикѣ; когда гибнутъ всѣ
добродѣте и, составляющія основу: любовь къ бѣдности,
любовь къ равенству, любовь къ воздержности; когда
дѣлается невозможнымъ воспитаніе, внушающее эти доб-
родѣтели, — воспитаніе глубоко нравственное, глубоко
патріотическое и глубоко добродѣтельное, — когда всѣ
добродѣтели исчезаютъ и остается только необузданная
любовь къ равенству, неуваженіе къ властямъ, — респуб-
лика гибнетъ, и на ея мѣстѣ воцаряется деспотизмъ.

ВОЛЬТЕРЪ

Объ удовольствіи и страстяхъ

Вольтеръ написалъ нѣсколько «Размышленій о чловѣкѣ», т.-е. разсужденій о нравственности. Нравственность въ этихъ разсужденіяхъ не особенно уточненная, не особенно возвышенная, но все-таки удовлетворительная, если ея строго придерживаться и не позволять себѣ никакихъ отступленій. «Пятое размышленіе», озаглавленное «О природѣ удовольствія» трактуетъ—какъ видно изъ названія—объ удовольствіи.

Вольтеръ размышляетъ о томъ, что такое удовольствіе, и какую оно приноситъ пользу чловѣку. Присоединяясь къ древней школѣ эпикурейцевъ, онъ утверждаетъ, что люди, отвергающіе удовольствіе и гнѣвно на него ополчающіеся, заблуждаются. Съ этого онъ начинаетъ:

«До какихъ поръ неистовый мечтатель будетъ закрывать для міра небеса и деспотическимъ тономъ, проклиная родъ людской—въ то же время воображая, что наставляетъ его на истинный путь,—проповѣ-

дывать намъ добродѣтель, чѣмъ вызываетъ къ ней ненависть? Этотъ мрачный и строгій безумецъ вѣрить, что Богъ, подобно ему, дѣйствуетъ только въ гнѣвѣ. Мнѣ кажется, что я вижу передъ собой презрѣннаго министра, тирана, окруженнаго печальными рабами, которыхъ онъ самъ создалъ, и диктующаго свои мрачныя распоряженія отвратительнымъ голосомъ».

Онъ, Вольтеръ, вѣрить въ Бога добраго и милосерднаго: «Я ищу Бога болѣе милостиваго и болѣе милостивыхъ его служителей... Я человѣкъ и преклоняюсь предъ Богомъ милосерднымъ».

Авторъ полагаетъ, что «Богъ управляетъ природою по законамъ движенія, но человѣкомъ—по законамъ удовольствія (только не слѣдуетъ ихъ ошибочно понимать)». Дѣйствительно, каждый поступокъ человѣка вызывается потребностью, удовлетвореніе которой приноситъ удовольствіе. Напротивъ, бездѣятельность, подобно воздержанію, внушается человѣку болью или болѣзнию, начало которой онъ въ себѣ чувствуетъ; всякое же дѣйствіе, наоборотъ, вызывается удовольствіемъ, которое оно сулитъ и которое начинается одновременно съ дѣйствіемъ, имѣющимъ въ виду это удовольствіе.

«Всякій смертный обязанъ своимъ существованіемъ удовольствію, и благодаря ему тѣло дѣйствуетъ, сердце чувствуетъ, человѣкъ думаетъ. Смыкаетъ ли сладкій сонъ ваши очи, любуетесь ли вы чудными небесами днемъ, или ищете, побуждаемые голодомъ, себѣ пищу—всюду Божья милость присоединяетъ къ вашимъ нуждамъ необходимое удовольствіе. Однимъ словомъ,

нѣтъ у человѣка другого двигателя. Въ доказательство того идемъ отъ противнаго. Что такое боль? Предупрежденіе остерегаться смерти. Боль насъ предупреждаетъ, что совершаемое нами дѣйствіе для насъ вредно и отъ него надо старательно воздерживаться (что не вполнѣ вѣрно: зубная боль, напримѣръ, доставляетъ жестокія мученія, однако эта бользнь нисколько не грозитъ смертью; съ другой стороны, бользнь сердца смертельна, однако въ теченіе многихъ лѣтъ не причиняетъ никакой боли. Слѣдовательно, боль иногда предупреждаетъ насъ объ опасности, а иногда нѣтъ, и отсутствіе боли иногда вселяетъ въ насъ справедливую безпечность, часто ошибочную. Но въ общемъ теорія Вольтера содержитъ долю истины. Итакъ:

«Смертные, всегда и всюду, признавайте въ своихъ удовольствіяхъ Бога. И не только въ вашихъ удовольствіяхъ! Даже въ страданіяхъ я познаю высшую премудрость Божию. Это чувство, столь быстро возникающее, вложено въ наши сердца, чтобы стоять на стражѣ среди окружающихъ насъ опасностей. Оно постоянно заботливо предупреждаетъ насъ: «Сохраняйте, защищайте свою жизнь». Только у мрачныхъ ханжей самоохрана въ опалѣ. Они говорятъ: «Это врагъ человѣка—порожденіе ада». Ошибаетесь, неблагодарные—это даръ Самого Бога. Всякая любовь—отъ неба; Богъ насъ любитъ—любить въ насъ образъ свой. Мы любимъ себя въ Богѣ, въ нашемъ достоинствѣ, въ нашихъ дѣтяхъ, въ согражданахъ, а главное—въ друзьяхъ. Эта необходимая любовь—душа нашей души. Итакъ, надо любить. Надо любить разумно, спокой-

но, съ разборомъ, но надо любить другъ друга. Для того, чтобы мы любили себя разумно, Богъ даровалъ намъ удовольствіе, предупреждающее насъ о томъ, что для насъ полезно, и боль, предупреждающую о томъ, что для насъ вредно. Мы можемъ смѣло довѣряться этимъ руководителямъ. Но кромѣ того, у насъ есть желанія, ниспосланныя Богомъ, или не Имъ; а когда эти желанія становятся упорными и сильными, ихъ называютъ страстями. Какъ надо относиться къ страстямъ? Тутъ Вольтеръ находится въ затрудненіи. Дѣйствительно, страсти всегда сопровождаются удовольствіемъ въ началѣ ихъ власти надъ нами, и всегда приносятъ мученіе, когда вполне завладѣютъ нами. Слѣдовательно, ихъ нельзя признать руководителями ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Какъ же слѣдуетъ къ нимъ относиться? Вольтеръ отвѣчаетъ, что ихъ надо придерживатся, пока онѣ доставляютъ удовольствіе, и избѣгать, какъ только, благодаря излишествамъ, онѣ начинаютъ причинять мученія. Приблизительно такъ-же рассуждалъ Декартъ. Онъ полагалъ, что *всякая страсть имѣетъ хорошую сторону и полезное значеніе*, но полезное значеніе она имѣетъ только въ томъ случаѣ, если ее брать съ хорошей стороны. Трудность заключается въ томъ, какъ бы не ошибиться и настолько владѣть своей страстью, чтобы брать ее только съ хорошей стороны. Между тѣмъ, настолько владѣть страстью, чтобы такъ тонко въ пей разбираться, значитъ, вовсе не имѣть ее. Вольтеръ совѣтуетъ слѣдовать внушеніямъ страсти, пока она доставляетъ только удовольствіе, и воздерживается отъ нея, какъ только она начи-

насть причинять мученія. Но если мы будемъ признавать страсть лишь до тѣхъ поръ, пока она намъ будетъ доставлять разумное и здоровое удовольствіе, и если мы способны съ ней разстаться, какъ только она намъ покажется опасной,—значить, она нами не владѣла или, вѣрнѣе, ее у насъ не было. Въ сущности страсть, если она не принимаетъ деспотическаго характера, не болѣе, какъ *подражаніе страсти*,—то страсть притворная, допускаемая ради удовольствія, и надо сознаться, что въ такомъ видѣ она не представляетъ никакой опасности, такъ какъ не существуетъ. Если страсть дѣйствительно существуетъ, невозможно, слѣдуя совѣту Декарта, брать ея хорошую сторону и устранять дурную; невозможно также, по совѣту Вольтера, допускать страсть, пока она безвредна и пріятна, и воздерживаться отъ нея, когда она становится роковой. Вольтеръ слѣдующимъ образомъ излагаетъ свою теорію о страсти:

«Да, чтобы возвысить насъ до великихъ дѣлъ, Господь, въ своей благости, далъ намъ страсти. При всей его опасности—это небесный даръ. Пользованіе имъ даетъ счастье, такъ же, какъ злоупотребленіе—ведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ. Я восхищаюсь сердцемъ, умѣющимъ покорять свои желанія законамъ и отрывающимся отъ рода людскаго ради Бога, создавшаго насъ—сердцемъ, старающимся скорѣе избѣгать людей, чѣмъ знать ихъ, и горя пламенною любовью къ своему Богу, убѣгающимъ отъ дозволенныхъ удовольствій, ради высшей радости; но такого сердца мнѣ не жаль».

Не трудно догадаться, что Вольтеръ, страстный по-

лемпствъ, имѣеть здѣсь въ виду яansenистовъ—черезчуръ суровыхъ христіанъ, мѣтко прозванныхъ «стойками христіанства», требовавшихъ полного отреченія отъ земныхъ радостей ради «вышей радости на небесахъ» и отреченія отъ всѣхъ страстей во избѣжаніе ошибокъ. Въ опредѣленіи ихъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ. Вольтеръ обрушивается на нихъ съ своимъ всегдашнимъ пыломъ.

«Но если, гордясь своимъ крестомъ, тщеславясь своей воздержностью, и особенно въ тайнѣ, тяготясь своими страданіями, такой человѣкъ осуждаетъ въ насъ все, отъ чего онъ отрекся—бракъ, отца и общество,—то въ этой гордости обнаруживается уже глубокое тщеславіе; этотъ человѣкъ—скорѣе врагъ всего міра, чѣмъ другъ Господа. Въ его печаляхъ проглядываетъ сожалѣніе объ удовольствіяхъ».

Небо вложило въ насъ сердце: ему нужны желанія. Эти новѣйшіе стойки идутъ по стопамъ древнихъ: они хотятъ преобразовать человѣка; и вмѣсто того губятъ его. (Лафонтенъ выразилъ эту мысль въ очень мягкой формѣ въ своей баснѣ, озаглавленной: «Философъ-скивъ»).

Вольтеръ высказываетъ ту же мысль, только въ болѣе рѣзкой формѣ. «Въ глубокой древности былъ царь Іолка, но имени Пелей, сынъ Нептуна. Его дочери, любившія его, вида, что онъ состарился, рѣшили вернуть ему молодость и обратились къ волшебницѣ Медеѣ. Последняя, питавшая къ нимъ злобу, посоветовала имъ разрѣзать отца на части и бросить въ кипящій котелъ. Искромсанное тѣло не возродилось ни къ молодости, ни къ жизни».

«Отрѣзать члены старца, которому не суждено болѣе ожить»,—говорить по этому поводу Сенека. Стойки древніе и современные продѣлываютъ то же самое: они отрѣзаютъ члены человѣка, чтобы его обновить и подвергаютъ преждевременной смерти. Вольтеръ развиваетъ эту мысль:

«Вы, возстающіе противъ человѣческаго,—развѣ вы не читали мудрыхъ древнихъ писателей?.. Развѣ вы не знаете дочерей Пелея? Въ своемъ ослѣпленіи и безумствѣ онѣ думали, что могутъ идти наперекоръ времени и природѣ и вернуть отцу свѣжесть юныхъ лѣтъ. Изъ сожалѣнія къ нему онѣ вскрыли ему грудь, думая омолодить его, и—убили. Вотъ вамъ портретъ, ослѣпленныхъ стоекъ древнихъ и современныхъ: они хотятъ измѣнить человѣка, уничтоживъ его».

Итакъ, слѣдуетъ обуздывать свои страсти, но не вырывать ихъ съ корнемъ. «Надо быть мудрымъ съ умѣренностью», какъ сказалъ Мольеръ, повторяя слова апостола; владѣть своими страстями, не давая имъ власти надъ собой, управлять ими, не подчиняясь имъ.

«Пользуйтесь, но не злоупотребляйте»,—таковъ завѣтъ мудреца. Я одинаково избѣгаю Эпиктета и Петронія. (Т.-е. главы школы стоекъ и самаго блестящаго представителя школы эпикурейцевъ). «Полная воздержность или излишество никогда не приносили хорошихъ плодовъ».

Вольтеръ заключаетъ просьбой не смѣшивать его съ эпикурейцами; онъ не хочетъ внушать, что всѣ страсти полезны, и что имъ надо подчиняться; онъ

только совѣтуетъ относиться къ нимъ съ осторожностью и выбирать лучшія.

«Стало быть, я не хочу быть опаснымъ ораторомъ, утверждающимъ, что надо снять узду съ человѣческихъ страстей: я хочу твердо держать вожжи этихъ скакуновъ; я хочу, чтобы этотъ потокъ приносилъ нашимъ полямъ помощь, не затопляя ихъ, а орошая. Пусть вѣтры очищаютъ воздухъ, но не превращаются въ бурю; пусть солнце проходитъ надъ нашими головами, давая намъ свѣтъ, но не сжигая насъ».

Вольтеръ образно выражаетъ свою мысль: надо отдаваться страстямъ, сдерживая ихъ въ должныхъ границахъ. Съ другой стороны, какъ мы уже указали, онъ совѣтуетъ выбирать болѣе безобидныя.

«Господь мыслящихъ существъ, Господь, владѣющій счастливыми сердцами, сохрани желанія, вложенныя въ меня Тобою! Стремленіе къ дружбѣ, желаніе учиться, любовь къ искусствамъ и уединенію,—вотъ мои страсти»...

Нельзя не согласиться, что это страсти вполне безвредныя. Но слабость системы обнаруживается совѣтомъ не довѣрять страстямъ, принимать ихъ, такъ сказать, въ малыхъ дозахъ, отстранять отъ себя сильныя страсти, называть страстью простую склонность. Такимъ образомъ, эпикуреецъ, окончательно высказавшись, очень близко подходитъ къ отрицаемому имъ стоицизму. Этимъ Вольтеръ исчерпываетъ вопросъ, и послѣ такого заключенія слѣдуетъ личный эпилогъ, гдѣ Вольтеръ говоритъ о своихъ склонностяхъ, радуется обладанію ими и, по обыкновенію, не упускаетъ случая поставить себя въ примѣръ всему свѣ-

ту. «Вот мои страсти: ими всегда наслаждалась и утѣшалась моя душа. Когда на берегахъ Майна два варвара, грубые нарушители людскихъ законовъ, два дипломированныхъ мошенника, извѣстные разбойники, преслѣдовали меня съ своей подлой жестокостью»...

(У Вольтера было много враговъ въ Германіи, поэтому не будемъ тратить времени за разгадываніе собственныхъ имепъ, подразумѣваемыхъ Вольтеромъ, и признаемъ просто, что запятія помогали забывать о преслѣдованіи недоброжелателей).

«... работа укрѣпляла мою спокойную стойкость; прибѣжищемъ моимъ были искусства, невѣдомыя имъ. Такъ богъ лѣсовъ брался за свирѣль, когда воръ Какъ похищаль у него его стадо: Панъ не переставалъ играть».

Какъ былъ великанъ, полу-человѣкъ, полу-сатиръ, сынъ Вулкана, изрыгавшій потоки пламени. Онъ жилъ въ пещерѣ на Авертинѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ построенъ Римъ, и воровалъ стада. Вольтеръ предполагаетъ даже, что онъ воровалъ стада у Пана, бога лѣсовъ, хотя на это нигдѣ не встрѣчается указаній. Онъ былъ убитъ Геркулесомъ, котораго тоже хотѣлъ обворовать. «Счастливъ, кто до скончанія жизни, любя искусства, можетъ предаваться имъ. Онъ слѣпо взираетъ на несправедливость, успокаиваетъ себя въ минуты неудачъ, прощаетъ смертнымъ, смѣется надъ ихъ бредомъ и передъ смертью слабѣющей рукой еще бряцаетъ на лирѣ».

Вольтеръ здѣсь нѣсколько отклоняется въ сторону и восхваляетъ жизнь, посвященную литературѣ и искусству, въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Человѣкъ, посвятившій себя искусству даже въ самых скромныхъ размѣрахъ, доступныхъ каждому, подготавливаетъ для себя прежде всего великое утѣшеніе въ старости. Искусствомъ можно заниматься до послѣдняго дня, поэтому Вольтеръ говоритъ: «До самаго конца жизни». Талейранъ говорилъ: «Вы не умѣете играть въ вистъ? Какую вы себѣ приготовляете старость!» Искусство служить еще большимъ подспорьемъ въ старости, такъ какъ для занятія имъ не требуется троихъ соучастниковъ. Затѣмъ человѣкъ, посвятившій себя искусству, можетъ презирать «несправедливость», если она не слишкомъ глубока, что случается рѣдко. Она скользитъ мимо него, потому что художникъ, удовлетворенный своимъ искусствомъ, не честолюбивъ, а только честолюбецъ страдаетъ при видѣ вниманія, оказаннаго другому въ ущербъ ему. Кромѣ того, художникъ, когда имъ овладѣваетъ печаль, успокоиваетъ и зачаровываетъ себя своимъ искусствомъ: «У меня никогда не было такого горя, что не разбѣялось бы послѣ часа чтенія»,—говоритъ Монтескье. Это можетъ показаться немного страннымъ. Надо вспомнить, что Монтескье былъ мыслителемъ и читалъ не такъ, какъ всѣ: онъ читалъ, обсуждая все прочитанное, вкладывая въ него собственные мысли. Такимъ образомъ, чтеніе для него было работой артиста, подобной работѣ художника, музыканта, писателя. Послѣ этого слова Монтескье становятся понятными, и для насъ очевидно, что онъ раздѣляетъ мысль Вольтера: «Искусство утѣшаетъ художника въ горѣ». Кромѣ того, художникъ или просто человѣкъ, занимающійся искусствомъ, хотя бы въ

скромныхъ размѣрахъ, прощаетъ людямъ и смѣется надъ ихъ изступленіемъ. «Прощаетъ людямъ», слѣдовательно, «презираетъ несправедливость». Прощаетъ людямъ, потому что подъ покровомъ своего искусства онъ недосыгаемъ для ихъ злобы, нечувствителенъ къ несправедливостямъ. Ему легко простить обиду, потому что намѣреніе, не достигшее цѣли, легко прощается. Онъ «смѣется надъ ихъ преступленіемъ»; вѣдь намѣреніе уязвить, не достигшее цѣли, очень забавно; оно подобно «бессильной злобѣ», о которой говорятъ Лабрюеръ и Стендаль: «Она составляетъ муку для одержимаго ей и забаву для того, на кого направлена».

«Умиряющей рукой онъ еще бряцаетъ на лирѣ», — намекъ на полумифическаго поэта Анакреона, слагавшаго, по словамъ легенды, до глубокой старости красивые стихи, улыбавагося жизни и поучавшаго людей встрѣчать ее улыбкой.

Возвращаясь къ общей мысли «разсужденія», мы должны сказать, что взглядъ на удовольствіе, какъ на нашего руководителя — мысль ложная, потому что признавая удовольствіе руководителемъ, его необходимо ограничивать, направлять, сдерживать, доводить въ концѣ-концовъ до мудрости, такъ что лучше было бы прямо провозгласить руководительницей мудрость. Именно къ такому выводу приводитъ «размышленіе» Вольтера. Эпикурейцами принято слѣдующее положеніе: удовольствіе составляетъ цѣль, къ которой надо стремиться, но удовольствіе, достигаемое безъ бдительнаго вмѣшательства мудрости не составляетъ удовольствія, поэтому будемъ стремиться къ удоволь-

ствію подѣ строгимъ надзоромъ мудрости. Проще было бы сказать: «Руководитесь мудростью и будьте увѣрены, что подѣ ея руководствомъ вы достигнете извѣстнаго удовольствія, наиболѣе вѣрнаго изъ всѣхъ. Въ сущности это одно и то же, только во второмъ случаѣ вопросъ лучше поставленъ.

Что касается страстей, то Вольтеръ, какъ мы видѣли, говорить, во-первыхъ, что онѣ не всегда пагубны; во-вторыхъ, что ихъ надо сдерживать въ должныхъ границахъ; въ-третьихъ, что изъ нихъ надо выбирать лучшія. Сколько усилій, чтобы не сказать прямо, что страсти надо подавлять, обуздывать по мѣрѣ силъ. Сдерживать страсти настолько, чтобы онѣ превращались въ разумныя склонности, не значить ли это ихъ подавлять, какъ страсти, потому что страсти всегда бываютъ сильными, и такъ-называемыя страсти—ничто иное, какъ непомерно усилившіяся склонности. «Избирать страсти, дающія намъ только счастье». Будемъ говорить откровенно, не значить ли это—изъ страстей выбирать все разумное, и не проще ли сказать въ такомъ случаѣ: «Будьте разсудительны». «Легче подавить страсть, чѣмъ ее сдерживать». Такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ, но по нашему мнѣнію, оно справедливо. Конечно, нужна большая сила воли, чтобы подавить страсть; но нужна еще большая сила воли, чтобы разрѣшать ей то-то и то-то до извѣстной точки и не дозволять переступать опредѣленной границы, чтобы постоянно поддерживать такое крайнее утомительное и крайне опасное равновѣсіе. Поэтому требованіе: «Подавляйте страсти»,—гораздо ближе даже къ практи-

ческой истинѣ. Остается еще наиболѣе сильный доводъ изъ аргументаціи эпикурейцевъ. Они говорятъ: «Развѣ человѣкъ можетъ дѣйствовать иначе, какъ подъ вліяніемъ страсти? Нѣтъ. Слѣдовательно, совѣтуя ему подавлять страсти, вы его убиваете». Это было бы совершенно вѣрно, если бы *самъ разсудокъ не превращался въ страсть*. Но именно это и случается. Стремленіе быть мудрымъ, быть разсудительнымъ, не имѣть страстей—обращается въ страсть, такую же сильную, такую же всепоглощающую, какъ остальные, и дѣйствуетъ на людей, какъ страсть. Разумъ, овладѣвшій энергичной душой, та-же страсть, преодолевающая всѣ страсти и благо человѣка, заключается въ страстномъ повиновеніи страсти, преодолевающей всѣ остальные. Вотъ въ чемъ заключается, по нашему мнѣнію, истина; однако «Размышленіе» Вольтера нельзя не признать за одно изъ лучшихъ произведеній, внушенныхъ разсудочнымъ эпикурействомъ.

Ж. Ж. РУССО

Воспоминанія сельской жизни

Руссо былъ великимъ философомъ XVII вѣка. Его величайшей заботой было возвращеніе людей къ любви и почитанію природы. Поэтому интересно узнать, какъ онъ самъ ее понималъ и любилъ, а это ясно изъ того, какъ онъ ее описываетъ. Нѣкоторое время своей бурной жизни онъ провелъ на островѣ С. Пьеръ, среди Біенскаго озера въ Бернскомъ кантонѣ. Вотъ, какъ онъ описываетъ островъ, озеро и жизнь, какую онъ тамъ велъ:

„Изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ я жилъ (а мнѣ приходилось жить въ прелестныхъ уголкахъ), ни одно не доставило мнѣ столько истиннаго счастья, не возбуждало такого нѣжнаго сожалѣнія, какъ островъ С. Пьеръ среди Біенскаго озера. Эготъ маленькій островъ, называемый въ Невштателѣ островомъ де ла-Моттъ, мало извѣстенъ даже въ Швейцаріи. О немъ не упоминаетъ, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ путешественникъ. Однако онъ очень красивъ и удивительно приспособленъ для счастья человѣка, обратившагося въ добровольнаго изгнанника,

любящаго уединеніе, жизнь вдали отъ міра и людей (такъ какъ я не допускаю мысли, что я одинъ обладаю такой естественной склонностью, хотя до сихъ поръ не наблюдалъ ее больше ни въ комъ)“. Руссо постоянно смѣется надъ людьми, не переносящими одиночества, и съ чувствомъ тайнаго удовольствія замѣчаетъ, что онъ единственный человѣкъ, любящій уединеніе.

Берега Віенскаго озера болѣе дики и романтичны, чѣмъ берега Женевскаго озера, потому что скалы и лѣса ближе подходятъ къ водѣ, но не менѣе веселы. Если здѣсь меньше обработанныхъ полей и виноградниковъ, меньше городовъ и домовъ, за то здѣсь больше природной зелени, луговъ, тѣнистыхъ рощъ, болѣе рѣзкихъ контрастовъ и чаще сочетанія случайностей.

Очевидно. Віенское озеро сильно плѣнило воображеніе и сердце Ж. Ж. Руссо, если онъ предпочитаетъ его своему любимому Женевскому озеру. Оно болѣе романтично, — по его выраженію, тогда еще только что входившему въ употребленіе, — т. е. болѣе „дико“ не такъ цивилизовано, не такъ напоминаетъ о работѣ, промышленности и изобрѣтеніяхъ человѣка, не пользующихся вообще благосклонностью Руссо. Здѣсь онъ чувствуетъ себя ближе къ первобытной природѣ.

Такъ какъ вдоль этихъ счастливыхъ береговъ нѣтъ большихъ дорогъ, удобныхъ для экипажей, то путешественники мало посѣщаютъ этотъ уголокъ, но онъ интересенъ для уединенныхъ созерцателей, восторгающихся на досугѣ прелестями природы, любящихъ сосредоточиться въ молчаніи, не нарушаемомъ никакимъ шумомъ, кромѣ крика орловъ, прерывистаго пѣнія птицъ и грохота потоковъ, низвергающихся съ горъ.

Отдавшись безъ помѣхи мечтательности, Руссо истинно все-таки придерживается извѣстнаго порядка. Прежде всего онъ описываетъ общее впечатлѣніе: уединеніе и тишину. Потомъ онъ приступаетъ къ описавію широкими мазками. Затѣмъ останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ и наконецъ переходитъ къ самому себѣ.

„Красивое озеро, почти круглое, заключаетъ по срединѣ два маленькихъ острова, одинъ изъ коихъ обитаемый и воздѣлываемый,—пространствомъ около поля-лье, другой поменьше—пустынный и дѣвственный, въ концѣ-концовъ будетъ уничтоженъ, благодаря постоянному увозу земли для исправленія урновъ, наносимыхъ большому острову волнами и бурями. Такимъ образомъ жизнь слабаго всегда приносится въ жертву сильному. На островѣ находится только одинъ домъ, удобный и помѣстительный, принадлежащій бернскому госпиталю, какъ и самый островъ. Здѣсь живетъ фермеръ съ семьей и слугами. Онъ содержитъ большой птичій дворъ и садки для рыбы. Островъ, несмотря на свою незначительность, обладаетъ такой разнообразной почвой, что представляетъ самые разнообразные виды и пригоденъ для самой разнообразной культуры. Здѣсь есть поля, виноградники, фруктовые сады, лѣса, тучныя пастбища, осѣненные рощами, окаймленные разными породами кустарниковъ, свѣжесть которыхъ поддерживается близостью воды. Высокая площадка, обсаженная двумя рядами деревьевъ пересѣкаетъ островъ въ длину, и среди площадки выстроены красивый павильонъ, куда жители окрестныхъ городовъ собираются танцевать по воскресеньямъ во время сбора винограда“.

Кратко, не вдаваясь въ подробности, Руссо описы-
ваетъ живо и очень точно весь островъ, потому что на
островѣ сосредоточивается жизнь озера. Кромѣ того надо
замѣтить, что Руссо, любя уединеніе, любить также
сельскія удовольствія, деревенскіе танцы, о чемъ сви-
дѣтельствуется въ „Новой Элоизѣ“ и въ письмѣ къ
д'Аламберу „о зрѣлищахъ“. На островѣ С. Пьеръ онъ
также присутствовалъ при танцахъ, такъ какъ прожилъ
здѣсь сентябрь и октябрь 1765 г. все время сбора ви-
нограда. „На этомъ островѣ я искалъ убѣжища послѣ
побіенія камнями въ Мотье. Пребываніе здѣсь мнѣ на-
столько понравилось, я велъ жизнь настолько соотвѣт-
ствующую моимъ вкусамъ, что рѣшилъ окончить тутъ
свои дни, и только тревожился мыслью, что мнѣ не да-
дутъ привести въ исполненіе это желаніе, не согласо-
вавшееся съ намѣреніемъ увлечь меня въ Англію, пер-
вые отзвуки котораго уже начинали доходить до меня.
Среди безпокоившихъ меня предчувствій я желалъ бы,
чтобы этотъ пріюгъ обратился для меня въ вѣчную
тюрьму, чтобы меня заточили сюда на всю жизнь и,
лѣшивъ всякой возможности и надежды отсюда выбраться,
запретили бы мнѣ всякія сношенія съ сушей, такъ, чтобы,
находясь въ невѣдѣніи того, что происходитъ на свѣтѣ,
я забылъ бы о его существованіи, а онъ забылъ бы о
моемъ.

Чтобы понять послѣдующее описаніе переживаній
Руссо, надо вспомнить о его настроеніи въ это время.
Его изгнали изъ Франціи, силой удалили изъ Мотье,
люди внушаютъ ему отвращеніе и ужасъ; подобно Мон-
тению и впоследствии Ренану, онъ смотритъ на тюрь-
му, какъ на лучшее пребываніе для мыслителя, одна-

ко ему нужна тюрьма, гдѣ, вдали отъ общества людей, онъ могъ бы наслаждаться близостью природы. Именно такую тюрьму онъ нашелъ на Біенскомъ озерѣ.

„Мнѣ пришлось провести только два мѣсяца на этомъ островѣ, но я провелъ бы здѣсь два года, два столѣтія, цѣлую вѣчность, не скучая ни минуты, хотя кромѣ моей подруги, у меня не было другого общества, какъ общество фермера, его жены и его слугъ, впрочемъ, все очень хорошихъ людей; но мнѣ именно того и было нужно. Я смотрю на эти два мѣсяца, какъ на самое счастливое время своей жизни, настолько счастливое, что я удовлетворялся бы имъ до конца дней своихъ, и не на одну минуту въ моей душѣ не зародилось бы желаніе измѣнить свое положеніе“.

Свои отроческіе годы и молодость до тридцати лѣтъ Руссо провелъ на лонѣ природы, то въ деревнѣ, то въ маленькихъ городкахъ (Шамбери, Анеси), гдѣ природа также близка, и ничто не мѣшаетъ ежедневно наслаждаться ею. Затѣмъ въ Эрмитажѣ (близъ Монморанси) и въ самомъ Монморанси онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ среди полей и близъ лѣсовъ. Деревня для Руссо — почти физическая потребность, и благодаря тому, что общество людей ему въ тягость, природа становится для него также духовной потребностью. Его современники за это его сильно осуждали. Дидро высказалъ свой взглядъ на него, выражавшій общее мнѣніе: „Только дурной человѣкъ ищетъ одиночества“. На что Руссо остроумно возразилъ: „Дурной человѣкъ удаляется отъ людей, чтобы обдумывать свои злые умыслы, но для исполненія ихъ онъ возвращается въ общество людей.“

Слѣдовательно человекъ, живущій всегда въ одиночествѣ,—хорошій человекъ.

Въ чемъ заключалось счастье, и какъ имъ наслаждался Руссо?

„Ручаюсь, что никто изъ современниковъ не пойметъ этого описанія жизни, какую я тамъ велъ (т. е. изъ послѣдующаго описанія жизни, какую онъ тамъ велъ, никто изъ современниковъ не пойметъ, почему онъ былъ счастливъ). Сладостная праздность была первымъ и главнымъ изъ моихъ наслажденій, я упивался ею во всей ея прелести, и все, что я дѣлалъ во время своего пребыванія на островѣ, было только пріятнымъ и необходимымъ занятіемъ человека, посвятившаго себя праздности“.

Онъ собиралъ гербарій, предполагалъ составить флору острова С. Пьера, подражая „нѣмцу, написавшему книгу о лимонной цедрѣ“. Принималъ участіе въ работахъ фермера, и часто посѣщавшіе его бернцы „заставали его на высокомъ деревѣ, опоясаннымъ мѣшкомъ, который онъ наполнялъ плодами и затѣмъ спускалъ на землю при помощи веревки“. Послѣ обѣда онъ отправлялся кататься на лодкѣ, если стояла тихая погода.

„Растянувшись на днѣ лодки, устремивъ глаза къ небу, я отдавался на волю волнъ и проводилъ такъ иногда по нѣсколько часовъ, погружившись въ неясныя, но восхитительныя грезы, не имѣвшія опредѣленной цѣли, но, по моему мнѣнію, во сто разъ болѣе пріятныя, чѣмъ все, что я находилъ въ такъ называемыхъ радостяхъ жизни. Часто, предупрежденный закатомъ солнца о необходимости возвратиться домой, я оказывался унесен-

нымъ настолько далеко отъ острова, что мнѣ приходилось работать изо всѣхъ силъ, чтобы вернуться до наступленія ночи“.

Мечтательность, предоставленіе свободы неуправляемому теченію мыслей,—явленіе вполне современное, почти не встрѣчающееся у древнихъ, но оставившее значительные слѣды на двухъ великихъ поэтахъ—Монтенѣ и Лафонтенѣ—и достигшее полного расцвѣта у Руссо, а затѣмъ у всей его школы или, вѣрнѣе, у всей его семьи: у Шатобриана, Ламартина, Гюго и Мюссе. Мечтательность воспитательна, но крайне опасна. Руссо самъ говоритъ объ этомъ далѣе, поэтому не будемъ опережать его.

„Иногда, не удаляясь на середину озера, я плылъ вдоль зеленѣющихъ береговъ острова; прозрачныя воды и свѣжая тѣнь часто манили меня выкупаться. Но одной изъ моихъ излюбленныхъ поѣздокъ было посѣщеніе большого и малаго острова, гдѣ я высаживался и проводилъ послѣобѣдное время въ прогулкахъ на весьма ограниченномъ пространствѣ среди бредвинъ (разнovidность вербъ), черемухи и кустарника всевозможныхъ породъ, или располагался на вершинѣ песчанаго пригорка, покрытаго травой, богородицыными слезками, цвѣтами, дяглиной и клеверомъ, вѣроятно когда-то здѣсь посѣяннымъ. Это мѣсто могло бы представлять удобный пріютъ для кроликовъ: они бы мирно размножались здѣсь, ничего не опасаясь и ничему не вредя. Я подалъ эту мысль фермеру; онъ привезъ изъ Невшателя самцовъ и самокъ кроликовъ, и мы вмѣстѣ съ его женой и одной изъ его сестеръ торжественно водворили ихъ на маленькомъ островѣ, гдѣ они начали плодиться еще до моего отъѣзда

и, безъ сомнѣнія, сильно размножатся, если выдержатъ суровость зимы.

Образованіе этой колоніи было празднествомъ. Кормчій Аргонавтовъ не испытывалъ такой гордости, какъ я, торжественно перевозя общество и кроликовъ съ большого острова на малый. Я долженъ отмѣтить, что фермерша, страшно боявшаяся воды и всегда чувствовавшая себя на водѣ дурно, спокойно сѣла въ лодку подъ моимъ управленіемъ и не обнаруживала никакого страха во время переѣзда“.

- Маленькая картинка какъ будто взятая изъ „Новой Элоизы“—романа, посвященнаго восхваленію сельскаго быта и состоящаго почти исключительно изъ картинъ и сценъ семейной и сельской жизни.

Это прелестное и очень точное описаніе души, увлекаемой окружающими впечатлѣніями, радующейся этому ощущенію и отдающей ему безъ всякой мысли, воплощаетъ въ себѣ большую часть поэзіи ХІХ вѣка. Ламартинъ только повторилъ въ бессмертныхъ стихахъ эту страничку Руссо:

У лона хладныхъ ручейковъ, въ вѣнчавшей ихъ
тѣни,

Съ спокойнымъ сердцемъ проводилъ я радостные дни.

И, точно въ дѣтской няня, тамъ журчала мнѣ вода,

И подъ журчанье, какъ дитя, я засыпалъ всегда.

Пусть суженъ тутъ мой кругозоръ средь мягкой
муравы,—

Люблю бродить я вдалекѣ отъ суетной молвы.

Съ природой слившись въ одно, я новыхъ мыслей
полнѣ,

И отрѣшаюсь отъ небесъ, не слышу шума волягъ¹⁾.

Какъ философъ, Руссо, разбираясь въ такъ хорошо нмъ описанномъ состояніи мечтательности, спрашиваетъ себя, изъ чего оно слагается и почему доставляетъ такое неизъяснимое блаженство.

Блаженство заключается въ томъ, что такое состояніе даетъ забвеніе пространства и времени, а вся жизнь замыкается въ глубинѣ души, воспринимая извнѣ лишь впечатлѣнія, необходимыя для созванія, что жизнь еще дѣйствительно не отлетѣла.

„Это такое состояніе, когда душа обрѣтаетъ положеніе достаточно устойчивое, чтобы отдохнуть вполне и сосредоточить тутъ все свое существо, не имѣя надобности ни вспоминать о прошломъ, ни заглядывать въ будущее: когда время для нея не существуетъ, настоящее длится до безпредѣльности, неощутимое и безъ малѣйшаго признака послѣдовательности; когда она не испытываетъ никакого другого чувства, ни лишенія, ни наслажденія, ни радости, ни горя, ни желанія, ни опасенія, кромѣ чувства жизни, и это чувство наполняетъ ее всецѣло. Пока такое состояніе длится, переживающій его можетъ назвать себя счастливымъ; онъ облагаетъ не относительнымъ, несовершеннымъ счастьемъ, но счастьемъ полнымъ и совершеннымъ, не оставляющимъ въ душѣ пустоты, которую она чувствовала бы потребность заполнить... Чѣмъ наслаждаешься въ такомъ положеніи? Ничѣмъ находящимся извнѣ, ничѣмъ, кромѣ самого себя и собственной жизни: Пока длится такое состояніе, довольствуешься собой, какъ Богъ“.

¹⁾ Переводъ Льва Уманца.

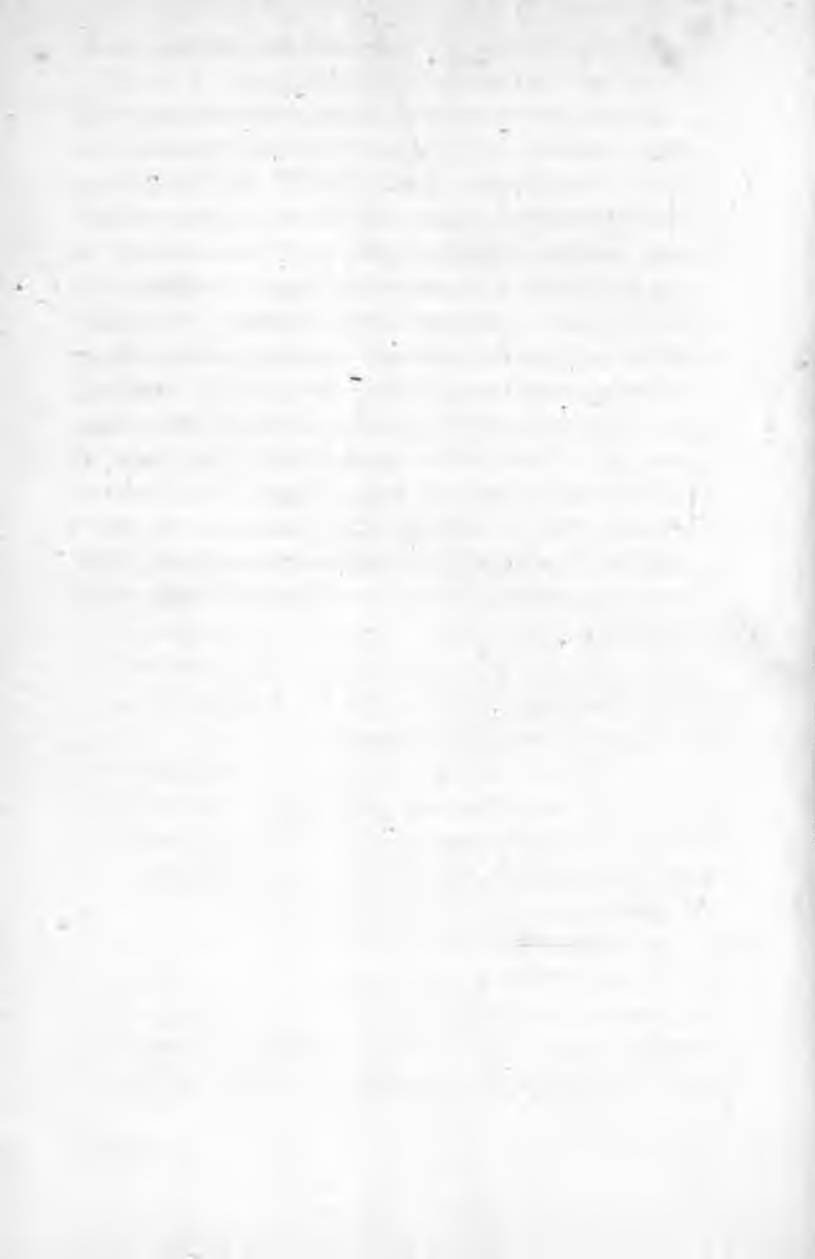
Такое состояніе неощутимаго общенія съ вѣшнимъ міромъ и въ то же время независимости отъ него является состояніемъ почти полной нравственной свободы, настолько полной, что человекъ можетъ ее сознать и ею наслаждаться. Это состояніе напоминаетъ „внутреннюю жизнь“, о которой намъ говорятъ философы и монахи, въ томъ смыслѣ, что мы прекращаемъ общеніе съ вѣшнимъ міромъ и прерываемъ свою зависимость отъ него; различіе только въ томъ, что внутренняя жизнь заключается въ самоуглубленіи, а состояніе, описанное Руссо, не допускаетъ и самоуглубленія. Что-же остается? Блаженство, медленное переживаніе ощущеній, чередующихся, не складываясь въ мысли; способность наслаждаться этими ощущеніями, не торопя ихъ, не изслѣдуя, не разбираясь въ нихъ — однимъ словомъ не нарушая ихъ. Безспорно, это прекрасное состояніе.

„Однако, полезно ли было бы переживать его часто и отдаваться ему постоянно? Самъ Руссо не думаетъ этого и высказывается вполне опредѣленно:

„Большинству людей, постоянно волнуемыхъ страстями, мало знакомо это состояніе, и, испытавъ его въ слабой мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, они сохраняютъ о немъ смутное, неопредѣленное представленіе, не дающее понятія о его прелести. Даже было бы нехорошо, при настоящемъ порядкѣ вещей, если бы въ погонѣ за сладостнымъ экстазомъ, они прониклись отращиваніемъ къ дѣятельной жизни, вмѣняемой имъ въ обязанность все возрастающими потребностями. Но несчастливцевъ, отрѣзанный отъ общества людей, лишенный возможности приносить пользу и добро какъ себѣ, такъ и ближнимъ, можетъ находить вознагражденіе за всѣ ра-

дости человѣческія въ этомъ состояніи, котораго не могутъ у него отнять ни судьба, ни люди“.

Вѣрное, художественное описаніе величественнаго пейзажа, проникнутое глубокимъ чувствомъ пониманія природы, составляющимъ самую душу Ж. Ж. Руссо; вѣрное и художественное описаніе состоянія мечтательности; анализъ состоянія мечтательности, и въ этомъ анализѣ такая же глубина и правдивость—таковы элементы этого удивительнаго произведенія состарѣвшагося, утомленнаго Руссо, страдавшаго серьезной душевной болѣзвью. Какое блестящее доказательство, что гевій его не ослабѣлъ, хотя разсудокъ помутился. Онъ говоритъ намъ, что провель два мѣсяца, прожитые на островѣ Св. Пьера, въ полной праздности; допустимъ что такъ; но вспомнивъ, что прогулки по Віенскому озеру дали ему возможность написать цятнадцать лѣтъ спустя эти прелестныя страницы, признаемъ, что онъ не потерялъ времени даромъ

ШАТОБРІАНЪ

Юность поэта

Шатобрианъ—одинъ изъ величайшихъ поэтовъ прозаиковъ XIX вѣка. Какъ образовался поэтъ, какія ощущенія и впечатлѣнія впервые послужили для него откровеніемъ его призванія? Всѣмъ интересно о томъ узнать, и Шатобрианъ намъ повѣдалъ объ этомъ. Онъ былъ сыномъ бретонскаго дворянина, празднаго и недалекаго, и проводилъ безконечно тянувшееся время въ Комбурскомъ замкѣ въ двѣдцати лѣтъ отъ Сенъ-Мало. Жизнь была здѣсь ужасная.

„Если среди вересковъ Комбура была разлита глубокая тоска, она была еще сильнѣе въ замкѣ; подъ его сводами испытывалось такое же чувство, какъ при входѣ въ Гренобльскій Шартрезъ... Мрачная тишина Комбурскаго замка еще увеличивалась молчаливымъ и необщительнымъ характеромъ отца... Я помѣщался въ комнатѣ на подобіе уединенной кельи въ башенкѣ вверху лѣстницы, служившей сообщеніемъ между внутреннимъ дворомъ и различными частями замка... У меня не было опредѣленнаго времени ни для вставанія, ни для обѣда;

предполагалось, что я долженъ заниматься до полудня; по большей части я ничего не дѣлалъ“.

Почти безграничная праздность и полная свобода къ развитію мечтательности среди мрачной природы, мрачнаго замка, мрачной семьи. Это могло повести къ весьма различнымъ послѣдствіямъ: окончательно подавить слабую натуру, закалить мужество сильнѣй и развить воображеніе богатой природы. Именно такъ случилось съ Шатобріаномъ.

„Упорство графа Шатобріана, заставлявшаго ребенка спать одного на вершинѣ башни, могло привести къ печальнымъ послѣдствіямъ, но мнѣ принесло только пользу. Такое суровое обращеніе со мной закалило во мнѣ мужество, не лишивъ воображеніе чувствительности, которую стараются теперь подавить въ молодежи. Въ-сто того, чтобы убѣждать меня въ томъ, что привидѣніе не существуетъ, меня заставляли ихъ не бояться. Когда отецъ меня спрашивалъ съ иронической улыбкой: „Неужели шевалье боится?“ онъ могъ бы мнѣ приказать лечь рядомъ съ мертвецомъ. Когда моя чудная мать мнѣ говорила: „Несчастье не случится безъ воли Божіей, тебѣ нечего бояться привидѣній, пока ты будешь добрымъ христіаниномъ“, я чувствовалъ себя успокоеннымъ больше, чѣмъ всѣми доводами философіи“.

Что могло выработаться изъ Шатобріана, мужественнаго, привыкшаго къ уединенію? Смотря по складу ума — мыслитель, или поэтъ. Въ немъ съ дѣтства преобладало воображеніе. Изъ него вышелъ поэтъ.

„Я достигъ такого успѣха, что ночные вѣтры въ моей башнѣ, отвыкшей, чтобъ въ ней жили (замѣтите это выраженіе „отвыкшей“), возбуждали мои мечты и

служили крыльями для полетовъ моей фантазіи. Моё воспламененное воображеніе, охватывая всё предметы, нигдѣ не находило достаточно пищи и готово было поглотить небо и землю“.

Шатобріаномъ овладѣла страстная, непреодолимая жажда ринуться въ широкій міръ, убѣжать отъ давленія, испытываемаго въ кругу семьи.

„Все во мнѣ обратилось въ страсти, — въ ожидавіи, пока не наступитъ время настоящихъ страстей. Когда послѣ молчаливаго обѣда, гдѣ я не смѣлъ ни ѣсть, ни говорить, мнѣ удавалось вырваться на свободу, мой восторгъ не поддавался описанію; я не могъ сразу спуститься съ крыльца и готовъ былъ броситься внизъ головой. Я принужденъ былъ садиться на ступени, чтобы успокоиться; но, выбравшись на зеленый дворъ и въ лѣсъ, начиналъ бѣгать, прыгать, скакать, рѣзвиться, пока не падалъ въ изнеможенія, безъ силъ, трепеща, опьяненный шалостями и свободой“.

Обратите вниманіе на выраженія „скачать, прыгать“, напоминающія молодого жеребенка, вырвавшагося на свободу. Шатобріанъ охотился, но главнымъ образомъ для того, чтобы ходить по полямъ, заходить далеко въ неразлучномъ сопутствіи уединенія. Онъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ, и ему приходилось „проводить 4—5 часовъ по поясъ въ водѣ, выслѣживая дикихъ утокъ“. Тридцать лѣтъ спустя, онъ не могъ видѣть хладнокровно, „когда собака дѣлала стойку“. Но главнымъ образомъ имъ руководила любовь къ шире.

„Въ мое первое увлеченіе охотой входила доля стремленія къ независимости: перепрыгивать черезъ рвы, бродить по полямъ, болотамъ, верескамъ, *забираться съ*

ружьемъ въ пустынный мѣста, чувствуя себя вольнымъ и одинокимъ,—составляло мою природную склонность. Какъ то разъ мнѣ случилось зайти такъ далеко, что ноги отказались мнѣ служить, и сторожамъ пришлось меня отнести домой на носилкахъ изъ вѣтвей“.

Между тѣмъ въ немъ назрѣвало новое чувство, удивлявшее его самого: природа, очаровавшая, наполнявшая, проникавшая его требовала, чтобы онъ сдѣлался ея выразителемъ, излилъ бы свои восторги въ словахъ и стихахъ. У Шатобриана была сестра, сопровождавшая его въ недалекихъ прогулкахъ по окрестностямъ замка.

„Нашимъ любимымъ удовольствіемъ были прогулки рядомъ по большой равнинѣ,—весной по коври бѣлыхъ буквиць, осенью по мягкому ложу сухихъ листьевъ, зимой по скатерти снѣга, испещренной слѣдами птицъ, бѣлокъ и куницъ. Молодые, какъ буквицы, печальные, какъ сухіе листья, чистые, какъ первый снѣгъ, мы представляли большое сходство съ мѣстомъ своихъ прогулокъ.“

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда Шатобрианъ съ восторгомъ говорилъ объ уединеніи, сестра ему замѣтила: „Тебѣ слѣдовало бы это писать“. Онъ „пролепталъ стихи“, потомъ ихъ написалъ. Такимъ образомъ писать онъ началъ стихами. Затѣмъ этотъ даръ въ немъ заглохъ, и всю жизнь онъ писалъ прозой. Онъ сожалѣетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ; но „теперь уже старъ и не надѣется больше вновь обрѣсти утраченный талантъ“.

То былъ первый полетъ воображенія; второй призывъ его, слившись съ безотчетнымъ голосомъ любви, потрясающе подѣйствовалъ на мальчика, превращавшагося въ юношу. Всѣ силы его души напряглись до крайней сте-

пени. Онъ сильно измѣнился, оставаясь тѣмъ, чѣмъ въ сущности былъ всегда. Прежде онъ говорилъ мало, теперь совсѣмъ пересталъ говорить; раньше онъ иногда занимался, теперь онъ бросилъ всѣ занятія; его склонность къ уединенію усилилась. Онъ „проявлялъ всѣ симптомы сильной страсти“; глаза ввалились, онъ худѣлъ, не спалъ, сдѣлался рассѣяннымъ, печальнымъ, пылкимъ и нелюдимымъ.

Теперь приведемъ восемь отрывковъ изъ этой поэмы смутно влюбленной юности, снѣдаемой потребностью почувствовать и какъ бы воспринять въ себя всѣ души вселенной.

Ланда.

„Къ сѣверу отъ замка простирается ланда, усыпанная друидическими камнями; я любилъ сидѣть на одномъ изъ этихъ камней при закатѣ солнца. Позолоченныя вершины лѣса, сіяніе земли, вечерняя звѣзда, мерцающая сквозь розовыя облака, возвращали меня къ моимъ мечтамъ; мнѣ хотѣлось бы любоваться этой картиной вмѣстѣ съ идеальнымъ предметомъ моихъ желаній... Вечерній вѣтерокъ, рвавшій сѣти, натянутыя паукомъ на стебелькахъ травы, жаворонокъ, присѣвшій на камнѣ, призывали меня къ дѣйствительности; я шелъ домой съ удрученнымъ сердцемъ, съ печальнымъ лицомъ“.

Это закатъ солнца въ лѣсистой странѣ, гдѣ заката не видно. Видны позолоченныя верхушки деревьевъ, постепенно блѣднѣющія облака, порозовѣвшія отъ послѣднихъ, косыхъ лучей солнца... Проглядываетъ загорѣвшаяся мерцающимъ свѣтомъ звѣзда; потомъ поднимается свѣжій вечерній вѣтеръ; жаворонокъ спускается на землю;

солнце сѣло, сейчасъ наступитъ ночь; надо разстаться съ мѣстомъ грезъ, покинуть его безлюднымъ, и самому вернуться нелюдимымъ въ міръ дѣйствительности. Въ сердцѣ поэта также угасло солнце.

Гроза.

„Лѣтомъ въ грозу я поднимался на вершину толстой западной башни. Раскаты грома подъ сводами замка, потоки дождя, съ рокотомъ струившіеся по покатымъ кровлямъ башенъ, молвіи, прорѣзывавшія облака и обвинявшія элентрическимъ пламенемъ мѣдные флюгера, возбуждали мой восторгъ. . Подобно „Исмену на стѣнахъ Іерусалима“, я призывалъ молвію, надѣясь, что она принесетъ мнѣ Армиду“.

Здѣсь мы видимъ жажду грозныхъ зрѣлищъ, какъ раньше жажду сильныхъ движеній. Природа въ своемъ обычномъ видѣ кажется Шатобріану слишкомъ кроткой, онъ хочетъ ее видѣть такой же пламенной, страстной и дикой, какъ онъ самъ. Руссо никогда не описывалъ бушующей природы, потому что не любилъ ее такую. Шатобріанъ любитъ бури. Впослѣдствіи онъ описываетъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ восклицаетъ: „Поднимайтесь желанныя грозы!“

Уединеніе въ лѣсу.

„Я шелъ по заглохшей тропинкѣ, вдоль ручья, заросшаго водными растеніями; я прислушивался къ шуму, наполняющему безлюдныя мѣста; слышалъ голоса деревьевъ; до моего слуха, казалось, доносилось пѣніе луннаго свѣта среди листвы... Я пытался выразить словами свое блаженство, но слова замирали у меня

на устахъ... На одной изъ ивъ я устроилъ себѣ сидѣнье, какъ бы гнѣздо: здѣсь въ одиночествѣ, между небомъ и землей, я проводилъ цѣлые часы вмѣстѣ съ славками; но нимфа (женщина его грезъ) была рядомъ со мной. И сливалъ ея образъ съ красотой этихъ весеннихъ ночей, напоенныхъ свѣжестью росы, вздохами соловья и шелестомъ предразсвѣтнаго вѣтерка“.

Здѣсь все проникнуто кротостью, спокойствіемъ; и днемъ и ночью природа улыбается и тихо поетъ. Она улыбается свѣжестью жемчужной росы, безпечной гибкостью ивы, томностью прибрежныхъ растений; она поетъ смутнымъ шумомъ, раздающимся, Богъ вѣсть, откуда въ уединенныхъ мѣстахъ; поетъ шелестомъ деревьевъ, вѣтерка, голосами соловьевъ и слявокъ; она *поетъ луннымъ свѣтомъ*, такъ какъ луна—пѣснь свѣта, въ противоположность темной ночи, притаившейся въ чащѣ лѣсовъ и олицетворяющей собой глубокое молчаніе. Вся природа кажется нѣжной матерью, убаюкивающей кроткой улыбкой и тихой пѣснью грезящаго ребенка.

Но грезящій ребенокъ помонъ грусти и любить выраженія нечали. Потому больше всего его трогаютъ и лучше всего имъ воспѣты картины, подернутыя дымкой задумчивости.

Утренній звонъ.

„Въ большинствѣ бретонскихъ деревень обыкновенно на разсвѣтѣ совершается заупокойный звонъ объ усоншихъ. Звонъ состоитъ изъ трехъ повторяющихся нотъ монотоннаго, грустнаго, сельскаго напѣва. Ничто такъ не соответствовало моей больной и уязвленной душѣ, какъ возвращеніе къ скорбямъ жизни звономъ, возвѣ-

щавшимъ о ея концѣ. Я представлялъ себѣ пастуха, усопшаго въ своей неизвѣстной хижинѣ, погребеннаго на столь же невѣдомомъ кладбищѣ. Зачѣмъ онъ жилъ на землѣ? Зачѣмъ я самъ живу на свѣтѣ? Итакъ, меня все равно ждетъ конецъ, не лучше ли уйти при свѣжести утра и придти рано, чѣмъ совершать путь подъ тяжестью бремени и въ полдневный жаръ? Краска желанія заливала мое лицо; мысль о небытіи охватывала мое сердце внезапной радостью“.

Утреннюю печаль обыкновенно испытываютъ старики; насъ удивляетъ *страстная печаль* молодого Шатобриана. Можетъ быть онъ чувствовалъ ее не такъ сильно, какъ описалъ тридцать лѣтъ спустя, но все-таки онъ ее чувствовалъ. Впрочемъ, эта печаль неврастениковъ всѣхъ возрастовъ; кромѣ того здѣсь большую роль играетъ легко возбуждающееся воображеніе. Какъ бы то ни было, картина очень хороша, а однообразный мотивъ изъ трехъ нотъ, звучащій среди утренней тишины, призывая людей къ жизни и возвѣщая о смерти одного изъ ихъ собратьевъ, представляетъ такъ называемую иронію судьбы, и заслуга автора въ томъ, что онъ понялъ это. „Зачѣмъ“, какъ бы говоритъ онъ, „этотъ звонъ будитъ меня? Чтобы сказать, что другой не проснется, чтобы дать мнѣ понять, что не стоитъ и мнѣ пробуждаться? Ты правъ, не стоитъ, не стоитъ пробуждаться; и вмѣсто того, чтобы прозябать, не лучше ли уйти въ первый часъ чѣмъ въ послѣдній? Мучительныя горькія грезы продолжаются, и горечь такъ ясно вылилась въ сухихъ и ѣдкихъ словахъ: „мысль о небытіи охватывала мое сердце внезапной радостью“.

„Я слѣдилъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ за возвращеніемъ времени бурь, за пролетомъ лебедей и вятютней; за сборищами воронъ на лугу передъ прудомъ и ихъ размѣщеніемъ на ночлегъ на высокихъ дубахъ площадки. Когда вечеромъ синеватая дымка окутывала перепутья лѣса, когда вѣтеръ жалобно стоналъ въ увядшемъ мху, я проникался полнымъ сочувствіемъ къ природѣ. Если мнѣ встрѣчался земледѣлецъ на краю пашни, я останавливался и смотрѣлъ на него, родившагося въ тѣни колосьевъ, среди которыхъ его постигнетъ смерть, смотрѣлъ, какъ онъ переворачивалъ лемехомъ плуга землю своей могилы, между тѣмъ какъ его жгучій потъ смѣшивался съ ледянымъ осеннимъ дождемъ. Проводимая имъ борозда была памятникомъ, которому суждено его пережить“.

Наступленіе зимы невольно вызываетъ мысль о смерти. Странно, что работа земледѣльца вызывала такія мысли въ душѣ юноши. Трудъ пахаря, предназначенный для весны и лѣта, такъ сказать минующій зиму, обыкновенно вселяетъ надежду, вѣру, упованіе на будущее, но никакъ не порождаетъ печальнаго чувства. Вспомнимъ „Святителя“ Виктора Гюго, о которомъ еще предстоитъ рѣчь впереди.

Но Шатобріану, несмотря на его молодость, трудъ земледѣльца внушаетъ грустныя мысли; ему кажется, что пахарь роетъ себѣ могилу. Такъ велика разница во взглядахъ *оптимиста и пессимиста*. Викторъ Гюго сильный оптимистъ.

Осенній вечеръ.

Вечеромъ я садился въ лодку и плыль одинъ среди тростника и широкихъ листьевъ кувшинокъ. Здѣсь обирались ласточки, готовившіяся покинуть наши края. Я внимательно прислушивался къ ихъ чирканью. Онѣ рѣзались надъ водой при закатѣ солнца, преслѣдовали наѣкомыхъ, взвивались всѣ заразъ къ небесамъ, какъ бы испытывая крылья, спускались на поверхность озера, садились въ камыши, лишь слегка сгибавшіеся подъ ихъ тяжестью, и наполняли воздухъ тихимъ щебетаньемъ. Спускалась ночь, тростники колыхали свои куделя и мечи; пернатая стая, среди нихъ — водяныя курочки, гаршнепы, чирки, зимородки, замоляли; паромъ бился о берегъ краями; громкіе голоса осени звучали изъ болотъ и лѣсовъ; я причаливалъ къ берегу и возвращался въ замокъ“.

Въ этой картинѣ авторъ заботливо смѣшалъ жизнь растительную и жизнь животную; „тростники, кувшинки, ласточки“. Ласточки пріютились въ чащѣ камышей; трудно сказать, кому принадлежит тихое щебетанье — ласточкамъ или камышамъ. Камыши шелестятъ куделями, а водяныя курочки и чирки спятъ и молчатъ подъ ихъ сѣнью, такъ что камыши проявляютъ больше жизни, чѣмъ животныя. Именно это Бернаденъ де С. Пьеръ называлъ „гармоніей природы“, а Шатобрианъ удивительно умѣлъ ее схватить и передать.

Осенняя ночь въ лѣсу.

„Не въ силахъ дольше выдержать въ своей башнѣ, я спу-
скался впотьмахъ, крадучись, какъ убійца, отворялъ вход-

ную дверь, и отправлялся бродить по лѣсу. Я шелъ наудачу, размахивая руками, обнимая вѣтры, ускользавшія отъ меня, какъ тѣнь,—предметъ моего преслѣдованія. Наконецъ, я прислонился къ стволу бука, смотрѣлъ на воронъ, спугнутыхъ мной и перелетавшихъ на другое дерево, или на луну, скользившую по оголеннымъ верхушкамъ бора. Мнѣ хотѣлось бы жить въ этомъ царствѣ смерти, отражавшемъ блѣдность могилы. Я не чувствовалъ ни холода, ни сырости ночи; даже ледяное дыханіе зари не заставило бы меня очнуться отъ грезъ, если бы изъ села не донесся предразсвѣтный звонъ“.

Потребность уединенія среди мрачной, враждебной природы составляетъ отличительную черту этого знаменательнаго описанія осенней ночи. Юноша бѣжитъ изъ замка, потому что въ немъ живутъ люди, потому что на дворѣ холодно; онъ подставляетъ лицо рѣзкому вѣтру, смотритъ на испугнутыхъ имъ воронъ, на луну; не на луну поэтовъ, свѣтъ которой поетъ среди листвы, но на луну астрономовъ,—мертвое царство, на луну, блуждающую по небу блѣднымъ призракомъ. И въ этомъ царствѣ онъ хотѣлъ бы жить, чтобы обрѣсти еще болѣе одиночества и тоски. *Plurima mortis imago*, говоритъ латинскій поэтъ; и изъ предшествующихъ строкъ на насъ глядитъ *многоликій образъ смерти*. Любовь къ смерти послѣднее слово *пессимизма*.

Общія размышленія объ осени.

„Чѣмъ печальнѣе была осень, тѣмъ болѣе отавука она находила въ моей душѣ; время изморози, затрудняя сообщенія, принуждаетъ сельскихъ жителей къ уединенію; въ безопасности отъ людей чувствуешь себя лучше. Вдумчи-

вый человекъ любить осеннія картины. Листья облетаютъ, какъ наши годы, цвѣты увядаютъ, какъ наши дни, облака бѣгутъ, какъ наши мечты, свѣтъ угасаетъ, какъ нашъ умъ, солнце охлаждается, какъ наша любовь, рѣки замерзаютъ, какъ наша жизнь,—все это тайными нитями связано съ нашей судьбой“.

Всѣмъ знакомо сходство человѣческой жизни съ превращеніями природы отъ весны до зимы. Но никто не разбираетъ его такъ тонко, не выражалъ такъ кратко и полно, какъ Шатобріанъ. Его сравненія совершенны, обстоятельны, гармоничны и неутомительны. Я даже замѣчу, къ чести Шатобріана, что нѣкоторыя фразы производили бы еще больше эффекта при легкой перестановкѣ словъ, но Шатобріанъ не прибѣгнулъ къ этому. Послѣ блестящаго ряда великолѣпныхъ сравненій, слова „тайными нитями связано съ нашей судьбой“, кажутся сухими и отрывистыми, только заканчивающими періодъ. Для полноты созвучія слѣдовало бы сказать: „Мы постигаемъ тайныя нити, связующія насъ съ природой, глядя на листья, облетающіе, какъ наши года, на цвѣты, увядающіе, какъ наши дни, на облака, бѣгущія, какъ наши мечты, на свѣтъ, угасающій, какъ нашъ умъ, на солнце, охлаждающееся, какъ наша любовь, на рѣки, замерзающія, какъ наша жизнь“. Но Шатобріанъ этого не сдѣлалъ. Онъ обладаетъ великими средствами художника, и не прибѣгаетъ къ мелкимъ.

ЛАМАРТИНЪ

И а к н

Въ 1847 г. Ламартину было пятьдесятъ семь лѣтъ. Это закатъ жизни, время, когда перестаешь любить весну, такъ какъ между возрастомъ и временемъ года существуетъ извѣстное, понятное сходство, — а если не понятное, то все-таки ощутимое. Это время, когда перестаешь любить весну, когда она вызываетъ грусть, когда переживается весенняя печаль.

Такую весеннюю грусть, вѣроятно, испытывали многие, — но воспѣта, переложена въ стихи она была очень рѣдко. Римскій поэтъ Гораций, повидимому, глубоко чувствовалъ эту грусть; онъ рѣдко выступаетъ элегическимъ поэтомъ, то-есть поэтомъ скорби; поэтому не безынтересно привести его оду «О весенней печали». Она озаглавлена по своей первой строфѣ: «*Diffugere nives*».

«Снѣга исчезли, въ поляхъ уже зеленѣетъ трава, лѣса покрываются кудрями; земля перемѣнила свой возрастъ; рѣки, разливаясь, бѣгутъ изъ береговъ; граціи ведутъ хороводы съ нимфами. Не надѣйся ни

на что вѣчное; тебѣ непрерывно твердятъ о томъ времена года и часы, уносящіе наши дни. Зефиры смягчаютъ стужу; лѣто смѣняетъ весну, оно исчезаетъ съ наступленіемъ осени, и быстро надвигаются тяжелые холода. Скоро мѣняющіяся времена года, по крайней мѣрѣ, возвращаются вновь, но какъ только мы отходимъ въ мѣсто упокоенія нашихъ предковъ, мы превращаемся въ прахъ и тѣнь. Сегодняшній день проходитъ; какъ знать, присоединять ли къ нему боги слѣдующій день? Ничто не ускользнетъ изъ рукъ твоихъ наследниковъ, кромѣ того, что ты раздашь бѣднымъ. Дорогой другъ, какъ только ты сойдешь въ царство тѣней, ничто, ни твое рожденіе, ни твое краснорѣчіе, ни твоя добродѣтель не смогутъ вернуть тебя намъ. Діана не могла похитить изъ мрака Ипполита; Тезей не могъ освободить отъ оковъ ада своего друга».

Такія печальныя мысли навѣвала весна на Горация. И въ другомъ стихотвореніи о веснѣ онъ высказываетъ тѣ же чувства, съ той разницею, что здѣсь онъ отводитъ нѣкоторое мѣсто веселой картинѣ, какой начинается ода, и меньше останавливается на скорбныхъ размышленіяхъ, ее заключающихъ. Я говорю объ одѣ, извѣстной подъ названіемъ «*Solvitur agris hiems*».

«Зима исчезаетъ, благодаря возвращенію весны и зефира; каналь увлекаетъ судно далеко отъ берега; стаду не терпится больше въ стойлахъ, земледѣльцу у очага; луга не бѣлѣютъ отъ инея; луна, выходя, снова освѣщаетъ хороводы нимфъ. Дриады и граціи попираютъ землю ногами. Настала минута укра-

ситъ миртами и новыми цвѣтами наши благоухающія головы, принести въ жертву Фавну овцу или козленка. *Смерть* (мы ее ожидали, она неминуемо должна была явиться) стучится безразлично въ хижину бѣдняка и во дворецъ царя. Краткость жизни не позволяетъ намъ предаваться долгимъ надеждамъ. Тебя уже окружаетъ мракъ преисподней. Тамъ тебѣ не придется больше бросать кости о первенствѣ на пирахъ и твоему взору—покоиться на глазахъ молодыхъ дѣвушекъ».

Такія мрачныя мысли внушала весна Горацию (и греческимъ поэтамъ, не дошедшимъ до насъ, которыхъ онъ, весьма вѣроятно, переводилъ). Ламартина также глубоко чувствовалъ весеннюю печаль. Это чувство составляетъ сюжетъ его стихотворенія «Маки» ¹⁾.

«Подъ вечеръ жизни, коль надъ нами
Воскреснетъ юная весна,—
Ея корзина не цвѣтами,
Но злой проницей полна.

Не раскрываетъ ужъ цвѣтокъ
Для страсти нѣжной лепестокъ
И не плѣняетъ болѣ глазъ...
Когда пробьетъ послѣдній часъ,

Къ чему цвѣты? Пускай для насъ
Нарвутъ лишь листьевъ: на листву
Мы склонимъ мертвую главу».

¹⁾ Переводъ А. А. Назаретскаго.

Весь смысл первой строфы заключается въ словахъ «злой пропіей». Весна какъ будто смѣется надъ нами, — надъ всѣми нами, потому что всѣ мы смертны, между тѣмъ, какъ природа — это она подчеркиваетъ, — вѣчно возвращающаяся къ юности, безсмертна.

Но особенно горько пропизируетъ весна надъ тѣми, кто близится къ концу; выставляя на показъ разницу между ними и собой, при своей несравненной красотѣ, она безжалостно смѣется надъ старцемъ. И такъ весна смѣется надъ нами; благоуханію, струящемуся изъ ея корзины, кажется жестокой пропіей.

И поэтъ горько отвѣчаетъ: «Мнѣ все это не нужно, не нужно мнѣ больше такого множества цвѣтовъ, чтобы вѣнчать голову во время празднествъ или подносить ихъ своей возлюбленной; съ меня довольно одного цвѣтка, — того, что кладутъ на подушку, гдѣ покоится голова мертвеца. Мертвымъ ничего не нужно. Если предположить, что у нихъ еще сохраняются какія-то смутныя ощущенія, съ нихъ довольно легкаго аромата или памяти». Надо также отмѣтить намѣренную противоположность стиха, протяжнаго въ началѣ, а затѣмъ болѣе краткаго: эти три рифмы подъ рядъ: «глазь, часъ, насъ». Эта монотонность созвучій прекрасно выражаетъ тяжелое чувство, охватывающее умъ поэта, мрачное утомленіе, переходящее въ равнодушіе ко всему.

«Этотъ макъ, что въ колосьяхъ ютится,
Пусть изъ васъ кто-нибудь мнѣ сорветъ;
Въ немъ цѣлебная сила таится:
Онъ тяжелыя вѣжды сомкнетъ.

И усталъ... Грудь заботы терзають...
Грезы грустные сонъ отгоняють...
Я не жду ужъ весны, и не надо
Мнѣ ни лилій, ни царственныхъ розъ,—
Мнѣ уснуть бы, забыться отъ грезъ...
Дайте-жь макъ : въ немъ и сонъ и отрада»¹⁾).

Весна. Хлѣбъ еще только колосится и теперь видишь, чѣмъ послѣ, выступаютъ на нивѣ яркіе, красивые маки. Дѣти и юноши видятъ въ макѣ только яркую краску и находятъ его веселымъ цвѣткомъ; но чело-вѣкъ пожилой знаетъ, что олицетворяетъ собой макъ. Онъ знаетъ, что цвѣты мака усыпляютъ, могутъ усыпить навѣки. Древніе посвящали макъ Вesperѣ, ука-зывая, что любовь—сестра смерти. Вспомнимъ дву-стишіе Рутру :

«Жуткими снами вы, темные маки,
Къ мысли о смерти меня приучили».

И вообще многіе поэты воспѣвали чудодѣйствен-ное свойство мака. И такъ макъ—цвѣтокъ сна и смер-

¹⁾ Варіантъ:

„Принесите мнѣ макъ, прорастающій
Въ дикомъ видѣ средь хлѣбныхъ полей:
Пусть напитокъ его, исцѣляющій,
Смежитъ очи мнѣ силой своей.
Я забвенья ищу. Я душой утомленъ.
Отъ видѣній и грезъ, разгоняющихъ сонъ
Я далекъ отъ весенней идилліи...
Ты меня не прельщаешь, весна.
Чужды мнѣ твои розы и лилія,—
Мнѣ милѣе цвѣтокъ царства сна“.

ти, и кажется страшной ироніей природы, что именно цвѣты, бросающіеся въ глаза своей яркостью, сокомъ своимъ вызываютъ сонъ и ведутъ къ вѣчному уснокоенію.

«Этотъ макъ, что въ колосьяхъ ютится.

Пусть изъ васъ кто-нибудь мнѣ сорветъ».

Великій другъ человѣка, священный колось, дающій намъ хлѣбъ, защищаетъ своею тѣнью, отечески оберегаетъ цвѣтокъ, доставляющій сонъ и смерть. Можетъ быть такъ и слѣдуетъ, чтобы та-же почва, тѣ-же поля рождали хлѣбъ, питающій человѣка, и цвѣтокъ, дающій ему послѣднее успокоеніе. Въ тѣни колосьевъ вырастаетъ макъ, и оба падаютъ подъ однимъ серпомъ. Срѣзать однимъ взмахомъ макъ и колосья—это равнодушный жестъ фаталиста, но, можетъ-быть, и благочестиваго человѣка, принимающаго жизнь, сонъ и смерть, какъ одинаково благіе законы природы.

«Въ немъ цѣлебная сила таится:

Онъ тяжелыя вѣжды сомкнетъ».

Т.-е. глаза усталые отъ слишкомъ долгой жизни, какъ ясно доказываетъ слѣдующая строфа. Весной жадные взоры ребенка и юноши радостно раскрываются на праздникъ природы и стараются все охватить, все объять однимъ взглядомъ; усталые же глаза старца хорошо осваиваются съ сѣрыми красками, тусклыми тонами и ограниченнымъ горизонтомъ зимы, но раздражаются потоками свѣта и яркостью красокъ, неразлучныхъ спутниковъ весны. «Я усталъ»... Тридцать лѣтъ или около того, передъ тѣмъ, какъ онъ написалъ «Маки», Ламартинъ писалъ въ «Долинкѣ»:

«Я много видѣлъ и любилъ, все пережилъ на
свѣтѣ

И, полный силъ еще, пришелъ искать забвенія въ
Летѣ.

Спокой мой — тамъ, въ ел струяхъ, куда хочу
унасть я...

Забуть... Забыться навсегда — вотъ истинное сча-
стье».

Ламартинъ, обладавшій характеромъ, каждавшимъ поперемѣнно то великой дѣятельности, то великаго покоя, уже въ молодости переживалъ минуты удрученности и усталости. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ «Долинкѣ» онъ ищетъ только забвенія:

«Въ концѣ нашей жизни, уставши въ борьбѣ,
Отъ ангеловъ будемъ ждать мира себѣ».

Но «Маки» говорятъ уже о чемъ-то большемъ. Здѣсь поэтъ мечтаетъ о вѣчномъ успокоеніи и даже готовъ его, новидимому, призывать съ мрачной настойчивостью.

«Грудь заботы терзають,

Грезы грустныя сонъ отгоняють:

Мнѣ уснуть бы, забыться отъ грезъ»...

Т.-е. отъ вѣчной мечтательности, гдѣ грезы идутъ непрерывной вереницей. Жанъ-Жакъ Руссо воздавалъ восторженную хвалу мечтательности; онъ смотрѣлъ на минуты мечтательности, какъ на божественное состояніе, «гдѣ человѣкъ довлѣетъ себѣ какъ Богъ». Въ его взглядѣ много истины, но также безспорно, что человѣкъ, рожденный для кипучей дѣятельности, скорѣе угасаетъ, предаваясь мечтательности, чѣмъ въ

работѣ. Какъ извѣстно, самъ же Руссо признаеть: «Было бы даже нехорошо, если бы при современномъ порядкѣ вещей люди, жаждая сладостныхъ экстазовъ, проникались отвращеніемъ къ дѣятельной жизни, вмѣняемой имъ въ обязанность все возрастающими потребностями».

Однако можно навѣрное сказать, что скорой перемены въ современномъ порядкѣ вещей не предвидится, даже приходится предположить, что онъ будетъ длиться вѣчно, т.-е. вѣчно будетъ существовать для каждаго необходимость зарабатывать себѣ пропитаніе, а тѣ, кому въ этомъ нѣтъ надобности, будутъ теряться въ массѣ принужденныхъ работать. Мечтательность, внушая человѣку отвращеніе къ дѣятельной жизни, заставляетъ его тяготиться заботами о хлѣбѣ насущномъ и, кромѣ того, изнуряетъ постоянной мозговой работой, тщетность которой онъ чувствуетъ.

«Слова и все слова»,—воскликаетъ Гамлетъ, прочитавъ еще книгу послѣ множества уже прочтанныхъ. «Грезы, все грезы»—говоритъ мечтатель,—«грезы, смѣняющія другъ друга, какъ на небѣ облака, плывущія за облаками». Ужасно утомительно долго смотрѣть на облака, потому что они слишкомъ похожи другъ на друга, чтобы давать пищу мысли; также утомительно предаваться слишкомъ долго грезамъ, не извлекая изъ нихъ ни одной мысли. Ламартинъ прекрасно выразилъ это чувство, говоря: «Моя душа утомлена отъ вѣчныхъ грезъ». «Aegri somnia» — говоритъ Гораций — «грезы больного». Всякія грезы, если онѣ слишкомъ продолжительны, становятся гре-

зами больного въ томъ смыслѣ, что указываютъ на болѣзненное состояніе души.

«Я не жду ужь весны, и не надо
Мнѣ ни лилій, ни царственныхъ розъ»...

Вполнѣ понятно, что юноша ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда весна неожиданно постучится въ наши двери, вызывая у насъ удивленное восклицаніе: «Весна пришла! Гдѣ она была вчера? Сегодня она уже съ нами». И юноша встрѣчаетъ ее съ сердечной радостью. Чего же ждать отъ нея старцу? Онъ вовсе не желаетъ видѣть ее.

У Ламартина къ названію весны прибавленъ эпитетъ «алая»¹⁾. Обратите на это вниманіе. Эпитетъ здѣсь употребленъ чрезвычайно вѣрно. «Алая» значитъ— красная, залитая яркимъ горячимъ алымъ цвѣтомъ, немного темнѣе румянца. Румянецъ—это цвѣтъ крови, просвѣчивающей сквозь кожу; алый цвѣтъ— цвѣтъ яркой крови, брызжущей струей.

Въ такомъ смыслѣ эпитетъ «алый» употребляется у многихъ писателей.

«Толстый и жирный, съ яркимъ цвѣтомъ лица и алымъ ртомъ».

(Мольеръ).

«Раны Христа, свѣжія, обогрѣныя, алыя отъ божественной крови».

(Боссюэ).

«Виномъ чистымъ и алымъ онъ наполняетъ свою чашу».

(Буало).

¹⁾ Vermeille.

«Спѣлый виноградъ, покрытый алой кожей».

(Лафонтенъ).

«Онъ падаетъ, алая кровь обогрѣетъ прелестное тѣло».

(Делиль).

Но вы можете возразить, что весна не алая. Нѣтъ, но она производитъ такое же впечатлѣнiе, какъ яркiй красный цвѣтъ. Древнiе говорили *purpureum ver*; это не означаетъ красную весну, но весну, производящую впечатлѣнiе блеска, яркости и богатства, получаемое отъ ярко-краснаго цвѣта; именно выраженiе *purpureum ver* Ламартинъ передаетъ очень удачно «алой весной».

.....«И не надо

Мнѣ ни лилiй, ни царственныхъ розъ».

Ламартинъ избралъ именно цвѣты, лучше всего передающiя описанное выше чувство блеска и яркости. Розы и лилiя: бѣлоспѣжпый цвѣтокъ, ослѣпительной бѣлизны, и цвѣтокъ самый яркiй, самый красявый... Иоакимъ дю-Беллэ говоритъ:

«Пышныя розы, цвѣты благородныя

Алой окраски, какъ пламя огня,

Рядомъ лилен на клумбѣ *холодныя*

Въ *жаркомъ* сiянiя днѣ».

Можно пожалуй, замѣтить, что лилiя цвѣтокъ слишкомъ холодный, чтобы именно его избрать эмблемой юности, оскорбляющей поэта, но въ то же время лилiя служить символомъ дѣвственности, а дѣвственность и юность сливаются въ одинъ образъ. Печальный состарившiйся поэтъ, раздраженный видомъ юно-

сти, одинаково недоброжелательно относится и къ лиліи и къ розѣ.

Что же нужно сомкнутымъ вѣждамъ? Цвѣтокъ, охраняющій сонъ, цвѣтокъ, оберегающій сонъ, не допускающій его нарушенія. Макъ—часовой сна.

«Дайте-жъ макъ: въ немъ и сонъ и отрада».

Но въ какомъ смыслѣ Ламартинъ понимаетъ сонъ въ этой строфѣ? Въ смыслѣ обыкновеннаго сна, или вѣчнаго успокоенія? Вопросъ этотъ вполне понятенъ: Ламартинъ ничѣмъ не объясняетъ, какой именно сонъ онъ имѣлъ въ виду.

«Въ немъ цѣлебная сила таится:

Онъ тяжелыя вѣжды сомкнетъ»...

Макъ, въ зависимости отъ дозы, приноситъ сонъ или смерть. Смыкаетъ «вѣжды, утомленные грезами». Можетъ быть Ламартинъ хотѣлъ сказать: «Смыкаетъ утомленные глаза, вѣки отяжелѣвшія, благодаря старческой бессонницѣ». Но, можетъ-быть, онъ подразумѣвалъ: «Смыкаетъ навѣки глаза, слишкомъ много видѣвшіе на своемъ вѣку». Что же надо сомкнувшимся вѣкамъ?—Цвѣтокъ, охраняющій сонъ. И этому можно дать двоякое толкованіе.

Повѣрьте, что Ламартинъ нарочно такъ выразился, чтобы осталось нѣкоторое сомнѣніе относительно его мысли въ этой послѣдней строфѣ. Поэтъ «много видѣлъ и любилъ, все пережилъ на свѣтѣ». Онъ жаждетъ сна, самъ хорошенько не зная, того ли, отъ котораго просыпаются, или того, отъ котораго уже нѣтъ пробужденія. И именно сложность и неясность этого чувства онъ хочетъ выразить своей послѣдней строфой. Не естественно ли, что человѣкъ, утомлен-

ный и пресыщенный всёю, желаетъ уснуть, и на вопросъ: «На время или навсегда»? отвѣчаетъ: «Не знаю». Сонъ—это временная смерть. Древніе о немъ говорили: «Requies placidae simillima morti»,—сонъ весьма подобный смерти. Въ этомъ подобіи поэтъ находитъ успокоеніе, не желая себѣ отдать отчета, призываетъ ли онъ сонъ, «подобный смерти», или смерть, «весьма подобную сну».

Но не забудемъ, что въ предыдущихъ строфахъ Ламартинъ достаточно говорилъ о гробѣ, чтобъ не оставалось сомнѣнія въ *сущности* его мысли. Онъ думаетъ именно о смерти, но только въ концѣ у него является нѣкоторая неопредѣленность, нерѣшительность, что и отражается на его стихѣ.

Таково это краткое произведеніе, проникнутое глубокимъ настроеніемъ и по самой своей краткости не допускающее мысли о неискренности. Не представляя собой развитія мысли, оно не можетъ содержать декламации. Мы подробно разобрали его. Разборъ очень полезенъ, потому что онъ много уясняетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ—это гибельная вещь для стихотворенія: благодаря разбору, теряется общее впечатлѣніе.

Чтобы поправить дѣло, перечтемъ все стихотвореніе сразу, уже подготовившись всею нашими размышленіями и выясненными подробностями. И тогда общее впечатлѣніе снова встанетъ у насъ въ душѣ, но еще сильнѣе и полнѣе. Перечтемъ же:

«Подъ вечеръ жизни, коль надъ нами
Воскреснетъ юная весна,---
Ея корзина не цвѣтами,
Но злой ироніей полна.

Не раскрываетъ ужъ цвѣтокъ
Для страсти нѣжной лепестокъ
И не плѣняетъ болѣ глазъ...
Когда пробьетъ послѣдній часъ,

Къ чему цвѣты? Пускай для насъ
Нарвутъ лишь листьевъ: на листьву
Мы склонимъ мертвую главу.

Этотъ макъ, что въ колосьяхъ ютится,
Пусть изъ васъ кто-нибудь мнѣ сорветъ;
Въ немъ цѣлебная сила таится:
Онъ тяжелыя вѣжды сомкнетъ.
Я усталъ... Грудь заботы терзаютъ...
Грезы грустныя сонъ отгоняютъ:
Я не жду ужъ весны, и не надо
Мнѣ ни лилій, ни царственныхъ розъ,—
Мнѣ уснуть бы, забыться отъ грезъ...
Дайте-жъ макъ: въ немъ и сонъ и отрада.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ ВИНЬИ

Жилище пастуха

Всѣмъ извѣстно, что жилищемъ пастуха (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во Франціи) служитъ подвижная хижина на колесахъ, гдѣ пастухъ можетъ спать, когда на ночь, лѣтомъ, не загоняють барановъ въ овчарню.

Альфредъ де Виньи, жившій въ первой половинѣ XIX вѣка, былъ поэтъ-меланхоликъ, ненавидѣвшій пребываніе въ городахъ, но *также* и въ деревнѣ. Онъ не искалъ утѣшенія въ природѣ, какъ многіе другіе, видя въ пей скорѣе врага, считая ее силой эгоистичной, относящейся къ человѣку съ глубокимъ равнодушіемъ. Но бѣжать изъ городовъ, жить въ деревнѣ въ одиночествѣ въ жилищѣ пастуха, вдали отъ сель и городовъ казалось заманчиво, и онъ въ то же время мечталъ о подругѣ, къ которой онъ будетъ чувствовать не только любовь, но и состраданіе, какъ къ предмету, которому суждено исчезнуть. Въ этомъ грустномъ чувствѣ поэтъ, расположенный къ меланхолии, находить утѣшеніе.

Эту поэтическую, отчасти философскую, мечту де

Винны выразилъ въ стихотвореніи «Жилище Пастуха».

«Если тебѣ города опостылѣли», говорить онъ своей подругѣ, «если тебя тяготитъ ихъ лецемяріе и ложь:

Бѣги изъ городовъ отъ рабства и разврата ¹⁾,

Взгляни на жалкій міръ съ духовной высоты;

Смотри: вся жизнь людей пороками обьята,

Несись въ надзвѣздный міръ возвышенной мечты.

Подобно островамъ на необъятномъ морѣ

Разсѣяны они среди нѣмыхъ полей.

Бѣги съ цвѣткомъ въ рукѣ, забывъ людское горе,

Среди полей бѣги, подальше отъ людей».

Особенно это хорошо въ настоящую минуту. Наступилъ вечеръ... Роса освѣжитъ твои ноги, мы отдохнемъ среди лилій подъ тѣнью пвы, склонившейся къ ручью.

«Спустились сумерки, и вечеръ благовонный

Окуталъ все кругомъ, насталъ блаженный мигъ,

Спокоенъ темный лѣсъ, въ дремоту погруженный,

И травы, и цвѣты, и трепетный тростникъ,

И пышные сады, и гроздья винограда;

И дремлетъ въ тишинѣ журчалціи ручеекъ.

Какая тишь кругомъ и сумракъ, и прохлада!

Лишь оживился вновь полуночный цвѣтокъ!»!

Поселимся въ жилищѣ пастуха. Будемъ кочевать съ мѣста на мѣсто. Хорошо или нѣтъ намъ будетъ на чужбинѣ, я буду счастливъ, когда твой взоръ мнѣ скажетъ: «Да».

Другіе предпочитаютъ путешествовать по желѣзной дорогѣ. Но движеніе слишкомъ быстро, оно не позволя-

1) Переводъ Льва Уманца.

еть мечтать. Поэты этого не любят. Поэтъ предвидитъ то время, когда много передвиженія не станеть. Это будетъ очень скучно, и путешествіе отъ этого много потеряетъ.

Поэтъ мысленно прощается съ тѣмъ временемъ, когда путешествовали медленно, прислушиваясь къ малѣйшему шуму, къ смѣху прохожаго, къ скрипу тележки, приглядываясь къ изгибамъ дороги, радуясь встрѣчи пріятеля, надѣясь прибыть хотя поздно въ уединенное жилище.

Къ тому же новый способъ передвиженія представляеть опасности. Садясь въ вагонъ, увлекаемый паромъ, приходится возносить молитвы къ Провидѣнію:

«Пусть Богъ руководитъ желѣзною дорогой,

Направляя къ цѣли бурливый паровикъ,—

Небесный херувимъ съ волненьемъ и трезогой

Пускай за нимъ слѣдитъ,—слѣдитъ въ опасный
мигъ.

Когда желѣзный змѣй скрывается въ туннель,

Когда, какъ бурный вихрь, летитъ черезъ шаткія
мостъ,

И слышенъ стонъ его, какъ бурный стонъ мятели,

И о чугунъ стучитъ его желѣзный хвостъ»...

Дѣйствительно, каждый поѣздъ нуждается въ охранѣ херувима, чтобъ дойти благополучно до своего назначенія. Это, конечно, было предусмотрено Провидѣніемъ, но не вполне ясно. Между тѣмъ, охрана необходима.

«Но если херувимъ съ мечемъ въ рукѣ, витая надъ дорогой, и охранитъ путника отъ бѣды, не давъ поѣзду погибнуть въ водѣ или огнѣ, то просто каму-

шекъ, брошенный рукою малаго ребенка,— можетъ разорвать въ куски магическую печь».

Быть-можетъ, человекъ слишкомъ рано довѣрился этому новому изобрѣтенію, не научившись имъ управлять, что, впрочемъ, примѣнимо ко всѣмъ изобрѣтеніямъ, уносящимъ въ первое время такъ много жертвъ, что люди начинаютъ сомнѣваться въ ихъ пользѣ.

«Желѣзный этотъ быкъ, на насъ смотрящій грозно,
Искусству нашему совсѣмъ не подчиненъ,
Довѣрившись ему, рискуемъ мы серьезно,—
Съ улыбкой, безъ заботъ садимся мы въ вагонъ.
Отца, жену и мать ему ввѣряемъ слѣпо,
И даже жизнь свою, рискуя каждый мигъ,
Забывъ, что этотъ звѣрь, дышашій такъ свирѣпо.
Насъ въ пепель обратить, какъ карфагенскій
быкъ».

Поэтому поэтъ, который любитъ уединенныя прогулки по дальнимъ дорожкамъ, совѣтуетъ избѣгать новаго способа передвиженія и прибѣгать къ нему лишь въ крайнемъ случаѣ. Такъ, напр., для спасенія друга отъ угрожающей опасности, или для защиты отечества, или для свиданія съ матерью, когда она васъ призываетъ на смертномъ одрѣ...

«Желая разъ послѣдній встрѣтить печальный нѣжный взоръ»...

Будемъ же избѣгать этихъ путей...

Цѣль путешествія пробудить въ человекѣ способность къ созерцанію.

Эмерсонъ скажетъ позднѣе: «Путешествіе— рая для дураковъ», что совершенно вѣрно для путешествій,

совершася съ головокружительной быстротой. Путешествіе безъ спѣшки можно назвать постепеннымъ проникновеніемъ души въ окружающіе ее предметы. Но во время путешествія по желѣзной дорогѣ душа ничего не испытываетъ, кромѣ потрясеній и толчковъ.

«Мирному мечтателю оно внушаетъ ужасъ... Желая проникать своимъ глубокимъ взоромъ и вопрошать тайны бытія, мечтатель идетъ съ поникшей головою, свободно отдыхая на своемъ пути»...

Жилище пастуха даетъ возможность постоянно на-ходитья въ свободномъ общеніи съ природой, передвигаться или отдыхать по собственному желанію.

Поэтъ, а равно и женщина, предпочитаетъ такого рода путешествія. Но, что такое женщина? Какова ея природа и назначеніе?

«Ты, Ева, знаешь-ли сама свою природу,
Свою обязанность и жизни тяжкій гнетъ?
Увы, намъ Богъ послалъ тяжелую невзгоду
За то, что человекъ вкусилъ запретный плодъ.
Вездѣ, во веѣ вѣка, себя мы только любимъ,
Намъ свойственно любить всегда самихъ себя,
И душу всю и жизнь мы эгоизмомъ губимъ,
Себя и лишь себя мучительно любя».

Однимъ словомъ, мужчина—презрѣнный и несчастный эгоистъ. Если Богъ создалъ женщину вмѣстѣ съ нимъ, только для того, чтобъ рядомъ съ нимъ стояла она безкорыстная, способная на самоотверженіе въ порывѣ воодушевленія.

«Женщина создана, чтобъ онъ могъ видѣть, какъ въ зеркалѣ, отраженіе своей души; чтобъ онъ могъ слушать ея голосъ въ порывѣ воодушевленія, чтобъ

она была его судьей и вмѣстѣ съ тѣмъ *работой*, чтобъ она повелѣвала его жизнью, исполняя его законы».

Мысли женщины измѣнчивы, и быстро утомляются; но въ страстномъ порывѣ воодушевленія женщина можетъ заставить чловѣка стряхнуть съ себя лѣнь и перѣшительность.

«Всегда сочувствуешь ты, видя наши раны,
За насъ, за нашу скорбь страдаешь ты въ тиши,
Такъ въ сумракѣ церковей несется звукъ органа,
Сливаясь съ воплями страдающей души...
Обиду смоешь ты горячею молитвой,
Ты рѣчью пламенной зажжешь огонь въ сердцахъ.
Ты вдохновишь борца предъ страшной грозной бит-
вой;

Герои предъ тобой склоняются во прахъ».

Вотъ почему ей хорошо вдали отъ городовъ, на свободѣ, гдѣ она можетъ размышлять о судьбѣ чловѣчества и проникаться великими мыслями, зарождающимися среди безмолвія. Женщина способна къ аскетизму и къ апостольству.

«Голосу страданья, который глухо носится среди
толпы людской,

Должна внимать ты»...

«Нерѣдко заглушаемые шумомъ, до тебя все же достигають и заставляютъ сердце твое разрываться на части несущіеся издали отголоски гражданской войны. Надъ прокопченными крышами города они сливаются въ одинъ общій крикъ, но среди безграничной свободы, ты ясно слышишь могучій призывъ».

Поэтъ зоветъ подругу на просторъ полей. Онъ не

довѣряетъ природѣ; не хочетъ оставаться съ ней *наединѣ*: онъ ея страшится, какъ жестокаго бо- жества, не способнаго ему сочувствовать; но въ сою- зѣ съ любимой женщиной,—онъ все ея измѣрлетъ,— все относитъ къ ней, любя все въ ней и для нея— онъ готовъ взглянуть прямо въ глаза природѣ.

Пойдемъ же.

«Ты являешься мнѣ въ сіяніи зари,
Твой храмъ на вершинѣ лѣсистой горы;
Благоуханье цвѣтовъ и пѣснь соловья—
Все создано для тебя...

И блескъ твоихъ очей природу отражаетъ.
О, какъ люблю тебя и взоръ небесный твой,
Вѣдь онъ на все кругомъ блаженство излучаетъ
И прелесть цѣлную и сладостный покой.

Ты примиришь меня съ сердечною невзгодой,
И счастье дать душѣ лишь можешь ты одна.

*Не оставляй меня наединѣ съ природой,
Съ природой я знакомъ и мнѣ она
страшна».*

Какъ объяснить его страхъ передъ природой?

Мы это сказали раньше. Поэтъ находитъ природу равнодушной къ страданіямъ людей и всякаго со- зданія вообще. Онъ считаетъ ее враждебной, жесто- кой, мучительной. Надо замѣтить при этомъ, что Руссо, Шатобрианъ, Ламартинъ, Викторъ Гюго иска- ли успокоеніе въ природѣ и находили его. Ламартинъ говорить :

«Передъ тобой природа, она любвеобильна,

Погрузись въ ея нѣдра, они открыты всѣмъ»...

Альфредъ де Виньи находитъ, что природа его не

любить и не влечетъ къ себѣ. Онъ находитъ -- и это его особенность, -- что она его отвергаетъ и проклинаетъ, что она не имѣетъ никакого отношенія къ человѣку, обходясь безъ него, презирая и отвергая его. И вотъ какія слова онъ ей приписываетъ:

«Она мнѣ говорить: «Не вѣдая тревоги,
И безучастна къ вамъ, я сцена, ты — актеръ.
Мнѣ дѣла нѣтъ до васъ, меня создали боги,
Едва скользнуть по васъ мой безучастный взоръ.
Изъ-за людскихъ страстей, всѣ ваши крики, стоны,
Не могутъ до небесъ достигнуть никогда.
Не стану я для васъ мѣнять свои законы;
И люди чужды мнѣ, и я для нихъ чужда».

Наконецъ природа указываетъ на человѣка, какъ на скоропреходящее явленіе вѣчной земли, и на жизнь, какъ на одинъ моментъ въ безконечной исторіи развитія планеты, чѣмъ объясняется ея презрѣніе къ людямъ.

«До васъ я вся была прекрасной, безграничной,
И вѣтерокъ игралъ кудрей моихъ волной.
Неслась въ пространствѣ я, дорогою привычной,
Гармонія небесъ звучала надо мной:
Орбитой вѣчною, мнѣ данною отъ Бога,
Въ невѣдомыхъ мірахъ лежитъ моя дорога.
И послѣ васъ нестись, какъ прежде, буду я.
Средь чуждаго для васъ иного бытія».

Поэтъ воображаетъ, что слышитъ этотъ голосъ. Онъ содрогается отъ страха и ненависти, такъ какъ свойственно человѣку ненавидѣть то, что его ненавидитъ.

«Такъ говорить она съ улыбкою печальной.

И ненавидѣть я тогда ее готовъ.

Лука, поля, лѣса—лишь саванъ погребальный:

Подъ этимъ саваномъ — тѣла моихъ отцовъ,

Они питаютъ ихъ своею кровью, сокомъ...

И обращаюсь я моимъ духовнымъ окомъ

Къ *тебѣ*, которую любить могу лишь разъ.

Любуюсь я тобой и не спускаю глазъ»...

Онъ говоритъ себѣ, что никогда онъ не полюбитъ природу и будетъ любить то, что составляетъ *противоположность* ей, то, что не имѣетъ вѣчности, — все прехолящее мимолетное, — оставаясь равнодушнымъ ко всему неизмѣнному, поклоняясь прехолящему, но не безсмертному.

Наконецъ, возвращаясь естественно къ любимой женщинѣ, какъ къ предмету *прехолящему*, перемѣчивому и мимолетному, поэтъ ее сравниваетъ съ природой, противопоставляя ее природѣ. Этимъ онъ заключаетъ свое размышленіе, увѣряя подругу, что онъ способенъ любить ее одну, полюбивъ черезъ нее, хотя немного, и природу, *но дополненную ею*.

Люби, чего ты дважды не увидишь!

«И какъ не любить это нѣжное созданье, рождающееся и умирающее съ лаской, съ его томной, чистой, страдающей улыбкой, всегда отвѣчающей на нашъ взглядъ?»

Между тѣмъ, холодную природу, гордую своимъ безсмертіемъ, равнодушную къ нашему поклоненію, не испытавшую страданія, любить нельзя:

«Живи холодная, бездушная природа

И возрождайся вновь, какъ это было встарь;

А насъ пускай гнететь и горе и невзгода.
Ничтожный человѣкъ твой только мнимый царь.
Мнѣ дороги его страданья и печали,
Не твой холодный блескъ. Красуйся и живи.
Твои объятія меня не привлекали
Я не могу *тебѣ* гнетать слова любви»!..

«Твой мнимый царь». Можетъ-быть, Господь и намѣревался поставить человѣка царемъ надъ землей до его грѣхонаденія—во всякомъ случаѣ онъ считалъ себя имъ, и лишь впоследствии замѣтилъ, что представляетъ собою только одну изъ незначительныхъ фигуръ въ исторіи земли, только однодневнаго пассажира на этомъ вѣчномъ кораблѣ.

Все же природа хотя и безучастна, но красива, и даетъ возможность при величественной обстановкѣ предаться грустнымъ мечтамъ. И поэтъ приглашаетъ подругу: «Положивъ головку на его плечо, вмѣстѣ съ нимъ съ порога мирнаго пастушьего жилища взглянуть на тѣни тѣхъ, кто ушли или скоро уйдутъ». Онъ общается ей, что *среди необъятной безмолвной равнины* передъ ними, какъ живые, встанутъ всѣ картины, какія порождаетъ его чистое воображеніе.

И такъ прислушиваясь «тихо, внимательно, серьезно», поэтъ и его подруга насладятся горькой нѣгой спускающихся сумерокъ и серьезными мыслями, пробуждаемыми бесполезно угасающимъ днемъ въ душахъ, склонныхъ къ созерцанію.

«И вотъ мы пройдемъ»,—заключаетъ поэтъ,—«оставляя лишь нашу тѣнь на этой неблагоприятной землѣ, гдѣ прошли и умершіе. Мы будемъ говорить между

собой о нихъ въ тотъ часъ, когда все темно, когда тебѣ нравится ступать по едва видной тропинкѣ, останавливаясь иногда, въ раздумьи, прислонясь къ качающейся вѣтви, или, подобно Дантѣ, роняя слезу надъ судьбой своей грустной любви, которой вѣчно грозитъ опасность».

Жилище пастуха — поэма философская, проникнутая глубокой печалью. Эта поэма *пессимиста*, т. е. человѣка, который въ мирѣ видитъ одни страданія, и убѣждается, что страданіе неизбѣжно, необходимо.

Но вотъ замѣчательныя слова:

«Мнѣ дороги его страданья и печали».

Эти слова содержать вкратцѣ выводъ, къ которому приходитъ Альфредъ де Виньи. Если въ мирѣ царитъ зло и страданіе, будемъ сострадательны къ другъ другу, будемъ любить другъ друга отъ всего сердца. Пессимизмъ переходитъ въ состраданіе и любовь. Вотъ къ какому выводу приходитъ Альфредъ де Виньи, и вотъ какое направленіе приняла его мысль, когда онъ писалъ эту поэму.

ВИКТОРЪ ГЮГО

Святель

Викторъ Гюго одинъ изъ самыхъ большихъ эпиче-скихъ, лирическихъ и драматическихъ поэтовъ XIX вѣка Франціи и человѣчества. Чтобы показать всю его величину въ узкой рамкѣ, въ которую онъ умы-шленно, противъ своего обыкновенія, себя заключилъ а не въ цѣломъ рядѣ его обширныхъ созданій, про-чтемте вмѣстѣ эту поему, — дѣйствительно, великую поему.

«Вечерній сизый мракъ спустился надъ равнизою¹⁾,
И въ этотъ сладкій мигъ люблюсь я всегда,
Слѣдя издалека за мирною картиной, —
Въ послѣдній тихій часъ работы и труда
И вижу я: старикъ, несущій жизни бремя
Въ тотъ тихій, поздній часъ, когда витають сны,
Съ надеждой свѣтлою бросаетъ въ землю сѣмя,
И сѣетъ жатву онъ для будущей весны.
Невольно чую въ немъ могучую натуру,

1) Переводъ Льва Уманца.

Съ участіемъ смотрю на темную фигуру;
Старикъ въ лохмотьяхъ, онъ на склопѣ дряхлыхъ
лѣтъ.

Какъ вѣрный, старый другъ, какъ чудный благо-
дѣтель,

Онъ щедро сѣмена бросаетъ на межу,
И только я одинъ невидимый свидѣтель—
За нимъ издалека внимательно слѣжу.
Смотри,—его шаги и бодры и могучи,
Онъ на поля кругомъ бросаетъ сѣмена,
Мнѣ кажется, что онъ рукой коснулся тучи
Въ вечерній, сладкій часъ чарующаго сна».

Эта поэма прекрасно составлена. Во-первыхъ, поэтъ намъ показываетъ общую картину того, что онъ видитъ. Сумерки, день угасаетъ;—почти ночь. Потомъ какая-нибудь *подробность* картины, и предшествующая картина уже служитъ только *рамкой*; все вниманіе сосредоточивается на человѣкѣ, который сѣетъ почти въ темнотѣ на равнинѣ, гдѣ ночь сгущается съ каждой минутой.

Эта фигура, когда на нее пристально смотришь, вырисовывается на пащцѣ, и вызываетъ на размышленія. Ясно, что этотъ человѣкъ, пользующійся послѣдними лучами солнца, жаждетъ до времени, какъ и до всего остального, за что его нельзя упрекать, потому что онъ бѣденъ.

Увидавъ его, поэтъ начинаетъ слѣдить за нимъ съ одного конца его борозды до другого, и также слѣдить за его постоянно повторяющимся движеніемъ—розмаха руки, которымъ онъ разбрасываетъ зерна.

Мало-по-малу въ головѣ поэта являются мысли, связанные съ картиной, которую онъ видитъ и рисуется нѣчто, чего въ дѣйствительности нѣтъ, что есть только въ воображеніи зрителя. До сихъ поръ поэтъ *видѣлъ*, теперь же онъ воображаетъ, *что видитъ*. Воображаетъ же онъ, что видитъ, будто сѣятель сѣетъ звѣзды на небѣ, какъ зерна ржи на землѣ. Воображеніе *дополнило* картину и рѣзко ее *расширило* до безконечности.

И теперь, когда мы видимъ, какъ составлена картина, познакоимся съ подробностями и рассмотримъ штрихъ за штрихомъ, какъ она нарисована.

«Вечерній сизый мракъ спустился надъ равниной,
И въ этотъ сладкій *мигъ* люблюсь я всегда».

Слово *мигъ* можетъ показаться неточнымъ: сумерки продолжаются болѣе, чѣмъ *мигъ*; критика можетъ быть права; но замѣтите, что поэтъ говоритъ о послѣднихъ минутахъ сумерокъ, тѣхъ послѣднихъ минутахъ, которыя сѣятель оспариваетъ у ночи; замѣтите, что онъ спѣшитъ схватить ихъ; и тотчасъ же слово *мигъ* вамъ покажется вѣрнымъ.

«*Послѣдній* тихій часъ работы и труда».

Другіе также описывали этотъ послѣдній неопредѣленный часъ; раскройте хотя бы Виктора Гюго, а также Лафонтенъ сказали:

«Когда все спитъ кругомъ, заря не наступала —
Она сейчасъ взойдетъ, разсѣетъ ночи тѣнь,
Вотъ-вотъ, блеснутъ лучи могучаго свѣтила, —
Когда—ни свѣтъ, ни тьма, когда ни ночь, на
день».

Но Викторъ Гюго—здѣсь классикъ по преимуще-

ству.—описываетъ только то, что необходимо, потому что онъ торопится дойти до своего сюжета, то-есть «Святеля», и потому отмѣчаетъ только то, что служить ему рамбой.

Замѣтите *последній часъ работы*. Этимъ самымъ авторъ направляетъ нашъ умъ къ предмету. Не вечернюю меланхолю будетъ онъ сегодня описывать, но картину труда. Итакъ онъ намѣревается описать не *последній часъ умирающаго дня*, а *последній часъ работы*.

«Весенній *сизый мракъ* спустился надъ равниной».

Далекіе холмы, самыя отдаленныя горы еще освѣщены; но равнина уже погружается въ темноту. Она тонетъ въ *сизомъ мракъ*, т.-е. полумракъ. Это не значитъ, что тьма погребаетъ равнину подъ своей тяжестью, или уничтожаетъ ее; это не то, о чемъ говорить Виргилій: «*Ponto nox incubat atra*», то-есть «ночь ложится на море и ревниво его покрываетъ собою». Ночь спускается на равнину, постепенно сгущаясь, и окружающіе предметы еще видно, хотя и не ясно.

«Старикъ въ лохмотьяхъ, онъ на склонѣ лѣтъ»...

Лохмотья человѣка, котораго замѣтилъ поэтъ, указываютъ, что онъ бѣденъ. Это очень важно для того, чтобы *приготовить* читателя къ послѣдующему, потому что *святель* долженъ быть очень бѣденъ; если бы этого не было, то его почти ночной трудъ могъ бы показаться алчностью; если же онъ бѣденъ,—то это мужество, почти героизмъ, оспаривающій свой

хлѣбъ у скаредности природы и желающій, чтобы день и трудъ не прерывались.

«Онъ старъ»,—что его дѣлаетъ болѣе трогательнымъ и оправдываетъ участіе къ нему поэта. «Бросая щедро рукою» не значитъ небрежно и не указываютъ на расточительность. Если бы слово было употреблено въ смыслъ небрежности и расточительности, оно было бы неумѣстно, потому что сѣятель противоположность расточителю. Но сѣятель старъ, знаетъ свое ремесло, онъ опытенъ, и беретъ полную горсть зеренъ изъ своего мѣшка, чтобы не дѣлать два раза движенія, когда можно ограничиться однимъ,—чтобы не тратить времени. Впрочемъ, умѣя сѣять, онъ *бросаетъ* зерно ловко, чтобы оно хорошо разлетѣлось въ разныя стороны и разсѣялось. Вотъ искусство сѣять. Оно хорошо знакомо, какъ крестьянину, такъ и Виктору Гюго.

«Будущую жатву»—значитъ *зерно*. Будущая жатва только перифраза. Перифраза состоитъ въ томъ, что употребляютъ нѣсколько словъ тамъ, гдѣ можно ограничиться однимъ. Поэтому перифразой не слѣдуетъ пренебрегать. Замѣтимъ, однако, при этомъ: когда перифразой хотятъ выразить то, что можно опредѣлить однимъ словомъ, къ ней не слѣдуетъ обращаться; но если, благодаря ей, мысль дѣлается полнѣе, ее надо признавать. Такъ, когда Мюссе пишетъ: «Священная былинка, дающая намъ хлѣбъ», то этимъ говорится больше, чѣмъ если бы онъ сказалъ: *рожь*. Такъ же и здѣсь словомъ «жатва» говорится слѣдующее: крестьянинъ въ этомъ зернѣ, которое онъ бросаетъ въ туманный октябрьскій вечеръ, уже видитъ

тяжелые колосья подъ жаркимъ іюльскимъ солнцемъ, приносящіе людямъ—и старикамъ и маленькимъ дѣтямъ,—общую радость. И вотъ это-то счастье сѣятель держать въ своей рукѣ и щедрой пригоршней бросаетъ на добрую землю. «Жатва будущей весны»—прекрасная перифраза.

«Съ участіемъ смотрю на *темную* фигуру».

Приглядываясь къ пахарю, поэтъ видитъ его яснѣе и смотритъ на него, какъ художникъ. Фигура вырисовывается темнымъ на черпомъ, но чернота человѣка не такъ густа, менѣе тяжела, чѣмъ чернота борода, окутанныхъ ночью, и потому мѣстами кажущихся еще темнѣе. Замѣьте еще, что необходимо, чтобы человѣческій силуэтъ, по крайней мѣрѣ, его верхней частью, выдѣлялся на еле-еле освѣщенномъ небѣ: это дѣлаетъ послѣднія строки стихотворенія болѣе понятнымъ, подчеркиваетъ его красоту и колоритъ.

«Въ тотъ *тихий* *поздній* часъ, когда *витаютъ сны*».

Эти эпитеты производятъ впечатлѣніе общее, даютъ цѣльную картину. Я на это уже указалъ: сѣятель знаетъ, что надо использовать конецъ дня, когда сонъ уже витаетъ надъ землей, т. е. день готовъ смѣниться ночью, приносящей всѣмъ покой и отдохновеніе. Сѣятель, спѣша воспользоваться послѣдними минутами дня, не ропщетъ на ночь: онъ знаетъ всю пользу того, что дни смѣняются одинъ другимъ и, такимъ образомъ, чередуются времена года: осень смѣнитъ зима, а ее заступитъ весна: тѣмъ же време-

немъ зерно прозябеть, произрастетъ и принесетъ плодъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣятель, спѣша захватить послѣднія минуты у дня, все же безропотно подчиняется законамъ природы уже потому, что паденіе люци заставляетъ остановиться, отдохнуть, чтобы набраться силъ для работы слѣдующаго дня, раздѣляя такимъ образомъ работу, и дѣлая ее здоровой и болѣе плодотворной.

Эти оба разсужденія я нахожу правильными и примѣлимыми. Впечатлѣніе этихъ двухъ стиховъ, очень сильно.

«Онъ рукой коснулся тучи». Это выраженіе мнѣ вовсе не кажется банальнымъ. Чѣмъ болѣе сгущается ночь, тѣмъ менѣе ясными становятся предметы; тѣмъ болѣе безконечные, безграницные размѣры начинаетъ принимать равнина. Она, можетъ-быть, часъ тому назадъ, казалась самой обыкновенной. Теперь же она производитъ впечатлѣніе громадной.

Можно удивляться выраженію: «Я чую въ немъ *могучую* натуру»—это впечатлѣніе получается изъ того, какъ сѣятель сильно разбрасываетъ зерно, полной пригоршней бросаетъ сѣмена, широко раскрывая руку. Гюго хорошо знаетъ, какъ надо сѣять.

«И только я одинъ *невидимый* свидѣтель—

За нимъ издалека внимательно слѣжу».

Эпитетъ «невидимый» можетъ быть употребленъ въ двоякомъ значеніи—въ матеріальномъ и моральномъ. Въ матеріальномъ значеніи онъ говоритъ, что поэтъ, находящійся въ темнотѣ, невидимый сѣятелю, не только не мѣшаетъ ему въ его работѣ (впрочемъ, даже

если бы свѣтъ и позволялъ еще видѣть, то свидѣтель все равно не помѣшалъ бы пахарю, потому что тотъ весь поглощенъ работой), но и не нарушаетъ его почтеннаго, даже священнаго одиночества. Надо не только, чтобы сѣятель чувствовалъ себя одинокимъ на равнинѣ, но также, чтобъ и читатель его видѣлъ одного, совсѣмъ не замѣчая зрителя, и это легко достижимо, такъ какъ зритель спрятанъ въ абсолютной темнотѣ, въ тѣни портала, подъ которымъ сидитъ.

Гюго употребляетъ здѣсь въ смыслѣ невидимый слово *sombre* (темный, невидный), придавая ему, кромѣ смысла невидимости, также и переносное значеніе. Поэтъ «темный», т.-е. очень маленькій, не привлекающій къ себѣ вниманія, какъ вообще бываетъ съ людьми, ничѣмъ не выдѣлывшимися. Онъ — ненужный мечтатель, ничего не дѣлающій прохожій, ничего не представляющій изъ себя въ этой картинѣ; а тотъ старый деревенскій рабочій и есть именно герой этой полевой поэмы. Поэтъ въ своихъ мысляхъ переходитъ на себя самого — невидимаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, «невиднаго, темнаго». Что я представляю изъ себя, рядомъ съ нимъ? Того, — кто рисуетъ, того, — кто поетъ, того, — кто размышляетъ. А онъ *дѣйствуетъ, работаетъ, производитъ*, помогаетъ природѣ своей благодѣтельной вѣчной работой. Это я есть *темный, незамѣтный*. Въ Аннѣ Карениной Толстого говорится о баринѣ, присоединившемся къ косарямъ. По моему онъ представляетъ изъ себя полное воплощеніе мысли, заключающейся въ словахъ Гюго.

«Въ тотъ поздній часъ, когда витаютъ сны».

Разберемъ, какъ поэтъ понимаетъ свою картину. Темнота, какъ сны, именно *витаетъ* надъ землею: она бросаетъ на землю одно за другимъ свои покрывала, легкія, какъ сны. Гюго какъ бы сравниваетъ ночь съ богиней, у которой эти покрывала скрыты въ сундукѣ. Она постепенно вынимаетъ ихъ, чтобъ сбрасывать на землю. Но раньше, чѣмъ они упадутъ на землю, они витаютъ—носятся надъ нею. Здѣсь картина очень напоминаетъ картину весны у Мюссе: «Когда, поднявъ аврорины покровы, несмѣлая весна встаетъ на небосклонѣ»... Весенняя заря бываетъ сырая, туманная, окутанная остатками зимнихъ испареній, которыя постепенно исчезаютъ. Весна боится свирѣпой зимы и робко раскрываетъ эти покровы на зрѣ. Также и въ „Святель“ ночь медленно, постепенно раздвигаетъ свои покрывала, чтобъ также постепенно одно за другимъ разбросать ихъ по землѣ.

«Въ вечерній сладкій часъ чарующаго сна», т. е. когда кругомъ все какъ будто засыпаетъ. У Гюго сказано: «L'ombre, où se mêle une rumeur», т. е. тѣнь, къ которой примѣшивается легкій шумъ. Можетъ-быть, на примѣръ, отдаленное мычанье стада, возвращающагося въ хлѣвъ. Но большею частью этого не бываетъ, и обыкновенно тишина, полнѣйшая тишина, водворяется въ деревнѣ съ наступленіемъ ночи. Тишина эта такъ величественна, такъ глубока, что вселяетъ въ душу какъ бы страхъ. Я поэтому, не очень хорошо понимаю этотъ шумъ (*rumeur*) у Гюго. Это слово здѣсь какъ будто лишнее. Мнѣ больше бы нравилась *тѣнь*, къ которой примѣшивается

свѣтъ (l'ombre, où se mêle une lueur). То было бы точнымъ переводомъ *sublustris noctis in umbra* (тѣнь, смѣшанная съ какимъ-то свѣтомъ), *Виргилія* и *вполнѣ* соотвѣтствовало бы дѣйствительности, такъ какъ для того, чтобы поэтъ видѣлъ то, что онъ видитъ, необходимъ легкій разсѣянный свѣтъ. Возможно, что и поэтъ ничего не имѣлъ противъ «*свѣта*» (lueur), но замѣнилъ его словомъ «*шумъ*» (gumeur) ради болѣе богатой красивой рифмы. Хотя *Викторъ Гюго* и не былъ слѣпымъ рабомъ рифмы, все-таки онъ настолько былъ въ нее влюбленъ, что многимъ жертвовалъ ради нея.

«Онъ на поля кругомъ бросаетъ сѣмена,

Мнѣ кажется, что онъ рукой коснулся тучи».

Увлеченному своимъ воображеніемъ и грандіозностью картины, *видящему*, впрочемъ, изрѣдка руку сѣятеля на небесномъ фонѣ, рядомъ съ появляющимися свѣтилами, поэту представляется, что старикъ вмѣсто зеренъ сѣетъ эти свѣтила или зерна, вмѣстѣ съ свѣтилами. Такъ какъ старикъ этотъ—кормилецъ челоуѣчества, то онъ превратился у *Гюго* въ какого-то чуднаго и благодѣтельнаго бога, который можетъ одинаково находиться на небѣ, какъ и на землѣ.

Это такой же способъ рѣзко раздвинуть рамки картины, какой мы встрѣчаемъ въ «*Распятіи*» *Ламартина*, или «*Спящемъ Воозѣ*» *Гюго* (картина жатвы, гдѣ *Руѣ* въ полудремотѣ видитъ серпъ луны среди свѣтилъ и спрашиваетъ себя, какой божественный жрецъ бросилъ этотъ золотой серпъ на звѣздное поле?). Такой размахъ встрѣчается часто у великихъ поэтовъ, и это понятный порывъ ихъ ума. Только одно въ этомъ чудномъ финальномъ эффектѣ *стилли-*

зовано, какъ говорятъ артисты, т.-е. несовсѣмъ точно, немного измѣнено, чтобы быть пріятнѣе и благороднѣе. Жестъ настоящаго сѣятеля не долженъ подниматься выше его головы, но тогда поэтъ не видѣлъ бы его руки на небесномъ фонѣ. Настоящій сѣятель въ своемъ движеніи приподнимаетъ только локоть, и большаго не надо, чтобы движеніе было производительно. Конечно, Виктору Гюго за то, что онъ такъ хорошо пользуется этой картиной, простятъ подобающую неточность: что «сѣятель рукой коснулся тучи». У Виктора Гюго въ этомъ мѣстѣ есть еще добавленіе: *le geste auguste du semeur*, т.-е. сѣятель коснулся тучи въ своемъ величественномъ движеніи, какъ бы священнодѣйствуя. Слово *auguste* выражаетъ это понятіе вполне: Гюго одновременно хочетъ сказать, что сѣятель личность почтенная и священная, какими были, или хотѣли быть, императоры священнаго Рима. Въ такомъ смыслѣ Викторъ Гюго и употребляетъ слово *auguste*.

Вотъ какова эта чудная вещь, эти неистощимые двадцать стиховъ,—одно изъ самыхъ возвышенныхъ, произведеній, въ которыхъ вылилось вдохновеніе великаго французскаго поэта.

Мы можемъ сказать: раздавить эту вещь комментариемъ въ десять страницъ,—развѣ это не значитъ разрушить впечатлѣніе, которое бы мы отъ нея получили, просто прочтя ее? Да, возможно; но возможно также, что только прочтя ее такъ, какъ мы это сдѣлали, мы ее вполне поймемъ. И кто намъ мѣшаетъ перечестъ это чудное стихотвореніе всею полною, заразъ?

АЛЬФРЕДЪ ДЕ МЮССЕ

Страница мемуаровъ въ стихахъ

Альфредъ де Мюссе воспѣвалъ любовь, - ея радость и страданія, сдѣлавшись самъ ея жертвой, посвятивъ ей всю свою жизнь. Другими словами, онъ почти ни о чемъ иномъ не говорилъ, кромѣ себя. Но, говоря о своихъ ощущеніяхъ и чувствахъ, онъ доходилъ до экзальтаціи, до бреда. Вотъ одна изъ его страницъ, прекрасныхъ безъ сомнѣнія, гдѣ онъ говоритъ о себѣ, не доходя до изступленія, передавая свои впечатлѣнія съ нѣжной меланхоліей, непринужденностью, и какъ бы утомленіемъ, извѣстными у итальянцевъ подъ именемъ *morbidezza*.

Его братъ вернулся изъ Италіи, гдѣ Мюссе самъ нѣкогда бывалъ, испытавъ тамъ горькое разочарованіе. Это пробуждаетъ въ немъ цѣлый рядъ воспоминаній. Предлагаемое стихотвореніе передаетъ его бесѣду съ братомъ о южной Италіи, гдѣ Альфреду не пришлось быть. Мюссе говоритъ о своихъ воспоминаніяхъ и о впечатлѣніяхъ, сохранившихся въ его сердцѣ.

Итакъ, домой вернулся ты,
Изъ странъ чарующей мечты,
Покинувъ югъ,
Изъ очарованныхъ долинъ,
Изъ странъ, гдѣ зрѣеть апельсинъ.
Мой милый другъ ¹⁾).

— Ты видѣлъ Флоренцію, Геную, Чивитта-Веккію,
Римъ, городъ Цезарей, ставшій городомъ мелкихъ абба-
товъ, Неаполь, «столицу лацарони, гдѣ процвѣтаютъ
музыка и макароны», городъ прелестный и очарова-
тельный. Тамъ

Лукавый plebs, простой народъ,
Невольно насъ къ себѣ влечетъ.
Разгонитъ оплинъ,
Игривымъ блескомъ острыхъ словъ
И славу онъ отдать готовъ
За апельсинъ.

Сицилія имѣетъ также особую прелесть; она но-
ситъ отпечатокъ скорѣе восточной, чѣмъ европейской
страны. Путешествіе въ этомъ краю напоминаетъ даль-
нюю поѣздку къ народамъ, не имѣющимъ ничего об-
щаго съ нашими.

Палермо чудная страна,
Тебѣ понравилась она,
Питомецъ музъ.
Катанью также ты хвалилъ,
И ты въ восторгѣ также былъ
Отъ Сиракузъ.

¹⁾ Переводъ Льва Уманца.

Желая подзадорить брата, напомнивъ ему о его тайнахъ, онъ говоритъ по наслышкѣ, но въ игривомъ тонѣ, ему свойственномъ,—въ духѣ XVIII вѣка,—о женщинахъ тѣхъ странъ :

Имѣеть городъ странный видъ ;
Вполнѣ восточный колоритъ
Лежитъ на немъ ;
Его люблю я съ давнихъ поръ,
Его спокойный, ясный взоръ.
Горитъ огнемъ.

Въ другомъ своемъ стихотвореніи, «Идилліи», Альфредъ де Мюссе говоритъ : «Люблю бесѣдовать съ иногорѣчивымъ взоромъ»...

Онъ продолжаетъ, вызывая и брата на откровенность :

Въ пустынныхъ улицахъ тайкомъ,
Скользятъ весеннимъ вечеркомъ
La toppatell'a ¹⁾
Ты шепчешь ей, потупивъ взоръ :
«Я иностранецъ, *mia cara,*
Tu sei bella» ²⁾!

Но возвратимся и перенесемся въ Аbruццы. Это страна дикая, варварская, невѣжественная.

Но въ этомъ царствѣ пиццеты
Живетъ и геній красоты ;
Свой лучъ пролить,

1) Грязетки въ катанѣ носятъ это названіе, благодаря плащу—*la torra*, который онъ обычно носятъ.

2) Ты прекрасна.

И все прекрасное любя,
Умѣютъ дѣвушки себя
Принарядить.

Но вотъ Катанья, богатая, плодотворная страна;
въ ней сохранились великія историческія преданія.
Здѣсь Марій въ изгнаніи скрывался въ болотахъ Минтурны,
здѣсь Галлибалъ (по преданію, которымъ воспользовался Мюссе)
наслаждался «прелестями» города Капуи.

Ты на Минтурны бросилъ взглядъ.
Минтурны съ Капуей лежатъ
Совсѣмъ вблизи.
Ты двухъ борцовъ напомнилъ мнѣ;
Одинъ изъ нихъ погибъ въ винѣ,
Другой — въ грязи.

Вотъ пустынные Понтійскія болота, гдѣ бродятъ
на свободѣ стада полудикихъ буйволовъ;
тамъ скрываются разбойники,
поджидая въ засадѣ путниковъ.

Ты въ Террачинѣ былъ, мой другъ,
Боялся тамъ ходить безъ слугъ
Не безъ причинъ.
Уже-ль и въ наши дни шалить
Какой-нибудь лихой бандитъ
Близъ Террачинъ?

Путешественники, услыхавъ шорохъ въ тростникахъ,
принимаютъ скрывшагося тамъ буйвола за разбойника
въ засадѣ, готового на нихъ броситься:

Но все-жъ ты много потерялъ,
Коль ты бандитовъ не видалъ
Близъ Террачинъ.

Теперь поэзии ужъ нѣтъ,
Бандитовъ нѣтъ, и скучный свѣтъ
Наводитъ сплинъ.

Послѣдуемъ за путешественникомъ, который, очевидно, посѣтилъ сначала западный берегъ и, побывавъ въ Сициліи, отправился въ Римъ, затѣмъ въ Венецію. Какимъ путемъ бы не ѣхалъ Поль Мюссе, его братъ Альфредъ хочетъ кончить Венеціей, такъ какъ этотъ городъ для него связанъ съ многочисленными воспоминаніями.

Коль ты рѣшился сдѣлать кругъ,
То былъ въ Равеннѣ, милый другъ,
Въ тѣни оливъ;
Тотъ уголокъ ты видѣлъ вновь,
Гдѣ Байронъ самъ вкушалъ любовь,
Вражду забывъ.

Великій поэтъ Байронъ, чувствуя глубокое негодованіе къ своему отечеству, путешествовалъ по Европѣ. Онъ долго прожилъ въ Равеннѣ, которую любилъ и гдѣ любилъ. Онъ покинулъ этотъ городъ въ 1823 г., принявъ участіе въ войнѣ грековъ противъ турокъ, и вскорѣ умеръ отъ лихорадки въ Миссолонги. Мюссе высоко цѣнилъ геній Байрона и часто о немъ вспоминалъ. Припомнимъ начало письма къ Ламартину: «Когда великій Байронъ покидалъ Равенну»...

Въ Феррару кучерь-мальчуганъ
Меня возилъ; лежалъ туманъ
Со всѣхъ сторонъ;
Хоть ночь угрюмая была
И на поля ложилась мгла,
Не трусилъ онъ.

О Феррарь Мюссе сохранялъ немного воспоминаній, такъ какъ онъ говоритъ лишь о мальчуганѣ, везшемъ его туда. Онъ, впрочемъ, не намѣревается быть путеводителемъ по Италіи. Совершенно *личныя* воспоминанія, пробудившіяся въ немъ въ бесѣдѣ съ братомъ и выразившіяся краткими, веселыми, трогательными или живописными замѣчаніями и размышленіями,—вотъ о чемъ упоминается въ этихъ стихахъ.

У падуанцевъ добрый нравъ,
И не одинъ тамъ докторъ правъ
Дипломъ стяжалъ.
Но все-жъ полента миѣ милѣй,
Я часто лакомился ей
Подъ тѣнью смаль!

Падуя построена на Баччилоне и на каналѣ, впадающемъ въ Бренту. Падуанскій университетъ славился въ эпоху возрожденія, въ особенности юридическимъ факультетомъ. Полента готовится изъ кукурузы,—національное кушанье.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ мучительныхъ воспоминаній Альфреда де Мюссе.

И островъ Лидо видѣлъ ты.
Слѣды минувшей красоты,
Минувшихъ грезъ?
Тамъ моря синяя волна
Полна любви, тоски полна
И горькихъ слезъ.

Венеція, какъ извѣстно, построена на группѣ мелкихъ острововъ, соединенныхъ между собою узкими каналами. Между этими островами при устьяхъ Бренты семь острововъ, лежащихъ близко другъ къ дру-

гу, образуютъ такъ наз. «Лидо» (берегъ) или «Алди»—берега, если разсматривать ихъ въ совокупности.

Тамъ прахъ Венеціи былой;
Но городъ тотъ мертвецъ живой,
Нѣмой гранить.
Я тамъ страдалъ, я тамъ любилъ,
Я сердце тамъ похоронилъ,
Тамъ духъ мой спить.

Венеція не такъ мрачна, какъ сказано въ стихахъ, Мюссе съ этимъ согласенъ, нисколько не заботясь, какъ поэтъ, о противорѣчяхъ. Но вспоминая, «что онъ сердце тамъ похоронилъ», онъ считаетъ Венецію могилой. Во время своего пребыванія въ Венеціи онъ написалъ очень веселую пѣснь; тогда какъ въ «Декабрьской ночи» онъ пишетъ такъ:

«Въ Венеціи, на мрачномъ Лидо, гдѣ среди могильныхъ травъ плещетъ блѣдная волна Адриатики»...

Предметы намъ являются такими, каково настроеніе нашей души. Вернемся къ разбираемому намъ стихотворенію:

Мой духъ, быть можетъ, ты встрѣчалъ
У мрачныхъ скалъ, гдѣ ропщеть валъ
Въ тиши ночей?
Скажи, встрѣчалъ ты духъ пѣвца
Подъ сводомъ стараго дворца?
Въ тѣни аллеі?

Мюссе, дѣйствительно, жилъ во дворцѣ Нани и тамъ страдалъ душою и тѣломъ въ 1833 г. Онъ рассказываетъ объ этомъ въ поэтическихъ воспоминаніяхъ подъ названіемъ «Исповѣдь сына вѣка»; его братъ это передалъ въ формѣ романа «Онъ и она», а Жюль

Зандъ въ другомъ романѣ — «*Она и онъ*». Эти три разсказа одинаково далеки отъ истины. Воспоминанія Мюссе всего ближе къ дѣйствительности.

Гдѣ сладко спить цвѣтущей садъ,
Гдѣ зрѣеть сочный виноградъ,
Гдѣ спить заливъ,
Гдѣ вихрь шумить, поетъ Эоль
Въ тѣли задумчивыхъ гоцдоль,
Въ тиши оливъ.

Эти строфы могутъ казаться странными людямъ, издавшимъ Венецію въ настоящее время. Но въ 1833 году это описаніе было вѣрно. Въ то время существовала на мысѣ Джіудекка, въ предмѣстьи Венеціи, лужайка съ небольшимъ храмомъ Св. Власа. Мюссе отправлялся туда собирать пахучія травы.

Его не тамъ-ли встрѣтилъ ты,
Гдѣ молча высятся кресты
Нѣмыхъ могилъ?
Не знаю, кто его найдетъ?

Гладбища въ Венеціи находятся въ Лидо.

Но бѣдный духъ мой сталъ не тотъ,
Мой духъ унылъ.

Мюссе всегда считалъ свою жизнь раздѣленной на двѣ части: до посѣщенія Венеціи и послѣ той драмы, которую ему пришлось пережить въ этомъ городѣ. Сердце, которое онъ «похоронилъ» въ Венеціи, нисколько не походило на сердце, о которомъ онъ пишетъ въ 1844 г. Что представляло оно собою въ 1833 г.?

Онъ весель былъ и юнъ и смѣль,
Онъ не боялся грозныхъ стрѣль
Своихъ враговъ.
Онъ былъ такъ гордъ, что часто самъ
Итти навстрѣчу всѣмъ врагамъ
Онъ былъ готовъ.

Это довольно точный портретъ юнаго Мюссе, сдѣланный имъ самимъ. Это молодость человѣка, не способнаго состариться, или достигнуть зрѣлости,—веселаго, смѣлаго, находчиваго, доходящаго нерѣдко до крайностей. Смѣлость досталась ему прежде всего въ видѣ наслѣдственности (его предки были военные). Благодаря своей беззаботности о будущемъ, Мюссе былъ опрометчивъ. Онъ былъ любитель рѣдкихъ и опасныхъ приключеній, всегда готовый отвѣчать на призывъ, испытать неизвѣднное. Онъ умѣлъ глубоко сочувствовать, смѣясь или улыбаясь,—смотря по настроенію,—всему прекрасному и живому. Иногда онъ гордился полученной раной; какъ истинный романтикъ и ученикъ Шатобриана и Байрона, онъ желалъ вѣрить, что пострадавшіе въ жизни имѣютъ преимущество, что Провидѣніе отличаетъ я должно отличать ихъ отъ остального стада людей, поглощенныхъ матеріальными заботами. По этому поводу онъ говорить :

И если ты любви испробовалъ отравы,
Гордись страданіемъ, хоть мнѣ тебя и жаль,
Вѣдь только тотъ великъ и тотъ достоинъ славы,
Кто сердцемъ пережилъ великую печаль...
Говоря о гордости въ стихотвореніи «La tristesse»,

онъ имѣеть въ виду не пошлую гордость свѣтскаго
человѣка, но гордость страданія.

Я даже гордости лишился,
Вселявшей вѣру въ геній мнѣ.

Что случилось съ этимъ сердцемъ въ 1833 г.? То,
что было неизбѣжно.

Отвагой рыцарь мой пылаеть,
Лелѣяеть свѣтлый идеаль
Въ святыхъ мечтахъ,
Потомъ внезапно онъ упалъ
И какъ обвалъ съ вершины скалъ
Онъ палъ во прахъ.

Мюссе, очень понятно, отводитъ себѣ первое мѣсто
въ драмѣ, разыгравшейся въ Венеціи. Часть бѣды,
несомнѣнно, лежала на его сторонѣ; нельзя однако
отрицать, что онъ поступалъ благородно, съ полной
довѣрчивостью; онъ испыталъ потрясенія, отразившія-
ся на силѣ его творчества, что доказываютъ его со-
чиненія послѣ 1833 г. и вся его переписка.

Но вѣтъ. О чемъ же я скорблю?

Этими словами выражается основная мысль стихотво-
ренія. Оно началось бесѣдой человѣка съ дру-
гомъ, посѣтившимъ тѣ-же страны, какъ и онъ. Являет-
ся рядъ вопросовъ: «Видѣлъ ли ты это, или то? Оста-
лось ли оно такимъ же, какъ и ранѣе»? Бесѣда пе-
реходитъ въ печальную элегію, когда встрѣчаются пе-
чальные воспоминанія о городѣ, гдѣ поэтъ страдалъ.
Когда эти мучительныя воспоминанія разсѣялись, онъ
снова возвращается къ прерванной бесѣдѣ, но въ то-
нѣ, болѣе вадушевномъ, чувствуя потребность не толь-

ко встрѣтить друга, но и человека, способнаго его утѣшить.

Но нѣтъ. О чемъ-же я скорблю.

Ты знаешь, я тебя люблю,

Мой милый братъ,

Ты видѣлъ мѣсто тяжкихъ мукъ,

И вновь вернулся, вѣрный другъ,

Ты къ намъ назадъ.

Ты юнъ и веселъ и здоровъ,

Твоя мечта подъ отчій кровь

Тебя влекутъ.

Вернись-же снова ты сюда

Подъ сѣнь родимаго гнѣзда,

Въ родной пріютъ.

Мюссе рисуетъ здѣсь правдивый или вымышленный портретъ своего брата, и это придаетъ много живости стихотворенію. Такое изображеніе было неизбѣжно. Говоря о себѣ Мюссе долженъ былъ дать портретъ своего брата, иначе могъ явиться пробѣлъ. Послѣдній портретъ долженъ представлять контрастъ съ первыми, чтобъ служить отвѣтомъ.

Вернись скорѣе въ отчій домъ...

Прекрасныя строчки, напоминающія стихотвореніе Эдмонда Арокура:

Разлука—временная смерть...

Если разлука—временная смерть, возвращеніе можно сравнить съ возрожденіемъ.

Вернись скорѣе въ отчій домъ,

И предъ горящимъ камелькомъ

Разскажешь ты,

Все то, что видѣлъ тамъ, вдали,
Повѣдай мнѣ, куда влекли
Тебя мечты.

И въ полуночной тишинѣ,
Мой вѣрный другъ, расскажешь мнѣ
Про свой успѣхъ.
Про рядъ удачъ и неудачъ, —
Услышу я не горькій плачь,
А юный смѣхъ.

Философія Горация, которую Мюссе приписываетъ своему брату, — эта философія, такъ удачно выражена самимъ Горациемъ въ его стихъ:

Et mihi res non me rebus subjungere conor.

— Я стараюсь стать выше обстоятельствъ, не до-
зволяя имъ меня подавлять...

Очевидно Мюссе желалъ бы примѣнить на дѣлѣ эту философію; но самъ онъ былъ на это неспособенъ, по своему темпераменту, для другихъ же желалъ ея примѣненія.

Однако Мюссе не желаетъ вторично пользоваться радостями свиданія съ вернувшимся и предпочитаетъ, чтобы другъ оставался дома:

Не ѣди вновь въ далекій путь,
Скорѣй приди ко мнѣ на грудь
Издалека,
Въ часы борьбы и тяжкихъ мукъ
Мнѣ такъ нужна, мой вѣрный другъ,
Твоя рука.

И не можетъ быть лучшаго заключенія этой «страннички», представляющей изъ себя какъ бы продолженіе басни «Два голубя» Лафонтена.

БАЛЬЗАКЪ

Физические портреты

Онорэ Бальзакъ, романистъ XIX вѣка, отличается своими описаніями и *силою*, съ которой онъ рисуетъ *типы* мужчинъ и женщинъ. Вотъ нѣсколько *физическихкихъ портретовъ*, взятыхъ среди мелкой буржуазіи и обрисованныхъ имъ удивительно точно и мощно ¹⁾.

Г-жа Бокэ, содержательница буржуазнаго пансіона.—«Появляется вдова въ тюлевомъ чепчикѣ, изъ подъ котораго виднѣются кое-какъ приколотые фальшивые локоны; она идетъ, шаркая поношенными туфлями. Ея старенькое, полненькое личико, съ выступающимъ изъ него носикомъ, крючковатымъ, какъ у попугая; ея пухленькія ручки, фигура, напоминающая толщиной церковную крысу, ея полная, колышущаяся грудь находится въ гармоніи съ квартирой, гдѣ чуется горе, гдѣ гнѣздится расчетъ, гдѣ дышется теплымъ, испорченнымъ воздухомъ, отъ

1) Всѣ эти типы изъ романа „отецъ Горіо“.

котораго: вслѣдствіе привычки, г-жу Бокэ уже не тошнитъ. Ея лицо, какъ бы схваченное первымъ осеннимъ морозомъ; ея глаза, окруженные морщинами, съ выраженіемъ, переходящимъ отъ дѣланной улыбки танцовщицы къ злому прищуриванію скряги,—вся ея особа объясняетъ пайсіонъ, какъ пансіонъ объясняетъ ея особу. Сырая полнота этой женщины—послѣдствіе ея жизни, какъ тифъ—послѣдствіе испареній госпиталя».

Въ этой полустраницѣ Бальзакъ проводитъ выдающуюся въ его художественныхъ произведеніяхъ мысль о взаимномъ вліяніи среды и человѣка: мѣсто, въ которомъ живетъ человѣкъ, какъ бы вытѣпливаетъ по своему послѣдпяго, кладетъ на него свою печать; съ своей стороны человѣкъ измѣняетъ и устраняетъ окружающее по своему вкусу; изъ этого вытекаетъ со временемъ полная гармонія, полное взаимодѣйствіе. Бальзакъ всегда рисовалъ людей въ ихъ рамкахъ, что, впрочемъ, дѣлаютъ многіе писатели, но не съ его опредѣленностью и живописной правдой.

«*Старая дѣвица Мишоно*»—носила надъ своими усталыми глазами, грязный, изъ зеленой тафты, зонтикъ съ проволокой, отъ котораго отшатнулся бы ангель милосердія. Ея несчастная шаль съ жидкой бахромой казалась висящей на скелетѣ, такую худобу она покрывала. Что за горечь отняла у этого созданья его женскія формы? Вѣроятно, она была прежде и красива, и хорошо сложена. Развратъ-ли, горе-жадность? Продавалась ли она ради роскоши, или была просто проституткой? Ея тусклый взглядъ обдавалъ холодомъ, ея сморщенное лицо угрожало. У нея были

рѣзкій голосокъ кузнечика, стрекочущаго въ своемъ кустику при приближеніи зимы».

То, что составляетъ единство приведеннаго портрета, что собираетъ его всего въ одно впечатлѣніе или ощущеніе—это идея холода. Дѣвица Мишонó одна изъ тѣхъ особъ, которыя леденятъ окружающихъ. Ей самой холодно въ ея одеждѣ, *сухой*, какъ она; она похожа на скелетъ, она изъѣдена горечью; ея взглядъ какъ бы отражаетъ холодную воду или рыхлый иней; ея голосъ холоденъ и рѣзокъ, какъ крикъ кузнечика, но, такъ какъ кузнечикъ можетъ напомнить лѣто, то авторъ спѣшитъ прибавить: «при приближеніи зимы». Дѣвица Мишонó какъ будто оставляетъ въ пройденномъ ею воздухѣ ледяныя колебанія. Дѣвица Мишонó худа, суха, кисла и холодна, какъ зима. Дѣвица Мишонó—дуновеніе холоднаго вѣтра. Удивительно сильно впечатлѣніе, получаемое изъ двадцати соответствующихъ другъ другу подробностей.

«Г-нъ Пуарэ»—это было нѣчто похожее на механизмъ. Видя, какъ онъ, сѣрой тѣнью, лежалъ на дорожкѣ Ботаническаго сада, съ головой, покрытой плоской фуражкой, еле держа рукою трость изъ желтой слоповой кости, видя, какъ развѣваются фалды его старелькаго кафтана, едва покрывая штаны, казавшіяся пустыми, видя его ноги въ синихъ чулкахъ, дрожавшія какъ у пьянаго, грязный жилетъ и измятый жабо изъ грубой кисеи, плохо соединившейся съ чернымъ галстукомъ вокругъ яндошечьей шеи,—многіе люди спрашивали себя, не принадлежитъ ли эта китайская тѣнь изъ волшебнаго фонаря одному изъ дерзкихъ сыновъ Іафета, постоянно шмыгающихъ

по Итальянскому бульвару. Какая работа такъ извела его? Что онъ былъ такое? Вѣроятно, служащій въ какой-нибудь конторѣ»...

Это портретъ человѣка, никогда не бывшаго самостоятельнымъ. Самыя первыя слова указываютъ на это: «Нѣчто, похожее на механизмъ». Остальныя слова относятся къ этой мысли и приводятъ насъ къ ней. Физически онъ только тѣнь, почти не занимающая мѣста, онъ какъ бы проскальзываетъ между близкими другъ другу слоями воздуха, почти не сдвигая ихъ, онъ едва существуетъ, такъ какъ всегда былъ ненужнымъ листкомъ, сжатымъ между другими листьями общественной книги. Онъ, видимо, не пренебрегаетъ одеждой; но она стара и бѣдна; стара потому, что ея обладатель никогда не былъ въ такомъ общественномъ положеніи, при которомъ надлежало бы ее обновить; бѣдна потому, что у ея хозяина не хватало средствъ исправить ее, и его нищета проглядываетъ сквозь эти рубища. Отбросъ общества, сохранившій еще нѣкоторое чувство собственнаго достоинства (у него есть жабó), но жалкій и, главное, смѣшной, — вотъ г-нъ Пуарэ.

«М-ль Викторина Тайльферъ». — Хотя м-ль Викторина Тайльферъ была болѣзненно блѣдна, какъ дѣвочки, страдающія хлорозомъ, и своимъ грустнымъ видомъ, изобличавшимъ бѣдность, своей застѣнчивостью и хрупкостью не выходила изъ страдальческаго общаго фона этой картины, но все же ея лицо не было старо, ея движенія были быстры и голось свѣжъ. Она была похожа на молодое деревцо съ пожелтѣвшими листочками, только что пересаженное въ

неблагоприятную для него почву. Ея красноватая фізіономія (неправильное выраженіе: не фізіономія, а лицо бываетъ краснымъ), ея рыжевато-бѣлокурые волосы, ея слишкомъ тонкая талія напоминали ту грацію, которую современные поэты находятъ въ средне-вѣковыхъ статуяхъ. Въ ея сѣрыхъ, почти черныхъ глазахъ, свѣтились кротость и христіанское смиреніе. Ея простыя, дешевыя платья облегали молодыя формы тѣла (авторъ, вѣроятно, хочетъ сказать, что, по сравненіи съ окружавшими ее, она казалась красивой). Была бы она счастлива, она была бы прелестна; счастье—поэзія женщинъ... Если бы радость бала заиграла румянцемъ на этомъ поблекломъ лицѣ: если бы нѣга элегантной жизни восполнила осунувшіяся щеки; если бы любовь одушевила печальные глаза,—Викторина могла бы посоперничать съ самыми красивыми дѣвушками»...

Наиболѣе объясняющіе этотъ текстъ слова—сравненіе Викторины съ пересаженнымъ въ неподходящую почву молодымъ деревцомъ, листья котораго уже пожелтѣли. Плохое здоровье дѣвушки—случайность. Рыженькая, съ почти черными глазами, она отъ природы здорова; она красива, она хорошо сложена, но бѣдность перепесла ее въ нездоровую обстановку. Она вянетъ: она уже слишкомъ худа; красота ея не выразительна; ея грація не вызываетъ улыбки, эла, если можно такъ выразиться, красива внутри. Нѣтъ въ ней того расцвѣтанія, которое происходитъ отъ счастья или иллюзіи счастья. Это цвѣтокъ, которому земля отказываетъ въ пищѣ. Ея молодость еще подерживаетъ ее. Состарится она и превратится въ дѣ-

вицу Мишонб, и зеленый абажуръ освѣтитъ ея сѣрые съ чернымъ, много поплакавшіе глаза. Это молодое деревцо, только что пересаженное въ неблагопріятную почву,—вотъ и все.—Къ такому объясненію приводить описаніе молодой дѣвушки, все же прелестной въ ея меланхолической граціи.

«Г-нъ Вотренъ».—Между этими двумя лицами и предыдущими стоитъ сорокалѣтній, съ крашеными бакенбардами, Вотренъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ народъ говоритъ: «Вотъ такъ молодчина». Онъ былъ широкъ въ плечахъ, съ развитымъ торсомъ, съ выступающими мускулами; у него были толстыя, четырехугольныя руки, украшенныя на суставахъ могучими пучками рыжихъ волосъ. Въ его прорытомъ раннимъ морщинами лицѣ было что-то жесткое, противорѣчившее его простымъ, задушевнымъ манерамъ. Басовый голосъ, подходящій къ его грубому веселью, былъ довольно пріятенъ. Вотренъ былъ услужливъ и смѣливъ. Если портился какой-нибудь замокъ, онъ въ одну минуту отвертывалъ его, подтачивалъ, смазывалъ, исправлялъ со словами: «Это мнѣ ни по чемъ». Онъ все зналъ: корабли, море, Францію, за-границу, дѣла, людей, случаи, законы, гостиницы и тюрьмы. Если кто жаловался, онъ предлагать свои услуги. Онъ нѣсколько разъ давалъ деньги въ долгъ г-жѣ Бокэ и ея жильцамъ; по его должники предпочли бы умереть скорѣе, чѣмъ не возвратить ему долгъ, ибо, несмотря на кажущееся добродушіе, въ его глубокомъ и рѣшительномъ взглядѣ было что-то страшное. Въ маперѣ, какъ онъ выплевывалъ струйку слюны, было видно хладнокровіе, кото-

рое не дозволило бы (и не позволяло) отступитъ передъ злодѣйствомъ, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Его глазъ, какъ строгій судья, проникалъ въ глубь всѣхъ вопросовъ, всѣхъ совѣстей, всѣхъ чувствъ... Онъ зналъ или угадывалъ дѣла всѣхъ окружающихъ, въ то время, какъ никто не могъ проникнуть въ его дѣла и занятія. Несмотря на добродушіе, постоянную услужливость и веселость, которыя онъ ставилъ какъ грань между собою и другими, ужасалющая глубина его характера иногда проглядывала... Вотренъ злодѣй, но человѣкъ сильнаго ума. Однако для веденія романа, автору не приходится сразу объявлять его злодѣемъ. Поэтому онъ сначала только представляетъ его человѣкомъ *загадочнымъ*. Онъ физически силенъ, выносливъ. Онъ «добрый малый», услужливый, веселый, бодрящій. Нельзя не имѣть къ нему симпатіи. Приятно видѣть, что онъ такъ здоровъ: это человѣчно. Но онъ скрытенъ; никто ничего не знаетъ ни о немъ, ни о его занятіяхъ,—людямъ, болѣе наблюдательнымъ, чѣмъ жильцы пансіона г-жи Бокэ, пожалуй, бросилось бы это въ глаза, но бессознательно, и они нѣсколько терроризованы, если не тѣмъ, что ничего о немъ не знаютъ, то тѣмъ, что онъ все знаетъ о нихъ. Къ тому же его глубокій, пронизательный взглядъ и жесткія черты фізіономіи, когда онъ не смѣется, настолько противорѣчатъ его мягкимъ манерамъ, что наблюдателю нетрудно было бы заподозрить неискренность послѣднихъ. Наконецъ, онъ ужь слишкомъ ловко отвертываетъ и исправляетъ замки. Всѣ эти черты безпокоятъ, если не обывателей пансіона, то читателя настолько, что онъ начинаетъ

предугадывать злодѣя, что и хотѣлъ авторъ. Между тѣмъ, уже ярко нарисовать портретъ человѣка *энергичнаго и ловкаго, увѣреннаго и знающаго, вполне владѣющаго собой, самовластнаго, безъ предразсудковъ и маній, могущаго быть только злодѣемъ или сыщикомъ.* Портретъ, не преувеличенный, но набросанный широкими чертами, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающими глубокое изученіе—превосходенъ.

«*Отецъ Горіо*».—Отецъ Горіо, довольно богатый фабрикантъ вермишели, котораго разоряютъ его двѣ, горячо любимыя имъ, дочери. Отсюда два портрета: состоятельнаго г-на Горіо, когда онъ прибылъ въ пансіонъ Бокэ; и обѣднявшаго, опустившагося *отца Горіо*, три года спустя.

«*Г-нъ Горіо*».—Горіо явился съ богатымъ гардеробомъ, со всею роскошью негоціанта, оставившаго свое дѣло и ни въ чемъ не отказывающаго себѣ. Г-жа Бокэ залюбовалась восемнадцатью голландскими рубашками, тонкость которыхъ поражала тѣмъ болѣе, что фабрикантъ прикрывалъ ихъ объемистымъ жабо, придерживаемомъ двумя, соединенными цѣпочкой, булавками, съ крупными брилліантами. Подъ обыденный синій нарядный сюртукъ, онъ ежедневно надѣвалъ чистый пикейный бѣлый жилетъ, который нѣсколько приподнимало его дрожащее, грушевидное брюшко, а на немъ болталась толстая золотая цѣпочка, съ массой брелоковъ. На его, также золотой, табакеркѣ былъ медальонъ съ волосами, наводившій на мысль, что его жизнь не прошла безъ успѣховъ у женщинъ. Когда хозяйка назвала его *волокистой*,

по его губам скользнула улыбка польщенного въ своемъ самолюбіи буржуа»...

Вотъ портретъ зажиточнаго и вульгарнаго мѣщанина. Онъ всегда любилъ и любить тонкое бѣлье, платье такое, какое носить высшая буржуазія на гуляньяхъ, бѣлый жилетъ—смѣняемый каждый день въ доказательство богатства и отсутствія экономіи—и, главнымъ образомъ, драгоценности, которыя не надѣняютъ настоящій щеголь, но которыя могутъ привлечь взоры и уваженіе. Онъ имѣетъ ихъ много: тяжелую золотую цѣпь, булавки съ солитерами, золотую табакерку. Онъ носитъ съ собою маленькое состояніе, показывающее, что онъ обладаетъ и большимъ. Чтобы и другіе знали, да и чтобъ онъ самъ не забывалъ этого, онъ смотритъ на свои брелки и табакерку, какъ смотрѣлъ бы на себя въ зеркало. Въ немъ все говорить: «Я богатъ, но я боюсь объ этомъ забыть. Хотя онъ умѣренъ въ своей жизни въ эту минуту, но онъ толстъ, *бодръ*, съ полными, свѣжими щеками; его сложеніе, походка, движенія обличаютъ челоуѣка еще не стараго.

«Несмотря на то, что его вѣки распухли и слезились, отчего ему часто приходилось прикладывать къ нимъ платокъ, г-жа Бокэ нашла его пріятнымъ и *comme il faut*. Его крѣпкія, выдающіяся икры, его длинный мясистый носъ позволяли дѣлать предположенія о его нравственныхъ качествахъ, которымъ не противорѣчило лунообразное, наивное лицо этого добродушнаго челоуѣка. Парикмахеръ политехническаго училища приходилъ ежедневно причесывать и пудрить его».

Это былъ средній мѣщанинъ времени Людовика Филиппа, мечтавшій о высшей буржуазіи и подражавшій ей.

«Горіо - отецъ».—Черезъ три года «отецъ Горіо» явился какъ-то разъ безъ пудры; его хозяйка не могла воздержаться отъ удивленнаго восклицанія при видѣ цвѣта его волосъ: они были грязно-сѣрые, съ зеленымъ оттѣнкомъ. Его лицо, отъ постоянныхъ скрытыхъ испріятностей, стаповившееся со дня на день болѣе грустнымъ, теперь казалось самымъ печальнымъ изъ всѣхъ за столомъ... Когда его бѣлье изнасилось, онъ купилъ коленирку по четырнадцати су локоть, чтобы имъ замѣнить свое прежнее прекрасное бѣлье. Его брилліанты, его табакерка, его драгоценности исчезли одна за другой. Свой синій сюртукъ, свой парадный костюмъ онъ замѣнилъ курткой и панталонами изъ грубой шерсти и пальто изъ толстаго коричневаго сукна, въ которомъ ходилъ зиму и лѣто. Онъ похудѣлъ, его икры уже не выдавались, его лицо, полнѣвшее отъ довольства буржуазнымъ счастьемъ, теперь избородилось морщинами, его челюсть стала выдаваться. Онъ сдѣлался непохожимъ на самого себя. Добрый, шестидесятидвулѣтній фабрикантъ вермишели, которому еще недавно можно было дать лѣтъ сорокъ, кругленькій, глупо сіяющій мѣщанинъ, обращавшій вниманіе прохожихъ своимъ свѣжимъ видомъ и молодой улыбкой, теперь казался одурѣвшимъ, блѣднымъ, дрожащимъ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Его живые голубые глаза приняли матовый, сѣро-желѣзный оттѣнокъ; они поблекли, постоянно слезились, и ихъ красныя вѣки казались кровавыми. Однимъ онъ

быль отвратителенъ, другимъ жалокъ. Безрезультатно разспрашивавшіе его студенты медицины, замѣтивъ его отвѣсшую нижнюю губу и измѣривъ его лицевой уголъ, нашли, что онъ постигнутъ кретинизмомъ»...

Всѣ черты второго портрета, въ противоположность первому, рисуютъ фізіологическій упадокъ, какъ послѣдствіе и внѣшнее проявленіе моральнаго страданія. Исхуданіе, морщины на лбу и щекахъ, блѣдность лица; вмѣсто толстыхъ икръ, свидѣтельствующихъ о твердой поступи, дрожація движенія. Ни одна черта не говоритъ о настоящей болѣзни, но каждая черта заставляетъ предполагать глубокое нравственное горе, гнетущее, медленно уничтожающее.

Послѣднее слово обобщаетъ весь отрывокъ: молодые студенты объявляютъ Горіо идіотомъ, потому что онъ поглощенъ одной изъ тѣхъ предвзятыхъ мыслей, которыя, не дѣлая собственно человѣка идіотомъ, придаютъ ему внѣшній видъ такового.

Замѣтьте также первое слово: Горіо безъ пудры. Это высказано прежде всего, во-первыхъ, потому что это была *одна изъ первыхъ* жертвъ, принесенная Горіо, во-вторыхъ, потому, что эта внезапная переменѣна обратила вниманіе пансіонеровъ и на другія, незамѣченныя до сихъ поръ переменны въ немъ. «Дѣйствительно, онъ очень переменился въ эти три года. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, осунулся» и пр. Что касается до *впечатлѣнія на окружающихъ*, то это довершаетъ портретъ. Какой бы не былъ самъ по себѣ человѣкъ, но, для читателя впечатлѣніе, произведенное имъ на окружающихъ, является важнымъ и, какъ

бы окончательнымъ указателемъ. Вотъ впечатлѣніе, произведенное на окружающихъ :

«Онъ часто погружался въ задумчивость, прилимаемую поверхностными наблюдателями за старческое ступѣніе. Всякій обыватель пансіона имѣлъ опредѣленное мнѣніе о бѣдномъ старикѣ. «У него никогда не было ни жены, ни дочерей. Злоупотребленіе удовольствіями превратило его въ улитку, въ антропоморфическій моллюскъ, котораго приходится помѣстить между морскими раковинами», утверждалъ одинъ изъ служащихъ музеума. Пуаре былъ орломъ, джентльменомъ по сравненію съ Горіо. Пуаре рассуждалъ, разговаривалъ, отвѣчалъ; на самомъ дѣлѣ, онъ, рассуждая, разговаривая и отвѣчая, ровно ничего не высказывалъ, такъ какъ обыкновенно повторялъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ, чужія слова, но онъ поддерживалъ разговоръ, онъ былъ живъ, онъ казался чувствительнымъ, тогда какъ отецъ Горіо, по выраженію того же служащаго въ музеумѣ, всегда стоялъ на нулѣ термометра Реомюра».

Однимъ словомъ, Горіо былъ весь *поглощенъ* одной мыслью. Что-то занимаетъ, поглощаетъ его всецѣло и не допускаетъ ни до малѣйшаго вниманія къ виѣшнему міру. Онъ не *чувствителенъ* къ виѣшнему, онъ какъ будто уже не живетъ. Онъ стоитъ ниже полоумнаго, послѣдній пассивенъ: его трогаютъ, онъ повторяетъ этотъ жестъ, ему говорятъ, онъ повторяетъ какъ эхо: онъ пассивенъ. Горіо даже не пассивенъ; онъ не чувствуетъ прикосновенія виѣшнихъ предметовъ, всякая связь между нимъ и виѣшнимъ міромъ какъ бы порвана. Почему? Пансіонеры

г-жи Бокэ объясняютъ это по-своему. Читатель задаетъ этотъ вопросъ съ интересомъ, и портретъ, самъ по себѣ крайне любопытный, поставленъ здѣсь очень кстати чтобы служить предисловіемъ къ роману и приглашеніемъ прочесть его.

Бальзакъ превосходный портретистъ и очень искусный романистъ.

L'ART
DE LIRE

АКАД.
Э. ФАГЭ

КАКЪ ЧИТАТЬ

Издание 4-е,

исправленное и дополненное

ПЕРЕВОДЪ А. Ф ГРЕТМАНЪ

Стр. 159. Цѣна **50** коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. Читать медленно. Книги идейныя. Книги, говорящія нашему чувству. О драматическихъ сочиненіяхъ. Поэты. Темные писатели. Плохіе авторы. Враги чтенія. Чтеніе критиковъ. Перечитывать. Заключение.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	9
Гомеръ	17
Виргилій	37
Раблэ	57
Монтень	75
Мольеръ	95
Корнель	111
Расинъ	129
Боссюэ	147
Лабрюеръ	167
Буало	185
Вюффонъ	203
Монтесьяе	219

	<i>Стр.</i>
Вольтеръ	237
Ж. Ж. Руссо	255
Шатобрианъ	271
Ламартинъ	287
Альфредъ де Вивьи	305
Викторъ Гюго	321
Альфредъ де Мюссе	337
Бальзакъ	353

7.50
19724168

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

